М. П. АЛЕКСЕЕВ

СИБИРЬ
В ИЗВЕСТИЯХ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И ПИСАТЕЛЕЙ

ВВЕДЕНИЕ, ТЕКСТЫ
И КОММЕНТАРИИ

Том I. Часть

(2-я половина XVII века)

КРАЙГИЗ
ИРКУТСК
1936

M. P. ALEKSEEV

SIBIRIE

NACH DEN BERICHTEN DER WESTEUROPÄISCHEN REISENDEN UND SCHRIFTSTELLER

EINLEITUNG, TEXT
UND KOMMENTAR

I Band II

II-te Hälfte d. XVII Jahrh.

IRKL
1936

Отв. редактор Г. Ф. Кунгуров.
Техредактор К. Д. Бирюльмина.
Корректор М. А. Комченко.

Сдано в набор 16 августа 1935 г.
Подп. к печати 3 марта 1936 г.
Формат бумаги 62 × 94 1/16.
Тираж 2.000. Знаков в 1 бумажном листе 87840. Учетно-авторских 11,84. Бум. листов 4 3/8.
Востсибкрайлит № 1261. Облиз № 704. Заказ № 1385.

Иркутск, типография Облиза треста „Полиграфкнига", улица Карла Маркса, № 19.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первый том настоящей работы вышел в Иркутске в начале 1933 года[1]. В нем помещено 33 известия западно-европейских путешественников и писателей о Сибири и комментарии к ним, охватывающие период с XIII по XVII век (Плано-Карпини, Гильом де Рубрук, Роджер Бэкон, Марко-Поло, Иоганн Шильтбергер, Юлий Помпоний Лэт, Матвей Меховский, Франческо да Колло, Павел Иовий, Сигизмунд Герберштейн, Ричард Джонсон, Рафаэль Барберини, Андрэ Тевэ, Даниил Принтц, Алессандро Гваньини, Генрих Штаден, Герард Меркатор, Иоганн Балак, Антон Марш, Фрэнсис Черри, Джильс Флетчер, Петр Петрей, Джосиас Логан, Вильям Персглоу, Ричард Финч, Исаак Масса, Иероним Мегизер, Неизвестный англичанин, Адам Олеарий, Джон Мильтон, Ламартиньер, Августин Мейерберг, Неизвестный). Самым текстам предпослано общее „Введение", дающее историю развития представления о северной Азии в Западной Европе от эллино-римских времен вплоть до XVII века включительно.

Вторая часть первого тома, выпускаемая ныне, написана по тому же плану, что и первая и является ее естественным продолжением, согласно обещанию, высказанному в послесловии к изданной в 1932 г. (т. I, стр. 368). Поэтому, как тип издания, так и принцип расположения материала остались прежними. Не повторяя обоснований избранного способа изложения, т. к. это достаточно подробно сделано в предисловии к первому тому (см. стр. V—XII), укажем лишь, что попрежнему каждая глава разделена на три части: в первой даются исторические, биографические и библиографические сведения об авторе публикуемого текста и его литературных трудах, далее следует самый текст, сопровождаемый необходимыми пояснениями реально-исторического, географического и т. п. характера. Однако, в отличие от первой части первого тома, во второй несколько видоизменилось соотношение между публикуемыми

[1] М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии, т. I. Крайгиз, Ирк. 1932, стр. LX+366.

текстами и комментариями к ним; в тех случаях, когда требуемые текстом пояснения с бо́льшими подробностями уже сделаны к текстам, опубликованным ранее, эти пояснения не повторяются, заменяемые ссылкой на соответствующие страницы первой части первого тома; однообразие известий, публикуемых ныне,—объясняющееся главным образом сравнительно небольшим периодом времени, к которому эти известия относятся, позволило расширить объем избранных текстов и несколько сократить комментарии к ним, поскольку важнейшие справки общеисторического характера уже были сделаны ранее. По той же причине, выпускаемой ныне второй половине первого тома не предпослано особого „Введения", т. к. напечатанное в 1-ой части охватило уже и весь публикуемый ныне материал.

Настоящий том содержит в себе избранные тексты, относящиеся исключительно ко второй половине XVII века. К этому времени Сибирь становится довольно известной в Западной Европе; вместо небольших, притом записанных большею частью с чужих слов, рассказов о Сибири, недостоверных и полулегендарных сказаний путешественников, в европейской литературе появляются теперь более подробные сочинения, целиком или в значительной своей части посвященные Сибири, труды, основанные на более тщательном изучении вопроса.

Некоторые из этих сочинений настолько велики по объему, что включение их полных русских переводов в настоящее издание значительно нарушило бы пропорциональность ее отдельных частей; поэтому, в ряде случаев, пришлось ограничиться публикацией избранных отрывков из этих сочинений (напр., Исбрант Идес), которые дали бы достаточно полное представление о целом; в таких случаях, вступительные статьи к отдельным текстам стараются, по возможности, более подробно ориентировать читателя в библиографии вопроса и облегчить ему самостоятельные розыски наиболее авторитетных изданий. Кроме того, я имел в виду, что некоторые из подобных сочинений (напр., интереснейший дневник путешествия в Китай через Сибирские области Исбранта Идеса) несомненно должны быть переизданы целиком, независимо от того, насколько большие извлечения из них приведены в настоящем издании. Попрежнему, настоящее издание стремилось охватить весь известный в печати западно-европейский материал о Сибири и, тем самым, положить начало составлению систематического свода иностранных известий о Сибири. Рукописный, архивный материал из западно-европейских книгохранилищ привлекался лишь случайно, подобно тому, насколько это было доступно автору и в опубликованном ранее томе. Рукописный и еще неизвестный в печати материал о Сибири на западно-европейских языках, находящийся в собраниях и архивохранилищах СССР, также использован здесь лишь случайно.

Условной хронологической границей тома автор поставил себе год выхода в свет книги Н. Витсена „Северная и Восточная Татария" (Амстердам, 1692, 2-ое изд. 1705 г.), положившей начало подлинному научному изучению края. Проектируемый второй том (см. т. I, стр. XII и след.) должен включить в себя значительные отрывки преимущественно из голландских и шведских сочинений о Сибири, в пределах, приблизительно, первого тридцатилетия XVIII века.

Автор стремился к полноте охвата материала; однако, он не может быть уверенным, что она достигнута им в достаточной мере. Библиографических путеводителей по интересующим его вопросам, в большинстве случаев, не существует, а имеющиеся случайные попытки в этой области охватывают не весь доступный исследователям материал; приходится еще раз повторить высказанное ранее (см. т. I, стр. VII—VIII) сожаление о том, что столь важная группа исторических источников, какую составляют западно-европейские известия о Сибири, была совсем почти не исследована учеными. Неожиданные находки и счастливые открытия здесь не только возможны, но, повидимому, предвидимы и ожидаемы [1].

Первый том настоящей работы вызвал в печати ряд откликов. Мне известны следующие рецензии: М. Гудошников. Новая книга о Сибири. „Будущая Сибирь" (Иркутск) 1933, кн. 3, стр. 49—52; М. К. „Moskauer Rundschau", 1933 № 37 (242), 10 September; A. Mazon, в „Revue des études slaves" (Paris) 1933, т. XIII, 1—2, p. 133; Б. Г. Реизов, „Звезда" (Ленинград), 1933 № 7, стр. 191—192; Е. Г. Кагаров, „Советский Север". „Общественно-научный журнал комитета Севера при Президиуме ВЦИК", М. 1934 № 5, стр. 104—106; P. Savickij „Germanoslavica. Vierteljahrschrift für Erforschung der germanisch—slavischen Beziehungen" Prag, Jahrg. III, 1935, Heft 1—2, S. 169—175 [2].

---

[1] В одном случае автор допустил сознательный пропуск. Речь идет о латинском сочинении Юрия Крижанича „Relatio de Siberia". Пропуск этот сделан по следующим основаниям. Хотя это сочинение и написано иноземцем, но Крижанич состоял на русской службе и затем был сослан в Сибирь, где и пробыл около 15-ти лет (с 1661 по 1676 г.). Написанное им ок. 1680 г. „Повествование о Сибири" было издано у нас в первый раз в начале XIX века, без имени, тогда еще неизвестного, автора, в западной же литературе оставалось мало известным („Повествование о Сибири". Латинская рукопись XVII века, изданная с российским переводом и примечаниями Г. Спасским, Спб. 1822). Переизданное затем в книге А. Титова (Сибирь в XVII веке. М. 1890, стр. 152—213), сочинение Юрия Крижанича пользуется популярностью в русской литературе. Таким образом, введение его в круг иностранных известий о Сибири было бы несомненной натяжкой; с другой стороны, важнейшие факты этого сочинения с достаточной полнотой использованы в примечаниях к другим текстам (см. т. I, стр. 320—322 и др.; в настоящем томе тексты: Кильбургер, Гильдебрант фон Горн и т. д.).

[2] Все эти рецензии благоприятны моей работе, за исключением статьи Л. Виленского („Критико-библиографический бюллетень. Общественно-политическая литература", 1933 № 9, стр. 26—28). Автор явно не разобрался в моей книге, считая ее, по неизвестным для меня причинам, „пособием чисто вспомогательного,

Единодушное признание важности и своевременности предпринятого мною труда укрепило меня в мысли, что завершение первого тома книги также принесет свою пользу. Выпускаемая ныне часть, в основном, была написана уже в 1932 году (см. т. 1, стр. 368), но я мог воспользоваться перерывом в выпуске ее в свет для того, чтобы сделать некоторые поправки и дополнения.

М. П. Алексеев.

Ленинград
Май 1935

учебного характера" и упрекая меня, между прочим, в том, что „автор нигде не называет тех книгохранилищ, в которых находятся цитируемые им источники"(!): абсурдность этого упрека очевидна для всякого, кому пришлось перелистывать мою книгу. В таком же роде и другие упреки; иронизируя, напр., над моим заявлением, что книга является „первым томом задуманного полного и систематического свода иностранных известий о Сибири", Л. Виленский поучает меня что „ряд важнейших материалов по Сибири хранится в архивах Англии, Германии, Японии, Голландии, Швеции и других стран". но только не считаясь с моим заявлением, что моя книга, как „библиографическая по преимуществу", оруду с т печатными, а не рукописными источниками, но и забывая, что я произвел также доступные мне поиски рукописного материала в западно-европейских книгохранилищах. Попытки Л. Виленского определить „социальное лицо" большинства опубликованных мною авторов более чем неудачны: к „ученым гуманистам" отнесен Роджер Бэкон, францисканский монах XIII века (автор рецензии, очевидно, спутал его с Фрэнсисом Бэконом), а также английский посол в Москве Джильс Флетчер, который никогда гуманистом не был; Рубрук не был французом, а Герберштейн— поляком и т. д Всего же забавнее глубокомысленные поиски „тайных пружин", обусловивших фантастический элемент в рассказах Плано-Карпини: оказывается виной всему была любовь папы Иннокентия IV к „разного рода небылицам и сказкам" (!).

При наличии такого рода курьезов, я предпочитаю отказаться от полемики с моим рецензентом, которая была бы бесполезной тратой времени и места.

XVII век

XXXIV САМЮЭЛЬ КОЛЛИНЗ | SAMUEL COLLINS

(1669)

Самюэль Коллинз — английский врач, долго служивший в Москве. В биографии его существует большая путаница, благодаря тому, что и в русских и в заграничных источниках его обычно смешивают с двумя другими врачами XVII века, носившими то же имя. Коллинз — автор приводимого ниже описания Сибири, родился в 1619 г. в семье викария в Braintree, учился в Кэмбридже, но покинул университет, не окончив его, и уехал в Падую. Неизвестно, как долго провел он в Италии, однако, мы знаем, что он получил здесь звание доктора медицины, затем отправился обратно в Англию, в Оксфорд, и здесь вторично получил ту же ученую степень в 1659 году. Вскоре после того, он, вероятно, уехал в Голландию. В это время английский купец Джон Гебдон, в должности московского резидента в Англии и Голландии, приехал в Голландию для вербовки на русскую службу офицеров, врачей и аптекарей (см. И. Я Гурлянд. Иван Гебдон, комиссариус и резидент, Ярославль, 1903). В один из своих двух приездов в Голландию (между мартом и декабрем 1659 г. или летом 1660 г.) Гебдон встретился с Коллинзом и предложил ему вакантную должность лейб-медика при царе Алексее Михайловиче. Коллинз согласился и, вместе с Гебдоном, приехал в Москву. В Москве Коллинз провел девять лет, затем, по его собственному желанию, был отпущен на родину, очень щедро при этом награжденный (ср. Труды и Летописи Общ. Ист. и Древн. VIII, М. 1837, стр. 397—400). Хотя прощальная аудиенция и отпускные документы даны ему были еще в июне 1666 года, но в Москве он оставался еще до 1669 г. 1669 год застает его уже в Лондоне, где он провел, однако, немного времени и уехал в Париж. Здесь Коллинз и умер 26 октября 1670 г. В церкви его родного городка Braintree, по его собственному желанию, установлена была поминальная плита, которая дает некоторые даты и проливает свет на обстоятельства последних лет его жизни (она приведена полностью в „Notes and Queries" 2-nd Series, X, 1860 № 238, p. 42—43). Наиболее точные и подробные

биографические данные о Коллинзе приводят „Dictionary of National Biography" vol. XI, 1887, p. 375—376 и Wilh. Graf в своем немецком переводе его сочинения (Leipz. 1929, S. V—VI), большинство же других источников дают неверные сведения, смешивая Коллинза, жившего в Москве, с двумя другими врачами: Самюэлем Коллинзом вторым (1618—1710), также учившемся и в Оксфорде, и в Падуе, и в Кэмбридже, лейб-медиком английского короля и автором труда „A Systeme of Anathomy" (Lond. 1685) или с Самюэлем Коллинзом третьим (1617—1685),—также воспитанником Кэмбриджского и Оксфордского университетов.

Это смешение мы находим в таких распространенных трудах, как W. M. Richter, Geschichte der Medizin in Russland. Moskau, 1815, Bd. II, S. 276—281; Adelung. Krit. Liter. Übersicht, Bd. II S. 342—344; Nouvelle Biographie générale (1856) XI, p. 195; Biographie Universelle (Michaud). Paris, 1854, VIII, p. 602—603; Biogr. Lexikon der hervorragenden Ärzte aller Zeiten und Völker, hrsg. von Gurlt—Hirsch, Wien und Leipz. 1885, II, s. 57) и т. д., не говоря уже о многочисленных русских работах. Окончательно привел в ясность этот запутанный биографический вопрос В. Граф (Сл. т. I, стр. LX прим. 101).

После смерти Коллинза, один из его учеников или друзей, бывший с ним в России, передал английскому книгоиздателю оставшиеся от Коллинза записки о его пребывании в Москве, которым придана была форма письма. Изданная впервые в Лондоне в 1671 году, книга эта привлекла внимание его современников и заняла довольно важное место среди иностранных источников о московском государстве.

Полное заглавие ее таково: „Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне, одной значительной особой, в течение девяти лет находившейся при дворе московского царя" (The Present State of Russia, in a letter to a friend at London, written by a Eminent Person, residing at the Great Tzars Court in Moscovy for the Space of nine years. London, 1671).

Аделунг почему то говорит, что первое издание этой книги появилось в 1667 году. Это несомненная ошибка, повторенная, однако, во многих русских исследованиях. Предполагаемое издание 1667 года отсутствует в Британском Музее и неизвестно ни одному из западно-европейских библиографов. Ленинградская публичная библиотека располагает также только изданием 1671 года, которое является первым, вышедшим через год после смерти автора. „С. Коллинз,— говорит в своем „Обзоре" Аделунг, — приводит в своем сочинении много интересных сведений о состоянии тогдашней России, которые тем более достоверны, что при собирании их ему оказали помощь как его образование, так и высокое положение, им занимаемое". И. И. Соколов („Отношение протестантизма к России в XVI и XVII вв. М. 1880, стр. 221—222) заходит даже слишком далеко, предполагая, что „Самуил Коллинз своим сочи-

нением о России много способствовал пробуждению наблюдательной пытливой русской мысли как в правительственных сферах, так и в частных образованных кружках". Д. В. Цветаев (Протестанство и протестанты в России до эпохи преобразования. М. 1890, стр. 760) совершенно правильно усумнился в достоверности такого предположения: в России его книга едва-ли была известна. Однако, западные современники Коллинза приняли ее с большим интересом, что доказывает ряд изданий ее и переводов. Книга сообщает много очень любопытных данных, собранных автором в Москве.

Правда, известия Коллинза о Сибири дают мало нового, сравнительно с его предшественниками. Попадись Коллинзу книги Гэклюйта и Перчэса, он увидел бы, что, например, о реке Оби, которую он считает „малоизвестной", его соотечественники собрали достаточно подробные сведения уже на рубеже XVI и XVII веков, что на путешествие в Сибирь отнюдь не надобен был столь значительный срок (шесть лет), как он предполагает и т. д. В отдельных случаях, Коллинз был, вероятно, просто плохо информирован. При всем этом некоторые из приводимых им данных очень интересны, так как основаны на устных расспросах, побывавших в Сибири людей, которых он видел в Москве. Характерной особенностью сообщаемых им данных является обилие естественно-исторических наблюдений; специальное образование и склонности натуралиста позволили ему собрать ряд сведений о флоре и фауне Сибири, отсутствующие у других писателей. Любопытны его известия о степных пожарах на юге Сибири, о самоедах и др. Значение книги Коллинза недавно подтвердила работа: W. Graf — Samuel Collins', Leibarztes des Zaren Alexei Michailovic, Moscovitische Denkwürdigkeiten (Slavisch-Baltische Quellen und Forschungen, H. 4. Leipzig, 1929), представляющая собою первый немецкий перевод сочинения Коллинза, снабженный вступительным очерком и комментариями переводчика.

В Амстердамское издание книги Ламартиньера (см. т. I, стр. 303 сл.) „Путешествие в северные страны" издатель ввел без имени Коллинза все его сочинение о России, приписав его некоему французу, которого, якобы, Ламартиньер встретил в Печорских лесах. Характерно, что эта контрафакция была раскрыта очень поздно; по замечанию А. Браудо („Сборник в честь Д. Ф. Кобеко", СПб. 1913, стр. 255), „о том, что сообщаемые Мартиньером сведения о России суть ни что иное, как простая перепечатка сочинения Коллинза, не знали ни немецкий издатель, который в предисловии в числе разных авторов, писавших о России, цитирует и Коллинза, ни английский, который, как видно из заглавного листа, действительно считает автором француза, жившего в России". — Не знал этого и не указал в своем русском издании книги Ламартиньера и В. Семенкович: „Путешествие в северные страны". М. 1911; Коллинзу принадлежат здесь стр. 127—178. Первый русский перевод сочинения Коллинза принадлежит Н. А. Полевому („Русский Вестник"

1841 № 9; о Сибири: стр. 573—575, 576—579); он сделан по французскому изданию 1679 года — „Relation curieuse de l'éstat présent de la Russie, traduite d'un auteur anglais" — (см. „Русский Вестник" 1841 № 8, стр. 161) и имеет прибавления, пропуски и большие неточности; английский же подлинник и имя автора, находящееся в приписке в конце книги, стали Полевому известны лишь уже по отпечатании его перевода. Новый перевод с английского текста (1671 г.) дал П. Киреевский (Чтения в Общ. Ист. Древн. Год первый. 1846 № 1 и отд. М. 1846). Хотя переводчик и старался „передать подлинник со всей возможной точностью и даже выразить оттенки его слога, часто, может быть, слишком небрежного", но и этот перевод, к сожалению, не совсем полон: так, Киреевским пропущен отрывок, касающийся происхождения Б. И. Морозова (он напечатан в „Моск. Вестнике" 1828, ч. 7, № 2; С. Р. Минцлов. Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, вып. I, Новгород, 1911, стр. 60), а также допущены некоторые сознательные искажения, повидимому, по требованию цензуры (см. М. П. Алексеев. К анекдотам об Иване Грозном у С. Коллинза, „Фольклор" 1935, № 2—3). В основу перевода нижеследующего отрывка положен старый перевод П. Киреевского (стр. 23—26), сверенный с английским подлинником 1671 г. Нумерация глав оказалась у Киреевского неточной; мы сохраняем обозначение помещенных ниже глав: XVII и XVIII (у Киреевского они соединены в одну—XV), а также заглавия их, из которых второе у него пропущено.

В переводе Семенковича (по неисправному тексту) приводимые отрывки помещены на стр. 158—163.

О Сибири и ее жителях

(Глава XVII)

Сибирь — обширная, малоизвестная область, простирающаяся до Китайской стены. Я говорил с одним человеком, там бывшим и торговавшим с китайцами, и с другим, который мне рассказал, что он видел за Сибирью море, по которому плавают корабли, и на них, будто бы, находятся люди, носящие только усы, но не бороды, в странных одеждах, сходных с китайскими, украшенными парчою и драгоценными каменьями. Оттуда он привез чаю (Chay) и бадьяну (Bour-Dian). Чай—то же самое, что мы называем tea или tey, а бадьян—индийский анис (Anisum Indicum stellatum). Купцы говорят, что он употребляется с сахаром и считают его полезным от болезни легких (Lungs flatus Hypochondriaci) и от желудочного расстройства. Он привозится завернутый по фунтам в бумаге, на которой написаны китайские буквы. Путешествующие в Сибирь употребляют на проезд около шести лет, останавливаясь зимою в одних местах, а летом в других. Главным городом Сибири является Тобольск (Zambul) и в нем находится резиденция главного воеводы

(vayod). Там торгуют мехами, особенно же собольими, которых, как говорят, нигде больше нет. Соболи питаются какими-то ягодами или орехами, изобильно там растущими на деревьях, мне теперь неизвестными, но о которых мне обещали сообщить подробные сведения. Тамошние жители проводят на охоте от шести до семи недель сряду и ездят на собаках, а собак кормят рыбою, которою полны их озера и реки. Они запрягают от сорока до пятидесяти собак в одни сани, одеваются в три шубы сразу; во время больших морозов лежат целую ночь и разводят огни для приготовления рыбы. Собаки очень хорошо умеют отыскивать соболей, а люди искусно их убивают, попадая стрелою прямо в нос, после чего собаки приносят добычу. Если удар минует нос, то соболь пропадает, потому что этот смелый зверек уходит со стрелою в своем теле, да, кроме того, и шкурка портится.

Там так холодно, что вода, будучи брошена в воздух, падает обратно, уже превратившись в лед. Бо́льшая часть северных стран не производит хлеба, но, по изобилию рыбы, жители употребляют ее сушеную, вместо хлеба, и, несмотря на то, доживают до глубокой старости. Во время морозов кормят рыбою и коров, и потому их молоко отзывается рыбою. Река Обь—очень большая река и устье ее до сих пор неизвестно. Там водится много рыбы белуги (Beluga), которая принадлежит к семейству тюленей (like a Whalle), но гораздо вкуснее. Из нее, также как и из осетров, делают в Астрахани икру, которую кладут в кучу соли и, после некоторого брожения, сдавливают и закупоривают. Здесь есть много и несдавленной икры: она составляет большое лакомство, но скоро портится.

Северная Сибирь называется землею самоедов (Samogeda or Tsamoeida), что значит земля каннибалов или людоедов, потому что тамошние жители съедают своих пленных, которых берут на войне. Однако же они, большей частью, питаются рыбой. Богатство их состоит в оленях, которых они имеют большие стада. Они столь ручны, что по свисту человека приближаются к его руке; их запрягают в сани попарно и они несутся быстрее ветра по восьмидесяти миль в день. Когда они охотятся на нового оленя, то советуются прежде со жрецом, и он, после многих обрядов и заклинаний, говорит им, куда нужно итти что, большею частью, и сбывается. У них нет различия между мужскими и женскими одеждами, которые всегда делаются из оленьей шкуры и надеваются шерстью наружу: они знают по опыту, что так теплее. По лицам их трудно отличить женщину от мужчины: ни у кого нет бороды, и у всех лица похожи на обезьяньи.

Их обычаи, язык и религия очень грубые, потому что они поклоняются солнцу и луне; обожание и обожествление солнечного света, впрочем, у них вполне естественно, так как они столь мало пользуются им в зимнее время. Они чрезвычайно ревнивы к своим женам, и это напоминает мне случай, доказывающий, как

сильны воображение и привычка: когда у одного из них спросили об одной молодой и прелестной англичанке, — не красива ли она и не безобразна-ли его жена? — он ответил: „совсем нет: ваши женщины бледны, как тело рыбы, а у наших румянец естественный и неподдельный". Дочерей они почитают большим богатством; молодые люди не могут их видеть прежде свадьбы, а замуж выходят они шести или семи лет от роду для того, чтобы женихи могли быть уверены в их невинности. Жених, покупая невесту у ее родителей, платит условное число оленей, потом берет к себе в дом и запирает по итальянскому обычаю (al Italiano). Мужья то же делают с женами, отправляясь на охоту, и это также обыкновенно как задергиванье кошелька. У них есть пословица: „Кто оставляет незадернутый кошелек, тот сам зовет вора" (He that leaves his purse open, invites a thief to it). Некоторые, видевшие их аппараты (Engines), говорят, что они очень похожи на итальянские.

Жилища их представляют собою круглые палатки, сделанные из оленьих шкур и рогож; посреди этих палаток они разводят огонь, оставляя в потолке отверстие для дыма, и, ложась около этого огня, греются. Летом они отправляются к рекам за рыбою, которую сушат и сберегают на зиму. Рыбу они убивают стрелами и, обыкновенно, едят сырую. Они едят также молодых щенят, и считают их лакомым блюдом. Царь считает их недостойными особого наместника (Governour), по малочисленности избавляет от налогов, и, как добровольную дань, получает от них известное число оленей. Никто, кроме них самих, не понимает ни их варварского языка, ни законов, которых они придерживаются втайне. Продавая иноплеменникам (Strangers) оленя, они всегда выговаривают себе внутренности и съедают их, слегка выдавив нечистоты. Достоинство человека измеряют они знаниями его в колдовстве, в котором они очень сведущи, особенно в присутствии иностранцев; при русских они, однако, не показывают своего искусства, боясь над собой суда. Однажды английский купец угощал некоторых из них в Архангельске и когда один из гостей напился пьян и сделался похож на медведя или сумасшедшего (Tom a Bedlam), тогда позвали старуху, которая ему пошептала что-то на ухо, коснулась его лба, а гость тотчас же протрезвился как ни в чем не бывало.

О южных областях Сибири. Степь, полная вишневых деревьев и красивых цветов

(Глава XVIII)

В наиболее южных частях Сибири находится дикая страна, называемая степью, она простирается на 600 или 700 верст и большею частью состоит из равнин; рек в ней мало, но почва чрезвычайно плодородная. Там целый день едешь полем, обросшим вишневыми

деревьями, которые высотою не больше трех четвертей ярда: этот невысокий рост их происходит оттого, что их часто сжигают чужеземцы или путешественники, которые неосторожно уезжают, разведя в осеннее время огонь, а высокая и сухая трава загорается и огонь разливается на сорок или шестьдесят верст. Огонь этот очень часто пожирал и самих путешественников. Красные вишни, растущие на этих деревьях, очень хороши, но и очень кислы. Они бывают вкусны, когда пересажены. Я говорил с людьми, видевшими там множество тюльпанов, дамасских и красных роз. Там много огромной спаржи, чесноку, майорана, тимьяна, шалфея, ендивия, чебра и других растений, которые мы тщательно культивируем в садах, множество солодкового корня, привлекающего к себе созвездия Большой и Малой Медведицы, наконец, множество пастернака и моркови. Купцы привозят оттуда много соли (much Salgemmar) и серы (Nitre). Олени там самые большие в свете, и есть еще один ночной небольшой зверек, называемый сурком (Zoorick), величиною с барсука, но не похожий на него видом; шерсть у него темная, струистая и гладкая, голова маленькая, спина почти в четверть шириною; вообще, это красивый зверек. Сурки живут под землею, так же как и кролики. Когда полк Крэфорда (Craford) стоял поблизости от их жилищ, они вышли смотреть на него, и, поднявшись на задние лапки, закричали так пронзительно и неожиданно, что испугали и людей и лошадей, от чего последние убежали за десять верст, прежде нежели успели поймать их. Русские рассказывают странные повести об их междуусобных войнах, о том, как они берут побежденных в плен, как заставляют своих рабов запасать на зиму съестные припасы, сено и коренья, но это просто, вероятно, русская сказка. Рассказывают же, однако, как верное, что они очень искусно делают свои жилища, сохраняют в них большую чистоту, выносят и хоронят тела умерших. Там есть еще другой зверь, называемый перевозчиком (Perivoshick); мех его желто-бурый, с белыми и черными оттенками, очень красив в шубах, но здесь его мало употребляют, потому что волос его короток и он мало греет. Животные эти, как говорят, перевозят белок и горностаев через реки и потому называются „перевозчиками“; то же самое слово на русском языке означает переводчика (a translator). Русские говорят, что перевозчики имеют страсть перевозить других животных. Этого я никогда не слыхал от очевидца, но очевидец мне сказывал, что целые стада белок, не находя себе пропитания на одном берегу, переплывают на другой, употребляя свои хвосты вместо мачт, весел и парусов, а небольшие палки вместо челноков, и, не умея грести, плывут по ветру; если же взмокнут паруса их, то они неизбежно погибают.

ПРИМЕЧАНИЯ

О Сибири и ее жителях]. Заглавие этой главы приведено по подлиннику. В издании Киреевского (Чтения в общ. Ист. Др. 1846, I, стр. 23—25) эта глава обозначена как XV-ая, а между тем, в Лондонском издании 1671 г., с которым мы сверяли его перевод, она обозначена, как XVII ая.

Находятся люди...] Не имеются ли здесь в виду корейцы или японцы?

Оттуда он привез чаю]. Чай стал входить у нас в распространение только со второй половины XVII века. Русские послы, бывшие у Алтына-царя в 1616 году, рассказывали в Москве, что во время обеда, которым их угощал Алтын-царь, „пить в стол носили молоко коровье топлено, с маслом, а в нем листье, неведомо какие" (Ф. Покровский. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ив. Петлина, Изв. Отд. Русск. Яз. и Слов. Акад. Наук 1913, кн. IV стр. 21); следовательно, в это время чай был у нас еще неизвестен. „В 1658 г. Ф. Байков привез в Москву из Китая „травы чаю"; в 1663 г. И. Перфильев привез из Китая 10 пудов „травы чаю", и чем ближе к концу XVII в., тем чаще встречаются в сибирских таможенных книгах заметки о провозе торговцами китайского чая" (Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле, Киев. 1915, стр. 310). В Европе чай начали употреблять еще позже: аббат Рейналь говорит, что в Голландии его начали пить в 1680 г., а в Лондоне лишь с 1715 г. В книге: Everhardii Guarneri Happelii, Mundus Mirabilis Tripartitus oder Wunderbare Welt, Ulm, 1689, Bd. III, S. 1184 говорится: „ныне чай известен во всей Европе, и богатые люди различно употребляют его, хотя больше для удовольствия и для вида, чем для здоровья; в зависимости от сорта, фунт чаю можно приобрести за цену от 3-х до 12-ти рейхсталеров".

Бадьян]. „Бадьян,—рассказывает Кильбургер в 1674 году,—есть растение такое большое, как половина рейхсталера и имеет вокруг 6 игол, подобно звезде. Он имеет запах, вкус и свойство как анис, но гораздо сильнее и крепительнее и привозится, как и чай, сибирскими купцами зимой в Москву; продается за четверть рубля" (Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера, стр. 113—114), Б. Курц прибавляет op. cit., стр. 311), что „большие сероватые трубки бадьяна" употреблялись у нас „в наклейную и токарную работу, бадьяновые же семена давали масло, укрепляли и слабили желудок". Ю. Крижанич, в своей „Истории о Сибири" (1681 г.), рассказывает, что бухарцы привозят в Тобольск „особый род пахучей травы, называемой бадьяном (Annizium Stellatum), которая лишь за несколько лет перед сим сделалась известна в Сибири. Московитяне не знают иного употребления этой травы, как для пастаивания водки, которая от этого делается сладкою, как бы подслащенная сахаром. Однако, один любознательный человек попытался точнее исследовать свойства бадьяна: он уверял, что трава эта кажется ему пригодною для питья больным (вместо обыкновенно употребляемого навара из ячменя): она имеет, по его словам, свойство поддерживать бодрость и, по своему действию, может быть сравнена с турецким кофе и с китайским чаем" (А. Титов. Сибирь в XVII веке. М. 1890, стр. 187). Страленберг (Historie der Reisen, s. a. S. 321) тоже утверждает, что „Бадьян или Anisum Stellatum русские караваны в большом количестве вывозят в Сибирь, а оттуда в Москву"; монголы употребляли его в качестве чайного суррогата (Pallas. Sammlung Hist. Nachrichten über die mongolischen Volkerschaften, Bd. I, S. 181; G. Gombojew, Sechzig burjätische Ratzel—„Mélanges Russes" t. III (1856), S. 286).

Несутся быстрее ветра по восьмидесяти миль в день]. По вычислениям В. Графа, полагающего, что здесь имеется в виду „британская миля" (=1609 *м*)—ок. 130 *км* (W. Graf, op. cit., S. 90).

Некоторые, видевшие их аппараты]. Имеется в виду т. наз. „пояс целомудрия", W. Graf (op. cit., S. 90) ссылается на специальную статью о нем M. Marcuse в „Handwörterbuch d. Sexualwissenschaften", Bonn, 1928, S. 350—35.

ни законов]. Вероятно, имеются в виду религиозные обряды.

едешь полем, обросшим вишневыми деревьями]. В параллель к рассказу Коллинза о вишневых деревьях в южной Сибири, И. Е. Забелин (История русской жизни с древнейших времен, ч. I, М. 1908, стр. 244—245) приводит рассказ Геро ота о народе и р к а х, в стране которых есть дерево „величиной в смоковницу", которое приносит „плод, похожий на боб и имеет ядро". „Когда плод созреет, из него выжимают густой и черный сок, называемый „а ш и". „Этот сок,— замечает Забелин,—а ш и, а с х и, по всему вероятию, есть сок вишен"; „слово а с х и или а ш и, то самое название напитка и явства, изготовленного из сока и мякоти плода Prunus Padus или, по мнению К. Е. Бэра, Eleagnus Augustifolia, которое в различных местах употребительно теперь у башкир, татар, калмыков, уральских казаков" (Ф. Мищенко, Известия Геродота о вне-скифских землях России. ЖМНПр. 1896, № 12, стр. 116. Сл. т. I, Введение, стр. XXI).

Огонь разливается на сорок или шестьдесят верст]. Во французском тексте „trente ou quarante mille versts de païs". „Но как же на 40000 верст, когда длиною степь всего на 600 или 700 верст?"—резонно замечает в своем переводе Н. А. Полевой. Повидимому, французский переводчик Коллинза смешал английское слово миля (mile) с французским m i l l e (тысяча), откуда и получилась эта несообразность. В английском подлиннике издания 1671 г. стоит: „на 200 или 500 форлонгов"; furlong = 8 часть мили = 220 ярдам (ок. 600 футов). По В. Г р а ф у (op. cit., S. 91)— ок. 40—60 *км*. Я оставляю перевод Киреевского.

Не больше трех четвертей ярда]. Ярд — ок. $^3/_4$ метра.

Там много огромной спаржи, чесноку, майорану и т. д.]. В подлиннике: Asparagus exceeding large, Onions, Marjoram, Time, Sagl, Chicory, Endive, Savory.

Тимьян душистый]. Thymus vulgaris; нередко разводился тогда в садах и огородах; свежие листья его употреблялись как пряность к мясным блюдам,— а сухие в соленьях и сладостях. Е н д и в и й — махровый цикорий, употребляющийся как салат.

Солодкового корня, привлекающего к себе созвездия Большой и Малой Медведицы]. Корень растения „солодка" (Glycyrhiza Leguminosae), действительно, распространенного в средней и южной Азии, углубляющийся далеко в землю и достигающий нескольких метров; путем вываривания этих корней и сгущения сока получают т. наз. „лакрицу" лекарственное средство, употребляющееся при грудных болезнях. У Коллинза речь идет, очевидно, о каком-то снадобьи из лакрицы, употреблявшемся врачевателями этой эпохи, которые были зачастую и астрологами (сл. выше, т. I, стр. 88—89). Сл. А. ф о н-Т у м е н. Растения в колдовстве. СПб., 1909.

привозят оттуда много соли]. В подлиннике: Salgemmar. Киреевский переводит: „Елецкой соли",— на каком основании, мне совершенно неизвестно. Н. Полевой под вопросом ставит условно: „каменной соли"; В. Н. Семенкевич—оставляет без перевода. Указанное слово мне также неизвестно: я перевожу просто „соль".

Небольшой зверек, называемый сурком]. Отмечаемые естествоиспытателями и охотниками склонность сурков к общежитию и своеобразные бытовые особенности этого степного зверька издавна служили источником рассказов, аналогичных приводимым у Коллинза. Следы первобытного очеловечения сурка мы

находим, например, в тюркской и монгольской мифологии. Г. Н. Потанин записал ряд легенд о лопком стрелке, который, вследствие неудачного соперничества с богом, зарылся в землю, оделся шерстью и превратился в сурка; вероятно, в силу аналогичного предания, монголы уверяют, что в теле сурка есть часть человеческого мяса, и, приготовляя себе кушанье, вырезают и выбрасывают его"; среди бурят были распространены легенды о происхождении сурка от тунгуса (Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии, вып. II, Материалы этнографические, СПб. 1851, стр. 148, 151—151; его же. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе, М. 1899, стр. 206, 411—412, 647. Его же, Тангуто-Тибетская окраина Китая, т II, стр. 335—396; Зап ВСОРГО, т. I, вып. 2, стр. 79; Г. Н. Потанин. Ерке. Культ сына неба в северной Азии. Материалы к турко-монгольской мифологии. Томск. 1916, стр. 2—3,5 —6, 14; А. Черкасов. Записки охотника Восточной Сибири. СПб. 1884, стр. 586; Я. Смолев. „Бурятская легенда о тарбагане". Труды Троицкосавско-Кяхтинского Отд. РГО, III, 1, 1900 и др.).

Полк Крэфорда]. Очень возможно, что речь идет о том полковнике Крэфорде, который в 1664 г. на семь лет получил привилегию на добывание поташа в лесу около Мурома; о нем известно еще, что, во время осады Пскова в 1649 г., он чертил планы укреплений: он назывался у нас Крафертом (Соловьев. Ист. России, т. II. стр. 1345, 1543—1544; ср. Дворц., Разряды, т. III, стр. 36 под 1646 годом). Впрочем, из данных, приводимых в книге A. Francis Steuart (Scottish influences in Russian History from the beginning of the 16-th century, Glasgow, 1913, p. 49—50), видно, что на русской службе было несколько лиц, носивших то же имя: полковник Crawfurd (он же Daniel Crawfurd), сын Hew Crawfurd of Jordanhill, согласно справочнику Douglas'a (Baronage of Scotland, p. 430) был смоленским, а потом московским воеводой, где умер в 1674 г. Его старший брат Thomas Crawfurd также занимал должность полковника в русских войсках, женился на дочери Alexander Crawfurd'a и умер в 1685 г. К которому из них относится анекдот Коллинза, решить трудно.

есть еще другой зверь, называемый перевозчиком]. Рассказ Коллинза об этом животном дословно повторен в составленной пленными шведами книге: „Der allerneuste Staat von Siberien" etc. Nürenberg 1720, S. 61—62. Говоря, вслед за Коллинзом, также о белках, которые „распускают хвост по ветру вместо паруса и переплывают таким образом реку, но часто гибнут при этом", авторы замечают: „это давно уже засвидетельствовали Элиан и другие". Клавдий Элиан, греческий писатель-компилятор, живший в Риме при имп. Септимии Севере и его преемниках, написал „Разные истории", в 14-ти книгах, и сочинение: „О животных", в 17-ти книгах; в последнем, представляющим собою извлечение из утерянных авторов, мы, действительно, находим подобное известие. А. Миддендорф (Путешествие на север и восток Сибири, СПб. 1869, ч. II, стр. 519—520) считает возможным полагать, что „до Элиана уже дошли темные предания о жителях Сибири" и что, напр., рассказ его (кн. III, гл. VI) „о волках, которые при переправе хватают друг друга за хвост, чтобы не быть увлеченными водою, можно отнести к обычаю сибиряков привязывать недоуздки, следующих друг за другом животных в караване, к хвостам идущих перед ними животных".

XXXV. ЯКОВ РЕЙТЕНФЕЛЬС | JACOBUS REUTENFELS

(1672—1673)

I

Сведения о Якове Рейтенфельсе скудны и довольно сбивчивы. По одним данным, он был сын польского вельможи, по другим — уроженец Курляндии (П. Пирлинг. Новые материалы о жизни и деятельности Якова Рейтенфельса. Чтения в Общ. Ист. Др. Росс. 1906, IV, стр. 1—24; статья вошла в его „Исторические статьи и заметки." СПб. 1913, стр. 174 и сл. Ср. еще: P. Pierling, Saxe et Moscou, Un médecin diplomate. Paris, p. 113—115).

Известно, что он некоторое время жил при дворе герцога Тосканского Козьмы III, не занимая никакой должности, и, в благодарность за гостеприимство, составил для него свои „Сказания о Московии". Чьямпи цитирует Бьянкини (Bianchini), который, в своей истории о Тосканских герцогах, сообщает о нем следующее известие: „Из числа ученых чужеземцев, облагодетельствованных нашим великим герцогом, должно назвать Якова Рейтенфельса, поляка, бывшего несколько лет (около 1675 г.) при Тосканском дворе, который, быв обласкан там, написал книгу „De rebus moscoviticis" и поднес ее, при отъезде своем обратно в Польшу, великому герцогу" (Ciampi. Bibliographia critica delle antiche reciproche corrispondenze etc.. Firenze 1842, vol. III, p. 28).

Адам Селлий, в своей „Литературной Записке" („Schediasma literarium etc.), называет его курляндцем, что подтверждает свидетельство, напечатанного у Пирлинга, доклада кардинала Распони (12 ноября 1674 г.), в котором есть, между прочим, такие слова: „Яков Рейтенфельс, уроженец Курляндии, заявляет, что он, в течение своего двухлетнего пребывания в Московии, наблюдал, ради небольшого своего сочинения, которое он намерен издать, отношение [московского] правительства и частных лиц к католической вере". Это свидетельство, кроме того, подтверждает, что во время пребывания своего в Риме, в 1674 г., кроме отдельных докладов о России, сочиненных им для доклада папской курии, он трудился над более обширным сочинением о Московском государстве, которое сам же намеревался выпустить в свет. В Риме он был, между прочим, близок с иезуитом А. Кирхером, известным в то время ученым, ориента-

листом и археологом. Вскоре мы встречаем его во Флоренции, при дворе Козьмы III. „Когда, каким образом и в качестве кого попал Рейтенфельс в Москву и сколько он пробыл в ней,—замечает А. И. Станкевич,—в точности неизвестно, но, несомненно, что он не был... послом от герцога Тосканского к ц. Алексею Михайловичу в 1670 г. и, вообще, никогда и нигде не занимал никакой официальной должности" („Чтения" 1905, III, стр. 1—6); нужно думать, однако, что он, как это утверждает и кард. Распони, провел в Москве около двух лет; он был здесь уже в 1670 г. и уехал не раньше весны 1672 г. Время обработки его сочинения: 1674—1675 гг. Рейтенфельс „неоднократно просит в предисловии снисхождения и объясняет это тем, что его сочинение писалось им во время скитаний, среди тревог и забот".

Отсюда обычно заключали, что Рейтенфельс постоянно записывал все виденное и слышанное и что, живя в Риме и, особенно, у Тосканского герцога, он только собрал в одно целое свои отдельные записи. „Сказания" Рейтенфельса были изданы в 1680 г. под заглавием: „De rebus Moschoviticis ad Serenissimum Magnum Hetruriae Ducem Cosmum Tertium. Patavii MDLXXX". Вольный перевод его появился в Нюренберге в 1687 г.

В русском переводе несколько отрывков из латинского подлинника даны были И. П. Тарнава-Боричевским: „Извлечения из сказания Я. Рейтенфельса о состоянии России при царе Алексее" („Журн. Мин. Нар. Просвещ." 1839, XXIII № 7, Отд. II, стр. 1—54; Ср. еще „Журн. для воспитанников военно-учебных заведений" 1840, т. XXIV, 292—353); полный перевод с падуанского издания 1680 г. дал А. Станкевич в „Чтениях Общ. Ист. и Др. Росс." 1905, III, 1906, III. Приводимый отрывок взят из этого перевода, из 12-ой главы четвертой книги, озаглавленной: „О Казани, Астрахани и Сибири" („Чтения" 1906, III, стр. 202—202). Ср. еще: В. А. Кордт. Чужоземні подорожні по східній Европі. Київ 1926, стр. 134; Минцлов. Обзор дневников, записок и т. д. Новг. 1911, вып. I, стр. 322. Пирлинг (Saxe et Moscou, p. 113—115) напечатал также резюме этого сочинения, представленное Рейтенфельсом в Коллегию Пропаганды в 1672—1674 г. под заглавием: „Brevis ad iter moschoviticum maniductio".

Сведения Рейтенфельса о Сибири не отличаются ни обстоятельностью, ни особой достоверностью. Как „собранные в Москве" они могли бы заключать в себе несколько, несомненно, интересных подробностей. Однако, сопоставления этих известий с другими показывают, что все они, вероятно, заимствованы Рейтенфельсом из литературных источников, напр., из Герберштейна, Гваньини, Олеария и др.; рассказ о крае за рекой Пясидой, почти буквально повторяет то, что находим уже у И. Массы и других писателей о местностях восточнее р. Оби (см. выше, т. I, стр. 258 и сл.), Географические названия у Рейтенфельса искажены до неузнаваемости, догадки о том, как именовалась Сибирь у древних писателей не очень удачны...

В сочинении Рейтенфельса, помимо приводимых ниже обрывков, есть еще несколько упоминаний о Сибири. Так, напр., говоря о торговых сношениях с Китаем, он замечает, что „многие области Московии могли бы с великой выгодою пользоваться этими многочисленными торговыми сношениями, если бы можно было в точности расследовать тот северный путь в Китай, вокруг Новой Земли, которым тщетно, до сей поры, пытались проплыть англичане, голландцы [батавы] и датчане. Совершать это дело может всего легче сам царь, у которого оно, так сказать, в руках, ибо ему известна и подчинена вся та северная полоса, простирающаяся далеко по ту сторону Оби, до самого Татарского моря" (Ibid., III, стр. 132). В главе 8-ой („О главнейших озерах, реках, лесах и горах") Рейтенфельс рассказывает следующее о реке Оби: „Обь или Карамбик (Carambicis), которую русские называют Нярен (Niaren), вытекает из какого-то Китайского озерца, протекает мимо многих диких народов и соединяется широким устьем с океаном у мыса Литармиса (Lytarmis)".

Это место прекрасно характеризует спутанность географических познаний его времени, не умевшего критически отнестись к известиям, полученным от античных писателей, и согласовать их с теми, которые добыты были путешественниками нового времени. Имена Карамбика и мыса Литармиса взяты Рейтенфельсом, вероятно, у Плиния, который, в свою очередь, заимствовал их из греческого источника. Сл. выше, т. I, Введение, стр. XXV, XXXVIII—XXXIX. Так, у Гекатея из Абдеры (жил в первой половине III в. до нашей эры) мы находим указание на то, что гиперборейцы живут в северном океане, на острове Elixoia, находящемся против устья реки Карамбика; неподалеку, на материке, расположен и мыс Литармис, около которого оканчиваются Рифейские горы. Известия эти повторены у Плиния, а также у Стефана Византийца (O. Brenner. Nord und Mitteleuropa in den Schriften der Alten. München 1877, S. 39–41, 104—106). Отождествив, согласно установившейся традиции, Рифейские горы с Уралом, Рейтенфельс принял на веру и другие античные известия (видя в Карамбике—Обь, а в мысе Литармисе—один из мысов Обского полуострова) и воспользовался античной терминологией для пояснения некоторых новых географических данных: известия Плиния соединены у него с заимствованными из Герберштейна („Обь вытекает... из Китайского озерца"), имя же Niaren восходит к одному из европейских известий о западном береге Обского полуострова, называвшемся, по книге Большого Чертежа Няромским, Нярмским, и к упоминаниям находящейся здесь реки Niarontza, Naramsy, Naramsey (см. выше, т. I, стр. 192).

В главе 16-ой IV-ой книги, описав ряд живущих на русской территории туземных племен, Рейтенфельс, между прочим, пишет: „...кроме этих есть еще много других, более диких, из диких, подчиненных России племен, около Тюменцев и до самой Бактрии и Китая, но

я не имею ни возможности, ни желания пускаться в дальнейшее расследование о них, т. к. распределение их на земной поверхности совершенно неизвестно. Прибавь (читатель) к названным еще область Лукоморье, с которою граничат дружеские с русским народом грустинцы (Grustini) и серпоновцы (Serponovci), живущие близ Китайского озера, из которого вытекает Обь, и которым индийцы привозят на продажу разные товары и драгоценные камни. Лукоморцы, по образцу самоедов, спускаются зимою на жительство внутрь земли, а раннею весною снова выходят на солнечный свет, и про них то Гваньини и рассказывает, что они, подобно ласточкам и лягушкам, ежегодно умирают и воскресают" (Ibid. III, стр. 209; ср. т. I, стр. 152 и сл.).

Таким образом, несмотря на ожидаемый интерес этого сочинения, оно, по крайней мере в той части, которая касается Сибири, представляет компиляцию и не дает ничего самостоятельного.

Сибирь, некогда царство гуннов, а ныне обширнейшая русская область, широко раскинулась около реки Яика (Jaicik). У Плиния она, кажется, называется Аваримоном (Abarimon), откуда вышла большая часть аваров (Abares) и саберов (Saberi), как их, преимущественно, называют греческие писатели. В ней находятся, как неверно рассказывает невежественная старина, быстро двигающиеся люди, с загнутыми к коленям подошвами (конечно, от громадных деревянных лыж или сандалий, которыми они пользуются очень искусно). Сюда отправляются для охоты, особого рода тупыми стрелами, на скифских соболей, в ссылку и заключение преступники со всей Московии, и здесь находится единственный во всем мире рынок драгоценных мехов. Зато хлеб или какие-либо плоды здесь почти нигде не растут, кроме разве тех, которых русские с величайшим трудом выращивают на небольших полях. Городов и населенных укрепленных мест в настоящее время, говорят, имеется здесь до сотни, тогда как, столько же лет назад, таковых не было ни одного. Главнейшие из них суть: Тобольск, столица и местопребывание наместника (Vice-regis sedes), Верхотурье (Vergateria), Туринск (Japlanim), Тюмень (Tinna), Березов (Bressaia), Манган (Mangan), Шуйск (Sviskogorod), Тара (Tara), Нарымск (Niarinskoia), на реке Оби, Новинск (Novinskoia) и Томск (Toma), уже с более мягким климатом и очень короткой зимою. От этих мест русские, в самое недавнее время, как мы слышали в Москве, доходили до р. Пясиды (Pisidam), очень широкой, которую они, однако, не отважились перейти, хотя с противоположного берега они, по их рассказам, слышали звон колоколов, а на самой реке видели корабельные паруса, очень похожие на индийские или китайские. Те же лица, гораздо раньше, иным путем, ведомые татарами и тунгусами, перешли реку Енисей, более крупную, нежели Обь, и сообщают, что живущие по этой

реке, близ огнедышащих гор, люди безобразны, благодаря зобу, который висит у них под подбородком, клохчут при разговоре и шипят, и ведут гнуснейший образ жизни в гнуснейших лачугах, присовокупляя, что Енисей, затопляя ежегодно, на подобие Нила, землю, делает ее плодородною и производящею все новые породы цветов и плодов. Раньше всех открыл Сибирь некий разбойник, содержавшийся в Москве, который, дабы заслужить себе свободу и сохранить жизнь столь важным открытием, повел русских туда, поддерживаемый только шестью стами солдат. Быть может, он и раньше, занимаясь разбоем по Казанскому царству, ушел в пределы Сибири, во избежание расставленных ему ловушек. Достойно, право, изумления, что такая горсть людей овладела таким громадным пространством земли. Что же, поистине, еще более удивительно, так это то, что и живущие далее племена подчинились царю, не потому, что были покорены военною силою, но по убеждениям купцов и, исключительно, в надежде на выгоду, в будущем, от торговых сношений с московитами.

ПРИМЕЧАНИЯ

Сибирь... широко раскинулась около реки Яика]. Местоположение Сибири Рейтенфельс определяет согласно Герберштейну, который полагает ее в Приуральской области и отмечает, что „в ней берет начало река Яик" (см. выше, т. I, стр. 100).

большая часть аваров и саберов]. Рейтенфельс путает аваров и сабиров византийских известий, к имени которых Шафарик и еще Патканов возводили слово „Сибирь" (см. выше: т. I. стр. 55—56). Рейтенфельс, несомненно, начитанный в античной литературе, как это указано уже и во введении, широко пользовался античной географической терминологией, применяя ее к новым географическим данным. В первой главе своего сочинения он перечисляет различные скифские племена Европы и Азии, встречающиеся у античных писателей, и, подыскивая для них новые названия, заключает, что абии (Abii) жили у реки Оби (Obii); то же находим и у Олеария (см. выше, т. I, стр. 289).

как неверно рассказывает невежественная старина]. Объяснение легенды о людях с загнутыми к коленям подошвами, Рейтенфельс, вероятно, берет из Олеария (см. выше, т. I, стр. 286).

сюда отправляются для охоты... преступники со всей Московии]. О достоверности указания, что ловлею соболей в Сибири занимаются ссыльные, см. ниже: Кильбургер, стр. 51.

Столько же лет назад] т. е. за сто лет перед тем.

Туринск, Тюмень, Березов, Маниан]. Слово Japlanim А. И. Станкевич переводит в своем издании Пелым ь), что мне кажется совершенно неверным. Написание Japlanim я причимаю за типографскую ошибку, вместо Japhanim, как, в свою очередь, ошибочно назван в одном из изданий Массы — Japansin, Япанчин, т. е. Туринск (см. выше, т. I, стр. 263—264). Что ошибка Рейтенфельса

произошла, именно, под влиянием Массы, показывает и ошибочное написание им следующего имени: T i n n a. А. Станкевич воспроизводит в своем переводе название Т и н а, не объясняя, какой город имеется здесь в виду. Однако, в том же издании Массы, где мы имеем написание J a p h a n i m, вм. J a p a n s i n, стоит также T i n n e, в котором нетрудно увидеть Тюмень (сл. выше, т. I, стр 264). Березов (Bressaia), кажется, правильно истолкован Станкевичем, название же M a n g a n он вновь воспроизводит по-русски без объяснения; не следует ли здесь видеть М а н г а з е ю?

Нарымск]. Название N i a r i n s k o i a Станкевич, почему-то, переводит Н е р ч и н с к, тогда как сведения Рейтенфельса о сибирских городах не простираются далее западной Сибири и, наконец, в тексте прямо сказано: „на реке Оби". Конечно, следует перевести: Н а р ы м с к, Н а р ы м с к и й острог (сл. выше, т. I. стр. 206), что я и исправляю в помещаемом переводе Станкевича, наряду с другими необходимыми поправками; однако, мне также остается неясным. как следует объяснить названия N o v i n s k o i a и, ранее—S v i s k o g o r o d, кажется, неудачно переведенное Станкевичем—„Шуйск".

русские, в самое недавнее время, как мы слышали в Москве]. Весь этот рассказ об экспедициях на р. П я с и н у (Pisidam), несмотря на ссылку Рейтенфельса: „как мы слышали в Москве", вероятно, есть ни что иное, как пересказ известия И. Массы (сл. выше, т. I, стр. 258, 264—65). За это, помимо сходства подробностей обоих рассказов (наприм., упоминания Нила), говорит также и то. что, как указано было выше (сл. выше, т. I, стр. 217), русские экспедиции на Пясину относятся к первым годам XVII века; след этой реки нанесен был на европейскую карту уже в 1612 г., а рассказы Логана и Перегоу, вместе с сочинением Массы, напечатаны были в сборнике Перчаса. Непонятно поэтому указание Рейтенфельса, что русские „в с а м о е н е д а в н е е в р е м я" доходили до Пясины, и что он сам слышал об этом в Москве: вероятнее всего, что последние слова должны были замаскировать заимствование известия из литературного источника.

видели корабельные паруса]. В переводе А. Станкевича: „видели корабли", в подлиннике, однако, vela— паруса; так и следовало перевести, потому что речь идет именно о сходстве парусов с индийскими, а не о сходстве кораблей в целом. У Массы ясно сказано: „п а р у с а б ы л и к в а д р а т н ы е, п о д о б н о и н д и й с к и м, к а к м ы п р е д п о л а г а е м" (сл. выше, т. I, стр. 259).

в туснейших лачугах]. В подлиннике M a p a l l a, что обозначает также „подвижные на колесах наметы или кибитки". Таким образом, можно было бы перевести также: „в ю р т а х". Упоминание з о б а (базедовой болезни) у жителей Приенисейского края, и других гористых местностей Сибири, мы находим также у некоторых других иностранных писателей; оно соответствует истине.

раньше всех открыл Сибирь некий разбойник] Ермак. Этот рассказ также, по всем вероятиям, заимствован у Массы, который тоже не называет имени Ермака (сл. выше, т. I. стр. 245 сл.).

XXXVI. АЛЬБРЕХТ ДОББИН | ALBRECHT DOBBIN

(1673)

Ф. Аделунг (Krit.—Lit. Übersicht, 352) говорит, что рукописные заметки Доббина о Сибири не отысканы; однако, он ошибается. Они напечатаны полностью три раза,— один раз на немецком и два раза на голландском языке, на что уже указали Кеппен (Bibliographia Zoologica Rossica Bd·) и В. А. Кордт (Чужоземні подорожні. Київ 1926, стр. 136).

Впервые их напечатал, по подлинной рукописи Доббина, Иоган Фон Хеннин (J. Chr. von Hennin), д-р медицины и профессор в Дюисбурге, в приложении к изданным им путешествиям Арнольда фон Бранда (о нем ниже) в 1702 году; в следующем, 1703 году, вместе со всей книгой Арн. Бранда, сочинение Доббина вышло в голландском переводе (Utrecht, 1703). Отсюда его перепечатал в своей „Северной и Восточной Татарии" Ник. Витсен (только во втором изд. 1705, I, 885—887). Как явствует из замечаний Арнольда Бранда, рукопись Доббина получил он от него лично в Москве: „настоящее описание,—говорит он,—передано мне в Москве 12-го декабря 1673 г. Альбрехтом Доббином, родом из Ростока, который был капитаном шведской службы, затем приехал в Москву и, в той же должности, отправлен царем в Сибирь, где он пробыл семнадцать лет". Г. Хенниг (Die Reiseberichte über Siberien, S. 299—300) справедливо отмечает, что, повидимому, издатель путешествия Бранда напечатал рукопись Доббина полностью и без всяких изменений. Это видно из того, что несколько дополнительных устных сообщений Доббина Бранду, которые весьма удобно было включить в основной текст, напечатаны им отдельно; далее, и Бранд и Иоган Хеннин не сочли удобным исправлять в рукописи даже явные ошибки или описки (напр. Ostrrofi вм. Ostrog; одно и то же название употребляется в различной форме: например, Красноярск— Krasnagair и Krasnajar), а приложили к ней, каждый в отдельности свои примечания и поправки, сделанные на основании сверки данных Доббина с печатными источниками. Все это, несомненно, увеличивает интерес этого исторического документа. Однако, исходя из того, что Доббин, по указанию Бранда,

провел в Сибири семнадцать лет, мы были бы вправе ожидать от него сведений более полных и более точных. Повидимому, этот иноземный капитан на русской службе был плохо осведомлен в географических вопросах и довольно неотчетливо представлял себе даже карту Сибири. По своему содержанию описание Доббина разделяется на две части: в первой — однообразным и не очень литературным слогом, дано описание сибирских городов и рек, сводящееся к простому перечню их; вторая часть, гораздо более короткая, но и более интересная, носит этнографический характер. Читая все описание, трудно поверить, что оно написано человеком, который имел полную возможность за долгие годы жизни в сибирском крае узнать его полно и всесторонне; сведения его кратки и сбивчивы; географические названия сильно искажены. Очевидно, Доббин не справлялся ни с какими печатными источниками и повествовал только о том, что удержала его память. Но, именно благодаря этому, отдельные его указания и могут иметь значение, после их надлежащей проверки, так как они совершенно самостоятельны и не стоят ни в какой связи с тем, что писалось раньше о Сибири в европейской литературе. Опыт расшифровки некоторых отдельных его указаний, и сверки их с другими данными, сделан ниже, в примечаниях к переводу. Перевод сделан по следующему изданию: Joh. Arnold Brand. Reysen durch die Marck Brandenburg, Preussen, Churland, Liefflandt, Pieskovien, Gross-Naugardien, Tweerien und Moscovien etc. Anbei eine seltsame und sehr anmerkliche Beschreibung von Siberien... Hrsg. durch Heinrich Christian von Hennin, Wesel. 1702, S. 294—302.

Общее описание Сибири

Граница России и Сибири проходит за городом Соликамском (Zollekampsky), который лежит в трехстах милях от Москвы на большой реке Каме (Cham) (она вливается в Волгу в пятистах милях ниже Казани) и является последним русским городом; в нем царь заставляет также приготовлять соль. Здесь находится большой камень на большой скалистой горе (шириной в 50 миль), называемый русскими Пояс Нис (Poyes Nice); эта гора простирается до полунощного ледовитого моря и отделяет Россию от Сибири, а также от Казани и Астрахани; идет она вплоть до Монголии и до полуденного моря, через Монголию и Китай, разделяет также калмыков.

Возле этого камня или границы находится узкий проход, где русскими содержится, по приказанию царя, сильный дозорный пост, чтобы никто из русских без повеления царя не мог проникнуть в Сибирь из России или обратно. Этим то проходом в горе попадают в первый сибирский город, называемый Верхотурье (Berchiturla), по имени реки, при которой он расположен. Другой город, называемый Апонзой (Aponzoy), по имени реки Апонзой, в

которую впадает река Верхотурье. Затем следует город Тюмень (Tumyn), также названный по имени реки Тюмени, в которую впадает Апонзой. Далее идет глазный город Сибири — Тобольск (Thobolsky), названный по имени мимо-текущей реки Тобола, которая, помимо названных рек, впадает в большую реку Иртыш (Artéys). Этот Иртыш, почти в милю шириной, течет из Калмыкии и Булгарии и впадает, через несколько сот миль, в реку Обь (Obby); необходимо при этом заметить, что почти все местности, по которым протекает Иртыш, большею частью затопляются до сентября, до покрытия его льдом; при этом Иртыше находятся также города, как и при реках вышеназванных.

Река Обь, пожалуй, главная из всех сибирских рек, берет свое начало на юге, в Китае, и протекает через всю великую Монголию (gross Mogallen), пока не впадает в Ледовитое море; в [устье ее] можно доплыть морским путем, через множество островков (Holmenlande), не без опасности. Эта река очень широкая, т. к. в нее впадают различные другие, довольно большие, реки, от которых получили свое название построенные на них города; таковы: первый — Мангазея (Magasée), второй — Березов (Berooza), третий — Сургут (Sregut), четвертый — Нарым, пятый — Кетский [острог] (Keth), шестой Томск (Thoomske), с близко расположенным от него Кузнецком (Kusneetz), который является последним городом, пограничным с киргизами. Кроме названных рек, от которых упомянутые города получили свои имена, есть еще и другие, как, например, протекающая ниже Томи (Thoom) река Чулым (Zulin), а также река Вага (Wah) и Мерит (Merith) в том месте, где Обь всего уже, а именно шириной в полумилю.

Дальше, к северу, есть еще одна могучая река, величиной равная Оби, которая называется Енисей (Elissée); она впадает в Ледовитое море на севере, и в некоторых местах, так близко приближается к Оби, что от одной к другой можно проехать на лошади за один день. Устье этой реки очень большой глубины, так что в него можно проплыть гораздо лучше, чем в устье Оби, с большими, тяжело-нагруженными кораблями. На этом Енисее находится, при впадении его в Ледовитое море, город Енисейск (Jelissée), затем Красноярск (Krasnagair).

Третья река, также впадающая в море, называется Лена (Lin). при устье которой построен город Ленск (Linn), получивший название от реки; неподалеку от него расположен еще другой город—Налин (Nalin), а также Якутский острог (Jakutsky Ostroff). Есть в Сибири еще одна большая река— Даурская (Daursky), при которой находится город Даурск (Daur), названный по ее имени; эта река течет до самого Китая, и названный город является последним в Сибири; в нем дважды в год родится хлеб; в нем есть различных сортов фрукты, вино и тому подобные вещи. [Вот все, что знаю я о] главных городах и важнейших реках в Сибири.

Что же касается обитателей Сибири и названий их народностей, то мы сделаем обозрение их в порядке рек и городов.

Прежде всего, живущие около вышеупомянутого пограничного камня народы называются вогулы; они не знают ничего ни о боге, ни об имени его, не знают также никакого земледелия, питаются же только при помощи своих луков (Flitzen), которыми они убивают соболей и других животных, строят сами свои жилища из плетеных ветвей: они называются юрты, и в них они искусно умеют ставить дымовые трубы, т. к. они не употребляют никаких печей. За ними идут другие [народы], которые носят название татар; они распространяются вплоть до Тобольска; эти исповедуют магометанскую веру, соблюдают обрезание, имеют свое письмо, знают земледелие, живут же, однако, тоже в юртах, но более удобных (zierlich) и лучше сделанных, чем у вогулов; питаются домашним скотом, в особенности же хорошими лошадьми. Вслед за татарами, на реке Оби, живут так называемые остяки (Astacken), очень некультурный народ, одевающийся в рыбьи кожи; питается рыболовством; не знает ни письма, ни книг, молится чорту; при этом они разделяются на три различных племени, из которых одно, почти, не в состоянии понять другое. Все эти люди, как вышеупомянутые, так и называемые ниже, в виду того, что они находятся под русским господством и властью, должны каждый год приносить значительную дань, состоящую из соболей, если и не ими самими застреленных, то хотя бы купленных, а, именно, следующим образом: кто достигнет десяти лет, обязан первый год принести двух соболей, на второй год — трех, на третий — четырех и так далее, с каждым годом больше на одного соболя, пока он не достигнет двадцати лет, когда он доходит до двенадцати соболей; так остается до пятидесятого года, когда число уменьшается и дело идет к снятию повинности.

Вслед за остяками следуют дальше, по верховьям реки Мерид—калмыки, а при реке Томи (Thoomske) опять находятся татары; последние соблюдают обрезание, первые же, т. е. калмыки, имеют свою особенную религию, не обрезываются, едят также свинину и говорят, что их богом является св. Николай; кроме того, они имеют святого человека, которого они называют патриархом; к нему они устраивают ежегодные паломничества, молятся и исповедуются; этот народ распространился вплоть до китайской степи; это страшно большой и сильный народ; живет он не в городах, питается домашним скотом, не возделывает также никаких хлебных злаков.

При реке Томи (Thoom) есть также люди, называемые киргизами; они не имеют никакого письма, молятся своим лукам и оружию, если они хотят быть здоровыми или если что-нибудь поймают; все они ездят верхами и очень привычны к войне; живут на большом пространстве, вплоть до монголов, имеют свои жилища на скалах

и утесах, которые имеются там во множестве. При других реках, Кете (Keth) и Чулыме (Sulim), живут татары и остяки, один подле других; это разбойный народ, на которого нельзя положиться, т. к они не держат своего слова, кому бы его не дали.

Вниз по реке Оби, в сторону моря, живут самоеды (Samojedzen), народ, похожий на лапландцев и так же [как они] одетый; ездят они зимой на оленях, молятся чорту, как и остяки. При большой реке Енисее (Jelissé) живут тунгусы, питающиеся водой и рыбой; их лодки сделаны из березовой коры, которую они умеют так просмаливать, что в них совершенно не проникает вода; они замечательно быстроходны. Дальше отсюда живут якуты, которые, как и предыдущие, не знают ничего ни о боге, ни о чорте. Около же Красноярска (Krasnojar) живут различные язычники, которые называют себя по именам своих князьков. Главнейшие называются тубинцы: они не знают никакого письма, очень привычны к войне, некоторые состоят в подданстве его царского величества, некоторые свободны; иные, впрочем, дают также заложников в знак того, что они с его царским величеством хотят быть в мире. Вниз по третьей реке, Лене, живут язычники маленького роста; эта река впадает в северное море, по которому дальше ездить невозможно (da man nicht weiter fber kan), так как (там) облака, во время непогоды, приближаются почти к самой воде.

На реке Даурской, которая некогда принадлежала португальцам, и где можно видеть еще многие, построенные ими, города, живут дауры (Döuren). В Сибири имеется еще одна большая река, которая выходит из Калмыкии, очень обильна рыбой и впадает в Ледовитое море, протекая по страшно большим лугам, без всяких лесов. Там живут различные язычники, не имеющие ни письменности, ни религии, очень непокорные (sehr rebellisch), главнейшие же из них называются брабанцы (Brabantzich). Каждый, из выше перечисленных народов, имеет своих властителей, однако, владетель [всей] Сибири кочует с места на место то с калмыками, то с другими народами, живет же он тем, что словит: он ведет большую войну с московитами, то с Астраханью, то с Казанью, то с Тобольском, то с Томском, и так далее; верные люди этого государя, которых он при себе имеет, зовутся башкиры.

ПРИМЕЧАНИЯ

Граница России и Сибири проходит за городом Соликамском]. Так наз. „Бибиновская дорога" в Сибирь шла из Москвы через Соликамск (Соль Камскую) на Верхотурье (сл. выше, т. I, стр. 337), причем, между этими городами считалось 250 верст, а первым пограничным городом между Россией и Сибирью считался г. Верхотурье; естественной границей служил, однако, Урал. Ю. Крижанич также

пишет: „Отправляющиеся из Москвы, проследовав пятьсот левк, достигают рек Камы и города, называемого Соль Камская. Здесь, из весьма глубоких колодце черпается соленая вода, ее вливают в железные сосуды и печью, отопляемой по землею, выпаривают в соль. Место это есть конец России и начало Сибири. О сюда к югу простираются горы, весьма длинные, но не особенно высокие: он отделяют Россию от Сибири и Астраханскую землю от Калмыцкой" (А. Тито Сибирь в XVII веке. М. 1890 г., стр. 163).

большой камень на большой скалистой горе]. Слово „Камень" Доббин упо требляет в том значении, в котором оно употреблялось тогда жителями приурал ских областей для обозначения горы; можно было бы перевести „большую гор на большом скалистом хребте". Что касается названия Poyes-Nic то оно относится к Уралу и является, вероятно, искажением названия „Каменны пояс", как полагает и Н. Неннin в своих „Кратких замечаниях", приложенных книге Бранда (S. 439). Не имеется ли здесь в виду, впрочем, не весь хребет в ц лом, но лишь гора Телпос-Из, в верховьях реки Щугора? Е. Замысловски (Герберштейн, стр. 131—135) убедительно доказывает, что эта гора, одна из высо чайших вершин Урала, и есть та самая, которую русские называли „Столп", скалистую горную цепь, к которой она принадлежит—„Каменным поясом".

сильный дозорный пост] сл. выше, в рукописи Неизвестного 1666 г., рассказ деревне „Karaul" (см. выше, т. I, стр. 338), т. е. о Лялинском карауле.

Верхотурье, по имени] реки Туры.

другой город называется Апонзой], т. е. Туринск, сл. выше, т. I, стр. 263—26

реки Тюмени, в которую впадает Апонзой]. Подобно многим другим иност ранцам, Доббин, очевидно, полагал, что сибирские города всегда называют по имени рек, при которых они расположены. Таким образом, Туринск, лежащ на реке Туре и известный ему под именем Япанчина—Апонзой, он помещает в несуществующей реке Япанчине или Апонзой и заставляет ее впадать в рек Тюмень; последнее, однако, правдоподобно, так как Тюмень расположена при сл явии двух рек—Туры и Тюменки. Другие аналогичные и слишком явные ошибк Доббина мы не оговариваем.

река Чулым, а также реки Вага и Мерит]. В названии Zulin нетруд узнать реку Чулым, главную водную артерию Ачинского округа, правый прито Оби, образующийся из рек Черного и Белого Юсов, берущих начало в Куз ецко Алатау, но непонятно, какую реку Доббин имеет в виду под словом Wah; т чаще всего называли Вагу или Важку, но она находится не в Сибири (с выше, т. I, стр. 235). Название Мерит или, ниже, Мерид мне также непонятн Геннин в своих „Кратких замечаниях" (S. 442) пишет, что он не нашел это реки ни на карте Витсена, ни в каком-либо описании Сибири.

еще одна могучая река... которая называется Енисей]. Форма „Енисей", ан логичная той, которую дает Доббин (Jelissee), засвидетельствована в северно-ру ских говорах и встречалась еще в XIX в. у крестьян Архангельской губерни голландцы конца XVI в., стоявшие близ берега о. Вайгача, слышали уже о Енисе и называли его Gilissi, Gelissi, Geniscea (Ф. Литке. Четырехкратно путешествие в С.-Ледовитый океан, т. I, стр. 13—19, 23, 42—44, 122; J. Ch Adelung. Gesch. d. Schiffahrte und Versuche. III S. 187, 194, 213, 425; Е. З мысловский. Герберштейн, стр. 89 прим.); ср. в „Описании Сибирского ца ства": „Генесейской острог стоит над великой рекой Генесею" (А. Т тов. Сибирь в XVII веке. М. 1890, стр. 82). Иначе Енисей назывался у ня „Иселдь—река", на которую находим любопытное указание в статейном списк посольства Боуса. (Сб. Русск. Истор. Общ. XXXVIII, стр. 38, 94; С. Серед

нии. Флетчер, стр. 134). Койбалы называли верхний Енисей Кемь—река (Laxmann. Sibirische Briefe, S. 12), как называются еще многие, впадающие в него, реки (Humboldt. Asie Centrale, 1, стр. 232); Миллер (Sammlung Russ. Geschichte. IV, S. 510) полагает, что Енисей—название тунгусское; это подтверждает и Клапрот (Memoires relatifs à l'Asie. Paris 1824, p. 451), который производит его название из слова Joandessi (ионесси—„большая вода"), которым тунгусы именуют Верхнюю Тунгуску (J. J. Egli. Nomina geographica. 1872, S. 262 263).

Город Енисейск]. Енисейский острог, основанный в 1619 г., находится не в устье Енисея, как пишет Доббин, а в его среднем течении.

при устье которой построен город Ленск]. О каком городе говорит Доббин, называя его Linn, по имени реки Lin, т. е. Лене, догадаться трудно. Захват русскими промышленниками всего бассейна реки Лены фактически произошел уже между 1630—1640 гг. (Л. С. Берг. История географического ознакомления с Якутским краем. „Якутия", Сб. под ред. П. В. Виттенбурга, Лгр. 1927, стр. 3—6). Единственным городом, названным по имени р. Лены, является Верхоленск против устья р. Куленги, основанный в 1632 г. казаком Васильевым. Может быть, имеется в виду Олекминск, на левом берегу Лены, основанный енисейским казаком в 1635 году (Семенов. Географ. Статист. Словарь. III, стр. 615)? Не путает ли Доббин р. Лену с Оленеком, открытым казаками еще в 1637 г.? Впрочем и Ю. Крижанич в 1680 г. пишет: „Самая восточная река в Сибири—Лена,—от нее получили имя и город и область" (А. Титов. Сибирь в XVII в. М. 1890, стр. 168, 169). На карте Витсена также помещен г. Leny.

Расположен еще другой город Налин]. Под именем Nalin не скрывается ли Илимский острог? Впрочем, Геннин (op. cit. S. 443) делает правдоподобное предположение, что Nalin ошибка: вм. Kralien, Kralin, Kra—Lenskoy, каковые имена фигурируют на европейских картах Сибири. На чертеже Сибири Петра Годунова также встречаем: „Кралеиско" (Л. С. Багров. Карты Азиатской России. Пг. 1914, стр. 11; Л. С. Берг. История географического ознакомления с Якутским краем. Сб. „Якутия", Лгр. 1927, стр. 11; его же. Очерк истории русской географической науки. Лгр. 1927, стр. 22): может быть имеется в виду Верхоленск?

а также Якутский острог]. Построен весною 1632 г. сотником Бекетовым в местности, названной Чуковским полем; в 1642 г. был перенесен за 10 верст выше на р. Лене.

еще одна большая река—Даурская]. Хотя в Амурской области действительно есть небольшая речка Даур, впадающая в Ин, приток Урмина (А. Кириллов. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей. Благовещенск 1894, стр. 133), но она, просто по незначительности своей, не может здесь иметься в виду. В „Описании Сибирского царства" (1683), однако, читаем: „И от Байкала моря пошел пояс, камень великой и непроходной, позаде Лены реки... из того же камени к лесной стороне в государской державе много рек пало: Даура, Блудная, Улья, Ковыча, Колыма, Алазея, Индигирка" (А. Титов. Сибирь в XVII веке. стр. 88; в „Списке с чертежа Сибирския земли", стр 53: „А от усть Колыми рек и кругом земли мимо устей рек Ковычи и Нанаборы и Ильи и Дури до каменной преграды..." „Hauptfluss Daürsky" Доббина вызвала затруднения и у Геннина (op. cit. S. 446), который, впрочем, сопоставил ее с встречающимися на европейских картах XVII в. названиями: Daore или Daüre, под которыми, вероятнее всего, подразумевается Шилка или Амур. Скорее всего, Доббин говорит именно об Амуре.

город Даурск]. Согласно своему обычному методу Доббин производит „Statt Daur" просто от реки Даурской. Геннин полагает, что это „Караул Даурской". Первым острогом Даурским считался Нерчинск.

должны каждый приносить значительную дань, состоящую из соболей]. О размерах ясака см. ниже: А. Бранд.

говорят, что их богом является св. Николай]. Иностранные писатели неоднократно отмечали распространение культа у русских „Николая Чудотворца" (Л. П. Рущинский. Религиозный быт русских по сведениям иностранцев XVI и XVII вв. М. 1871; ср. H. v. Staden. Aufzeichnungen über den Moskauer Staat, hrsg. F. Epstein. 1930, S. 159): Коллинз, например, отмечает, что жители Архангельска и Колы „не знают никакого другого бога, кроме св. Николая, который, по их мнению, управляет всем миром". Ламартиньер говорит, что „все московиты—николаисты по религии"; о том же свидетельствуют Герберштейн, Меховский; в одном политическом стихотворении XVI в. про Ивана Грозного говорится:

Er ist vom teuffel gar vorgessen,
Seins Gottes Niclos gar vorgessen, etc.

(Ed. Pabst, Vier. politische Gedichte. „Archiv für Gesch. Liv.-Est-und Kurlands", 1844, III. S. 212); в XVI в. сторонники Феодосия Косого упрекали православных, что они „почитают св. Николая, как бога". От русских культ Николая перешел к лопарям (Ф. Белявский. Поездка к Ледовитому морю. М. 1833, стр. 48), к обдорским самоедам (С. Чугунов. Ежегодник Тобольск. Губ. Музея, XXVIII, стр. 15) к остякам (Еж. Тоб. Губ. Муз. т. XIX, стр. 16; Ю И. Кушелевский Северный полюс и земля Ялмал. СПб. 1869, стр. 5: „Николай Чудотворец наиболее других чтим остяками"). Л. Р. Шульц (Салымские остяки. „Записки Тюменского Общества Научного изучения местного края", вып. I, Тюмень 1924, стр. 175) говорит, что остяки, живущие по Иртышу и по Конде „особо почитают Николая, которого зовут „Микул-иге", т. е. Николай-старик. Викт. Бартенев (На крайнем северо-западе Сибири. Очерки Обдорск. края, СПб. 1896, стр. 92—93) пишет о почитании „Никола-торым", т. е. святителя Николая, обдорскими остяками и приводит несколько анекдотов по этому поводу. Самоеды полуострова Ямала иногда „одного из домашних идолов начинают приурочивать к Николаю Чудотворцу" (Б. М. Житков. Полуостров Ямал. СПб, 1913, стр. 229). Известен этот культ и пермякам (Изв. Арханг. Общества Изучения Русского Севера 1911, № 4, стр. 304) и вообще многим северным народам (ср В. Семенкович в книге: Ламартиньер. Путешествие в северные страны. М. 1911, стр. 32—34). Со ссылкой на Кастрена и Лепехина, В. С. Иконников пишет о громадном распространении „культа св. Николая на всем протяжении русской колонизации": „камассинские татары, чуваши и мордва, будучи язычниками, по временам являлись в русские церкви, приносили ему дары и ставили свечи перед его образом, а самоеды считают его своим могучим богом, и обращаются к нему в самых затруднительных случаях жизни" („Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев 1869, стр. 219). Очевидно, что о подобном же культе среди калмыков рассказывает и Доббин; это косвенно подтверждает и рассказ о религии калмыков Юрия Крижанича (А. Титов. Сибирь в XVII веке, стр. 176—177); ср. Арх. Гурий. Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. т. I. Калмыки, Казань 1915.

кроме того они имеют святого человека, которого они называют патриархом]. Доббин передает неясные сведения о тибетском Далай-Ламе, к которому Ламаиты калмыки действительно, устраивали почти ежегодные паломничества. Термин калмыки применялся у нас в XVI—XVII вв. ко всем ойратским племенам вообще, к собственно калмыкам, а также к ойратам Джунгарии и Сибири, которых Доббин и имеет в виду (В. Л. Котвич. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. „Изв. Росс. Акад. Наук", 1919, т. XIII, стр. 1209).

Главнейшие называются тубинцы]. В литературе долгое время держалось, а отчасти и ныне существует мнение, что тубинцы, как и близкие им маторы

самоедского происхождения. „Тубинцы,—говорит Георги (Описание всех в Российском государстве обитающих народов, кн. III, стр. 16—17), до завоевания Россиянами, составляли многолюдное и храброе самоедское колено, жившее на восточной стороне Енисея, около р. Тубы, по которой оно и называлось сим именем. Но оно во время войны отчасти истреблено, а отчасти рассеялось не токмо по другим самоедским, но и по татарским народам. Между Качинскими татарами есть и ныне один Тубинский род или аймак, но он малолюден". Кастрен (Reiseberichte und Briefe, 1856. S. 351), считавший тубинцев ветвью маторов, склонен был придерживаться того же мнения. В. Радлов (Aus Sibirien. I, S. 207) замечал, однако, что „Туба—отнюдь не родовое название, а имя народа; оно принадлежит широко распространившейся самоедской народности, которую китайцы в VII веке называли Дубо" (ср. Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в средней Азии в древние времена. СПб. 1857. т. I, стр. 439). „Тубинцы", вместе с двумя соплеменными народами, маторами и камашинцами отличались воинственным нравом и долго противились русскому владычеству, пока, в половине XVII в., не сложили оружие и не начали платить ясак",—замечает А. А. Жилинский (Крайний север Европейской России. Пг. 1919, стр. 171); „в настоящее время, за исключением немногих камашинцев, племена эти совершенно исчезли и слились с тюрками и татарами". О тубинцах, как о народе самоедского происхождения, говорят также С. Патканов (Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. т. I, СПб 1912, стр. 75) и, в недавнее время, W. Jochelson (Peoples of Asiatic Russia. The American Museum of Natural History. 1928, p. 24). Однако, не так давно, Н. Н. Козьмин (Туба. Историко-этнографический очерк—„Сибирские записки", 1918, № 4 и отд. оттиск., 26 стр.) произвел полный пересмотр этого вопроса и пришел к заключению, что тубинцы — тюрки. Входя в государство хакасов, в середине VIII века подчиненное уйгурам, туба „занимала если не господствующее, то очень видное место в их государстве". Дальнейшая история их плохо известна, но, во всяком случае, „когда русские пришли в долину верхнего Енисея, на правой стороне было целое Тубинское княжество или Тубинский улус, распространявший свою власть в пределы нынешнего Канского уезда, а может быть и далее. Центром княжества была р. Упса, впоследствии получившая по народности, на ней жившей, название Тубы. В княжество Тубинское, несомненно, входили различные племена, но русские в XVII в. отличали самих тубинцев, как обособленную народность, хотя и родственную киргизам". Казаки Василий Тюменец и Иван Петров, отправленные в 1616 г. к Алтын-Хану, из Киргизской земли перешли в страну тубинцев, обитавших по лесистым склонам гор. „Табынская земля" это, по словам Тюменца, „те же киргизские земли, только живут особо, а дань дают в Киргизскую землю и Алтыну-царю". „По сю сторону Енисея,—говорится в одном документе,—по Абакану и по Уйбату и подле Енисея живут многие киргизские люди и с ними камыцкие люди, а по другую сторону на Упсе киргизы же, имя им туба, а с ними дальные многие люди". В 1652 г. Красноярский воевода сообщил, что вторгся в „Тубинскую землю Алтына-царя племянник Мерген-тайша с воинскими людьми, с семью сот человеки, и стал на государстве Тубинской земле на Ербинском устье" (Ерба—левый приток Енисея). Из всех этих свидетельств можно заключить, что тубинцы в XVII веке жили, приблизительно, именно там, где помещает их и Доббин, точнее—по р. Тубе, в Красноярском уезде и по левую сторону Енисея до Абакана, и составляли отдельное княжество, где их застали русские. Из слов Тюменца видно, что в культурном отношении тубинцы стояли ниже прочих киргизов: „кормятся они зверем, бьют лосей и оленей, едят также козье мясо, платье себе делают из кож. Угодий никаких не имеют, хлеба у них не родится и коров и овец нет; только одни лошади да олени. А сколько всех тубинцев, того казаки сведать не могли" (Н. Козьмин. Туба. стр. 5—7. Его же: Хакасы. Ирк. 1925; Ю. В. Арсеньев. Путешествие Ник. Спафария. СПб, 1882, стр. 9—10, 162, 182. В. В. Бартольд. Киргизы. Историч. очерк, Фрунзе, 1927, стр. 41—42). Эти же данные позволяют думать, что тубинцы были довольно многочисленны и что значение „тубы" совер-

шенно не совпадает с современным значением кости (сөөк) абаканских туземцев „тубалар"; именем „туба" называют себя и т. наз. „черневые татары" на Алтае, карагасы или тофалары в б. Нижнеудинском уезде и урянхайцы (ср. Н. Ф. Катанов. Письма из Сибири и В. Туркестана, СПб 1893, стр. 26; Radloff. Aus Siberien, I. S. 212), иначе танну-тувинцы, населяющие Тувинскую нар. республику. На карте Витсена на восточной стороне Енисея ниже Красноярска отмечены: Thebinsi.

Вниз по третьей реке живут язычники маленького роста]. Якуты?

на реке Даурской, которая некогда принадлежала португальцам]. Dörffen Strohm—явно испорченное слово; как указано выше, вероятнее всего имеется в виду р. Амур. „Все, что Доббин рассказывает здесь о португальцах,—замечает Геннин (op. cit., S. 446),—заслуживает более точных известий" и высказывает предположение, что португальцы некогда из Кореи торговали по Амуру и имели там свои пакгаузы и склады.

живут дауры]. Дауры—народ монгольского племени. „Насколько мне известно,—пишет Л. Шренк (Об инородцах Амурского края. СПб 1863, т. I, стр. 163)—это название впервые встречается в печати на карте Витсена от 1687 г., где верхне-амурский край обозначен надписью „Даурия", и в его же сочинении „Noord en Oost Tartarye", изданном вскоре после карты. В последнем дауры упоминаются под различными видоизменениями этого названия, каковы „даурианы, даоры" (Daurianen, Daori, Dauri) и пр.; при этом, т. к. Витсен черпал сведения, главным образом, из русских известий и рассказов, то некоторые из употребляемых им названий, очевидно, обнаруживают русскую форму, какова, например, даурцы, доурский и даверский народ" (Изд. 1692, II, 27,31, 520, 528; изд. 1705 г., 64, 85, 92, 838, 847 и др). Частью те-же, а частью другие видоизменения этого названия встречаются также у позднейших писателей и путешественников. Так, например, сбрант Идес, проехавший в своем путешествии в Пекин в 1693 г. через всю, так называемую, Даурию, лежащую к югу от Амура, замечает, что жители ее называются даорами или, на древнем языке, даурами, а в других местах своего сочинения он, очевидно, придерживаясь русской формы, называет их даорцами и даурцами (Ср. Henning. Reisebericht über Siberien, S 362—364). В донесениях первых русских путешественников по Амуру, Пояркова и Хабарова ,упоминается о народе дучерах, которые были ими встречены по пути. Р. Маак предполагает (Путешествие на Амур СПб 1859, стр. 145—146), что „под именем дучеров Поярков и Хабаров разумели дауров, которые, быть может, в то время жили на Амуре, при устье р. Сунгари, но набегами русских были вытеснены в местности, лежащие выше по Амуру, а оставленное ими пространство заселилось впоследствии тунгусскими племенами. Действительно, наличие довольно значительных переселений дауров в XVII веке может быть установлено на основании сопоставления исторических свидетельств. Начальник Енисейских казаков, Максим Перфильев, следуя в 1639 и 1640 гг. вверх по Витиму и притоку его Ципиру, узнал от тамошних тунгусов, что по верхнему Витиму, начиная со впадения в него реки Карги до озера Еравны, равно как и по Шилке, до ее устья (т. е. по верхнему Амуру до Сунгари), живет народ „дауры" (G. F. Müller. Sammlung Russ. Gesch., II, S. 296: Fischer. Sib. Gesch. S. 528); четыре года спустя, во время похода Пояркова на Амур, произошла на Зее первая встреча русских с даурами (Доп. к Акт. Историч., т. III, СПб. 1848, стр. 51 и сл.). По донесениям Пояркова, комментированным С. Патхановым, „первые поселения их встречались у устья реки Умлекана (левый приток Зеи между Уром и Депом), а выше. по Брянде (пр. приток Зеи) и в долине Ура, попадались только оленные тунгусы. За Умлеканом даурские поселки тянулись до устья р. Зеи и. затем, вверх по Амуру, по Аргуни и Шилке, и в другую сторону, вниз по Амуру, почти до устья Буреи..." Судя по большому числу городков, упоминаемых в донесениях казаков, некоторые из которых имели значительное население (в 500—1000 ч.). как, напр., Гегударов городок, можно заключить, что лет двести тому назад берега Аргуни, Шилки, Амура и нижней Зеи были, сравни-

тельно, довольно густо заселены. Но крупного владения в этой местности все же не было, т. к. каждый городок или группа городков, с прилегающей местностью представляли самостоятельное целое и имели своего независимого князька, а иногда и нескольких. Во время набегов казаков на эти даурские городки, жители их были частью истребляемы, частью разбрелись, а большая часть переселена манчжурами в 1654 году, их покровителями, в Манчжурию, на берега р. Нонни, где они проживают и в настоящее время, занимая небольшую, но густо засел нную полосу земли, длиною в 35 в. между городом Цицикаром и сел. Мохолоч (С. Патканов. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири, ч. II, СПб. 1906, стр. 2—3, 21—22). По словам А. В. Гребенщикова (В Бутху и Мэргень по р. Нонни, Харбин 1910, стр. 13—14, 54) последнее указание Патканова не соответствует положению дел. Дахурские деревни начинаются ниже г. Цицикара и тянутся по правому берегу Нонни, вплоть до самого Мэргеня. Таким образом, слова Доббина, что „на реке Даурской живут дауры" можно, по совокупности приведенных данных, толковать, как указание на местожительство их по среднему течению р. Амура, впоследствии ими измененное, благодаря усилению русского влияния и, отчасти, благодаря колонизационной политике Цинской династии китайской империи" (ср. А. Ю. Назаров. Манчжуры, дауры и китайцы Амурской области, изв. ВСОРГО, т. XIV, № 1—2).

В Сибири имеется еще одна большая река]. О какой реке говорит Доббин догадаться довольно трудно. Геннин (op. cit., S. 446) также перечисляет различные сибирские реки, впадающие в Ледовитый океан, и ранее Доббином не упомянутые, но резонно замечает, что ни одна из них „не выходит из Калмыкии".

главнейшие же из них называются брабанцы]. В русских источниках, сколько знаем, имени Brabantzich, или сходного с ним, не встречается. Однако, на карте Сибири Витсена (1687 г.) упомянуты Barbantzi, живущие на реке Тунгуске под 64° широты и 110° долготы. Геннин, уже обративший на это внимание, заметил, что „эта Тунгуска через Байкальское море выходит из Калмыкии и идет, вместе с Енисеем, в Ледовитый океан. По течению ее живут язычники: Иркутские, Братские, Кондомцы и др. (Irkutski, Bratski, Condomtzen)"; это замечание также мало что разъясняет: повидимому, Геннин говорит об Ангаре. Название Brabantzich можно принять, однако, либо за народную этимологию слов Bratzki, как называли приангарских бурят, либо, если написание Витсена считать более правильным, за искажение слова Barbarski в значении „варвары, дикари": так называет один из народов Восточной Сибири швед Эрик Пальмквист (см. ниже): Barbarski Leute.

владетель всей Сибири кочует с места на место]. В подлиннике: „Siberischer Ober-Herz" (sic!). „Что это за Siberischer Ober-Herz, т. к. теперь под таким именем известен только московский царь, я не могу отгадать,— замечает Геннин.— Быть может имеется в виду Sangie, калмыцкий владетель, орда которого находится между оз. Косоголом и Селенгинском". Упоминание Доббином башкиров, которых этот владетель имеет при себе, а также указание, что он ведет „большую войну": „то с Астраханью, то с Казанью, то с Тобольском" явно указывает на ошибочность предположения Геннина. Речь идет, скорее всего, об одном из ойратских князей, действовавшем против России в пределах южной и западной Сибири.

XXXVII. ИОГАНН АРНОЛЬД БРАНД | JOHANN ARNOLD BRAND

(1673)

Иоганн Арнольд Бранд, род. в 1647 г. в г. Девентере, ум. 1690 г. в Дюисбурге (его не следует путать с Адамом Брандом, спутником русского посла в Китай в 1693 г., Исбранта Идеса, и автором книги „Beschreibung der chinesischen Reise... von Moscou über Gros Ustiga, Siberien, Dauren und durch die Mongalische Tartarey, ...Hamburg 1698; см. о ней: Adelung. Übersicht... II, 388—390; R. Minzloff. Pierre le Grand dans la littérature étrangère. SPb. 1872. p. 168—171) доктор прав и профессор Дюисбургского университета Он ездил в Москву в марте 1673 года вместе с посольством камерната Иоахима Скультетуса, снаряженным бранденбургским курфюрстом Фридрихом-Вильгельмом к царю Алексею Михайловичу. Посольство возвратилось из Москвы в декабре 1673 года (Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений, т. IV, стр. 12—15; Г. В. Форстен. К внешней политике Вел. Курфюрста. ЖМНПр. 1900, май, стр. 51—58). Свое путешествие в Москву Иог. Арнольд Бранд описал в книге, рукопись которой, после его смерти, передана была его родственниками коллеге его по Дюисбургскому университету, профессору Иоганну фон Хеннину (J. Chr. v. Hennin), который и напечатал ее отдельной книгой в г. Везеле в 1702 году, приложив к ней и те материалы, которые собраны были Брандом в Москве, среди них: рукописное „Описание Сибири“ А. Доббина и запись его устного сообщения о ловле соболей. Все эти материалы Хеннин снабдил своими замечаниями, составленными по печатным известиям о Сибири. „Описание Сибири“ Доббина напечатано выше; приводим полностью также и запись рассказа Доббина, сделанную Брандом в Москве. При каких обстоятельствах встретились они, нам неизвестно. Перевод сделан по первому немецкому изданию: Joh. Arn. Brand. Reysen durch die Marck Brandenburg, Preussen, Churland, Liefland, Plesscovien, Gross Naugardien, Tweerien und Moscovien etc. Anbey eine seltsame und sehr anmerkliche Beschreibung von Sibirien...Hsg. durch H. Chr. v. Hennin. Wesel 1702, S. 303—306. Существует и голландский перевод этой же книги: Nieuwe en naukweurige Reis-Beschryving ...Als mede een... Beschryving van... Sibirien; en den Zabelvangst, Utrecht 1703.

ИОГАННА АРНОЛЬДА БРАНДА

Приложение к предшествующему описанию Сибири, касающееся ловли соболей

Нижеследующее описание сообщено мне г. Альбрехтом Доббином, из Ростока, некогда капитаном шведской службы, который приехал в Москву и был отправлен царем в Сибирь, где он пробыл семнадцать лет. Так как он подробно сообщил мне о ловле соболей, в устном рассказе, я счел целесообразным предложить его читателю, потому что, сколько я знаю, он является самым правдивым и точным, тогда как об этом повсюду столько писали и рассказывали спорного и даже баснословного.

Соболей, которые несколько напоминают больших черных блестящих кошек, с тою только разницей, что волос их длиннее и шелковистее, ловят, по возможности, в ноябре и декабре, вплоть до 18 января; однако, в два предшествующих месяца они гораздо лучше и дороже, чем те, которых ловят в последнем, так как в январе снова начинает показываться и пригревать солнце, что производит то, что волос начинает у них тогда выпадать, и делает мех негодным. Соболей выслеживают с помощью специально для этого натасканных собак. Когда зверьки, по их обыкновению и способу, прячутся в кустарник, в колоды или бревна, на них набрасывается сетка; таким образом их ловят и убивают дубинами; если же они вырываются из сетки и удирают, взбираясь на стоящие по близости деревья, то их всегда облаивают стоящие внизу собаки и охотники достигают до них дубинками, притупленными с одного конца, самострелами и луками. Затем, при помощи приученных к этому собак, с них тотчас же сдирается шкура и приносится охотнику. Охотник спокойно стоит на двух специально сделанных для этого дубовых досках (подобных тем, из которых делаются наши пивные и винные бочки), длиною, приблизительно, в два с половиной фута и шириною в пять с половиной пальцев; каждая из них имеет посредине вырезанную пропорционально ногам выемку, в пол-пальца глубиной, чем эти доски подобны нашим здешним лыжам (Schriksehuh), и крепко привязывается к ноге веревками; примерно такой вид имели и те, которые я видел продающимися в столице или Москве (Stollitza oder Moscua). В руках у охотника трость, тупая снизу, с маленьким выступающим гвоздиком, чтобы она не слишком глубоко проваливалась в снег. Ею отталкиваются охотники, или же при помощи запряженных собак или оленей, к упряжи которых крепко привязана веревка; иногда же они управляют санями следующим образом: когда ветер благоприятный, охотники употребляют очень легкие саночки, которые можно поднять одной рукой; в середине их укрепляют сделанный из холстины парус; сидя и лежа сзади этих саней, они управляют упомянутой тростью по обеим сторонам.

Они умеют также очень искусно ловить соболей кладущимися, в определенных местах, кусочками [отравленного] хлеба, от которых они должны погибать. В Сибири ловят теперь соболей не в таком большом количестве, как некогда, но их еще много в другом месте и у других народов, которые называются монголами.

Лучший торг мехами — соболями, чернобурыми лисицами, белыми горностаями и т. д. производится чаще всего в Архангельске; там обмениваются они на другие товары купцами, торгующими в Сибири; царю, вместо подати, платят десятью соболями и эта подать, которую должны посылать царю живущие в Сибири под его владычеством язычники (а именно, начиная с десяти лет, в этом возрасте каждый дает два соболя, в одиннадцать лет—трех, в двенадцать—четырех и так далее до двадцати лет, с какового времени остается двенадцать соболей до пятидесятилетнего возраста, как рассказано выше), приносит ему каждогодно неисчислимое богатство. Что же касается ловли соболей, то следует еще заметить, что рассказы об острых стрелах, которыми, якобы, нужно попадать им прямо в нос, являются только шутками и баснями.

ПРИМЕЧАНИЯ

Столько писали и рассказывали спорного]. В виду того, что соболи высоко ценились европейцами, и что соболиный мех уже с давних пор играл в Европе важную роль между предметами роскоши, к образу жизни зверька и к способам ловли его на Западе существовал большой интерес. Редкий европейский писатель, говоря о Сибири, не упоминал о соболе, но, действительно, сообщаемые известия не отличались большой точностью, поэтому небольшое известие Доббина должно было показаться очень важным и Бранду и издателю его, Геннину. В XVII в. русская меховая торговля, как известно, достигла очень большого развития, как предмет экспорта. Кильбургер пишет в 1674 г. о соболях: „Они идут не только в европейские государства и страны, но также много простых покупается китайцами, а греками—лучшие соболи" (Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле. Киев, 1915, стр. 95—96; ср. Н. Ф. Яницкий. Торговля пушным товаром в XVII веке. „Универс. Известия", Киев, 1912, № 9).

Соболей выслеживают с помощью собак]. Описанные здесь способы ловли соболя ничем не отличались от тех, которыми пользовались еще в XIX веке на всем протяжении Восточной Сибири. Н. Пржевальский („Уссурийский край"—Вестник Европы, 1870, № 6), например, пишет: „С начала зимы, то есть в течение ноября и декабря, когда снег еще мал, охота производится с собаками, которые отыскивают соболя и, взогнав его на дерево, начинают лаять до тех пор, пока не придет промышленник. По большей части соболь, взбежав на дерево, начинает перепрыгивать с одного места на другое чрезвычайно быстро, но хорошая собака никогда не потеряет зверька из виду и, следуя за ним с лаем, всегда укажет охотнику дерево, на котором, наконец, он засел. Случается, что иной соболь пускается на уход по земле и залезает в дупло дерева, в нору или под камни. В первом случае, обыкновенно, дерево срубается; во-втором—копают нору, если только это позволяет грунт земли, наконец, в третьем— выкуривают зверька дымом". „Промышленник,—пишет А. Черкасов (Записки охотника Восточной

Сибири 1856—1863. СПб, 1884, стр. 275—277),— найдя свежий соболиный след, начинает охоту с того, что делает округу или окидывает след, чтобы хорошенько узнать, где именно находится соболь, и когда убедится, что он в известных пределах— тотчас спускает собаку на след и поспешно идет за ней, глядя во все стороны и прислушиваясь"... „В тех местах, где соболей много, промышленники, отправляясь на промысел, берут с собой сети, то есть тенета, для того, что если соболь успеет уйти от собак и заскочит в пустоты между камнями, то промышленники около того места разбивают эти сети, так что соболь, выскочив из своего убежища, попадает в них и запутывается". Сеть эта носила название о б м е т а.

Охотник спокойно стоит.... на двух дубовых досках]. Немецкий издатель настоящего рассказа, Геннин, в своих примечаниях к нему (стр. 449—450), посвящает целое ученое исследование вопросу об устройстве л ы ж у северных народов, сопоставляя с сибирскими лыжами аналогичные приборы древних финнов и цитируя при этом византийских писателей, а также Саксона Грамматика, Олая Магнуса и др; в конце книги Бранда приложена картинка, с чертежом в левом углу, подробно у Геннина объясненная.

Ст. Крашенинников („Описание земли Камчатки". СПб, 1786, т. I), посвящая 7 главу 2 части первого тома „Витимскому Соболиному Промыслу", так описывает лыжи, которыми пользовались промышленники (стр. 244): „лыжи делаются еловые на подобие обыкновенных лыж, длиною в 2 аршина, а шириною напереди в 5, а позади в 6 вершков... На верхней стороне посредине лыж выделываются из того же дерева п о д л а с ы, то есть место, где ногам стоять, вышиною в пол вершка, и покрываются берестою, чтоб к ним не приставал снег. Напереди оных подласов продеваются к у х м о н ы или деревянные п у т к а, и привязываются к подласам ремиями, а по их названию о т т у г а м и, чтоб они крепко стояли. Да напереди-ж у подласов продеваются иные ремни, называемые ю к с ы, которые на пяты надеваются" и т. д.

В Сибири ловят теперь соболей не в таком большом количестве]. Постепенное исчезновение пушного зверя и дичи в Сибири — факт общеизвестный. Вторгаясь в Сибирь, русские встречали племена, которые носили собольи шубы, но крайнее распространение соболиного промысла повело к совершенному исчезновению его на севере Европы и Приуральской области, а затем и к постепенному уменьшению его в Сибири. Уже в XVII веке мы находим известия, что количество дорогих пушных зверей уменьшается в Сибири ,вследствие применения русскими для их ловли о б м е т о в и к у л е м о в (западня в виде дворика из кольев), и даже на далекой Лене уже в половине XVII в. промышленники жаловались, что „соболь весь в Якутском уезде на ближних реках был сильно истреблен, и добыча его сократилась раз в десять". (Г. В е р н а д с к и й. Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII века. Ж. М. Н. Пр., 1915, № 4). В 1627 году промышленные мангазейские люди говорили, что „вверх по Енисею реке и снизу Тунгуски реки соболи и бобры опромышлялись", и что „в коих де местах на перед хаживали они для соболиного промыслу, стало зверя мало"; в 1649 г. в Якутском уезде „на ближних реках", по словам туземцев, русские промышленные люди также соболь „опромышляли". В 1677 г. тунгусы при Баргузинском остроге сказывали ясачному сборщику, что „соболя отнюдь нет" и что у них „беспромыслица великая". В 1682 г. Якутский воевода писал, что по берегам Индигирки, Алазейки и Ковымы (Колымы) „соболиные промыслы стали худы, и соболи выпромышлялись" (А. Л а п п о—Д а н и л е в с к и й. Организация прямого обложения в Московском Государстве. СПб, 1890, стр. 425—426). „С начала покорения Сибири,— замечает С К р а ш е н и н н и к о в (Описание земли Камчатки. СПб, 1786, т. I, стр. 234—235) — соболиная охота была столь богатая, что оное место богатым наволоком прозвано. Но ныне не только там, но и в других местах, где есть российские населения, нет никакого соболиного промыслу: для того, что соболи близ жилья не водятся, но по пустым лесам и высоким горам в отдалении. Чего ради и обстоятельно описать сего промысла никак невозможно, ибо надлежит в том полагаться на промышленных, которые

и не охотно сказывают про свои суеверные обряды, и всего достопамятного объявить для грубости своей не в состоянии: потому что важность им безделицею кажется, а безделица — важностью". Ср. А. Миддендорф. Путешествие на север и на восток Сибири, ч. II, стр. 77—80; А. Черкасов. op. cit., стр. 266—267; М. Ф. Кривошапкин. Енисейский округ и его жизнь. СПб 1865, т. II, стр. 144.

царю, вместо подати, платят десятью соболями]. Сведения Доббина о ясаке в Сибири не вполне точны. Ясаком (поголовной податью) „облагались все инородцы мужского пола не ранее 18-тилетнего возраста, то есть с того времени, когда „летним промыслом промышлять и великого государя ясак платить поспевали" и до 50 лет. Взималось по 5 соболей с человека; хотя этот оклад и назывался „полным ясаком", но он в некоторых случаях повышался до 10 соболей (А. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском Государстве. СПб, 1890, стр. 418, 431—433, 435—436). Известно, однако, что злоупотребление и своеволие воевод, особенно в отдаленных местностях Сибири, очень часто нарушали установленные в Москве правила.

рассказы об острых стрелах, которыми, якобы, нужно попадать им прямо в нос]. Обычным орудием туземцев при ловле соболей служил лук со стрелами (Акты Археогр. Эксп. IV, № 298), „но иных промыслов, как промышляют русские люди с обметы и с кулемником" ,инородцы не знали (Доп. к А. И. III № 12). Впрочем, русские промышленники в 1649 г., по крайней мере в некоторых местностях, „покинули промышлять соболиный промысел обметами и собачьим промыслом", а ловили соболя кулемниками (Доп. А. И. III, № 57). Продавать туземцам огнестрельное и вообще всякое оружие, как известно, было запрещено (А. Лаппо-Данилевский, op. cit, стр. 426). Что касается „шуток и басен" относительно того, что соболям стрелкою нужно попадать прямо в нос, то такие рассказы были действительно очень распространены (ср. выше, т. I, стр. 147. 148, 365, а также Коллинз стр. 15). Павел Алеппский, приехавший в Москву из Сирии, вместе с отцом своим, патриархом антиохийским Макарием (1654), рассказывает в описании своего путешествия о способах охоты русских на соболя и на горностая и замечает, что охотники старались ранить соболя „под шею, чтобы не испортить меха". (П. Алеппский, перев. Г. А. Муркоса, вып. III, М. 1898 стр. 63, 65). Французский путешественник Ж. Б. Таверньe, умерший в Москве в 1689 г. на обратном пути в Европу из Индии и Монголии (И. Токмаков. Материалы для биографии французского кругосветного путешественника Ж. Б. Таверньe, „Библиограф" 1885, № 2, стр. 25—27; Ch. Joret. J. B. Tavernier. Paris 1886, p. 377—378, 403—405), пишет следующее о ловле „куниц" (martres) в Московии: „Как только куница показывает свою голову из своей норы, московитяне, которые стоят на стороже, тотчас же стреляют ей прямо в нос или в глаза, так как если бы они стреляли в туловище зверька, шкурка его не стоила бы ничего по той причине, что кровь, которая течет из раны, заставляет выпадать мех, который ею замочен" (Les six voyages de J. B. Tavernier, seconde partie, Paris MDCXCII, livre III, p. 470).

XXXVIII. ЭРИК ПАЛЬМКВИСТ | ERIK PALMQUIST

(1674)

Для обсуждения и устранения ряда спорных вопросов, возникших между Россией и Швецией в начале 70-х годов XVII в., шведское правительство отправило в 1673 г. специальное посольство в Москву—графа Г. Оксеншерна, бар. Г. Г. Тизенгаузена и Г. И. фон Будберга. К этому посольству прикомандирован был, в качестве военного агента, молодой артиллерийский капитан шведской службы—Эрик Пальмквист (р. 1651 г.), который, несмотря на свою молодость, уже обратил на себя внимание инженерными работами (по укреплению Риги) и мог быть полезен теперь, как лицо, которому удобно было поручить изучение состояния оборонительных сил и средств русского государства на случай военного с ним столкновения. Пальмквист получил задание собрать, по возможности подробнее, сведения о русских вооруженных силах, сделать зарисовки и планы городов и крепостей, важных в стратегическом отношении, и, вообще, узнать о России все, что могло бы быть полезно шведскому правительству. Поручение это Пальмквист выполнил очень тщательно. Он нанес на карту весь свой путь по России, нарисовал ряд планов и карт, записал сведения, казавшиеся ему важными и нужными. Результатом такой работы явилась рукопись под заглавием „Несколько замечаний о России, о ее дорогах, укреплениях, крепостях и границах во время последнего королевского посольства к московскому царю". (Nägre widh Sidste Kongl. Ambassaden till Tzaren i Muscou giorde Observationer öfver Ruszland des Wäger Pasz meds Fästningar des Gräntzer". Anno 1674). Рукопись эта, хранящаяся в Стокгольме, содержит „53 рисунка пером, различного формата, 16 географических карт и планов городов и пояснительный текст в виде отдельных заметок, иногда довольно длинных, приложенных к рисункам и географическим чертежам". (Ю. Готье. Известия Пальмквиста о России. „Археологич. Известия и Заметки" 1899, № 3, 4 и 5, стр. 65—98). В своем посвящении сочинения Карлу XI, Пальмквист говорит, что он „не без трудностей и усилий" собирал материалы для своего

труда и что „он не мог узнать от этого неприятного и трудного в обращении народа более того, что здесь помещено". „Я сам,—замечает Пальмквист далее,—в разных местах тайно наблюдал и рисовал, рискуя собою, а также получил за деньги некоторые сведения от русских подданных". Ю. Готье резонно замечает по этому поводу, что только подкупами „можно объяснить появление в рукописи снимков и карт, которые, по собственным словам Пальмквиста, были изготовлены по повелению царя. Зная, что иностранца, да еще члена посольства, ни в коем случае не могли допустить к копированию государственных „чертежей", остается предположить, что какой-нибудь подъячий осмелился рискнуть головой, чтобы заработать деньги от шведского военного агента" (Ю. Готье, op. cit., стр. 81). Несмотря на то, что труд Пальмквиста носит специальный военно-осведомительный характер, в нем есть немало и других сведений, интересных для историка; главное значение имеют рисунки, сделанные несомненно талантливой рукой, в которых, помимо точных планов ряда русских городов и видов местностей, мы находим изображения русских одежд, характерных бытовых подробностей, даже зарисовки отдельных жанровых сценок. Рукопись Пальмквиста, хранящаяся в Стокгольмском Гос. Архиве, только в 1898 году увидела свет в роскошном фототипическом издании, точно воспроизводящем подлинник, без всяких комментариев и вступительных статей. Однако, уже задолго до того она была известна исследователям, посвятившим ей ряд статей. Еще Висковатов смог поместить из нее 5 рисунков в своем „Историческом описании одежд и вооружения русских войск" (СПб, 1841—1862); затем шведский ученый Т. Бестрин в журнале „Ny Illustrerad Tidning" (1881 г.) поместил биографический очерк Пальмквиста, несколько извлечений из рукописи и четыре рисунка. Статья Вестрина послужила материалом для двух статей Я. К. Грота („Моск. Ведом." 1881, № 236; „Новооткрытый памятник русской истории на шведском языке" ЖМНПр. 1881, № 10, стр. 68—75), а также для статьи С. Н. Шубинского „Шведское посольство в России в 1674 г.". („Истор. Вестник", 1882, т. VII, март, стр 652—660; вошло в его книгу: „Очерки из жизни и быта прошлого времени". СПб., 1888, стр. 98—108). На основании Стокгольмского издания рукописи написаны были: указанная выше обстоятельная статья Ю. В. Готье, а также две специальных работы М. В. Рубцова („Тверь в 1674 г. по Пальмквисту". Тверь, 1902 г.) и И. К. Линдемана (Разбор сведений, сообщаемых Пальмквистом о Торжке. „Труды второго областного Тверского Археологического Съезда". Тверь, 1906). Вся книга Пальмквиста переведена на русский язык Грансремом, но перевод остался в рукописи и хранится в Центрархиве в Москве (б. Арх. Мин. Ин. Дел), лишь небольшой отрывок из этого перевода: „Наблюдения и заметки о русской артиллерии" напечатал А. А. Бобринский в приложении к статье „Грипсгольмские пищали" (Изв. Арх. Ком., вып., 53, Пг. 1914,

стр. 76—80). Кроме сведений о военных силах Московского государства, о числе иноземцев, состоящих на русской военной службе, и т. д. Пальмквиста, видимо, интересовало все, что касалось Сибири,— замечает Ю. Готье; кроме двух карт этой страны мы находим у него данные о дорогах в Сибири, о расстоянии между сибирскими городами, о сибирских инородцах" (стр. 90). „Обе карты Сибири представляют очень много сходного между собою. Характерная их особенность та, что север обращен книзу, а юг—кверху. Весь северный берег Сибири вытянут по совершенно прямой линии, а побережье Тихого океана составляет такую же прямую линию, идущую под прямым углом к первой. На Таймыр, Чукотский нос и Камчатку нет ни малейшего намека. В общих географических атласах XVII ст., начиная с Меркатора, мы не находим ничего похожего на эти карты; точно также в них очень мало сходства с картами Сибири, помещенными у путешественников XVI и XVII ст., и с известным сибирским чертежем Сем. Ремезова 1701 г. Касательно происхождения одной из этих карт, озаглавленной „Копия карты Сибири и части Тобольска, составленной по повелению царя", мы находим, впрочем, указание в надписи, помещенной на ней самой; эта надпись, очевидно, переведенная автором с русского языка, гласит: „1668/7176 года при державе вел. государя царя и великого князя Алексея Михайловича... по государеву указу составлен распоряжением Тобольского стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова". „Далеко не так просто решается вопрос о происхождении второй карты Сибири и карт Волги и Белого моря. Вторая карта Сибири носит ясные признаки того, что Пальмквист взял ее из каких-то немецких источников, т. к. пояснительные надписи на карте сделаны на немецком языке (на немецком же языке написаны общие замечания о Сибири, составляющие, повидимому, приложение к этой карте); собственные же имена представляют, в большинстве случаев, точную транскрипцию русских имен, что, казалось бы, с своей стороны, указывает на русский чертеж как на первоначальный источник этой карты. На ту же мысль наводит отмеченное выше сходство между рассматриваемой картой и картой воеводы Годунова" (Ю. Готье. op. cit, стр. 75—76). Что касается первой карты Сибири, носящей в подлиннике Пальмквиста заглавие: „Copia off en Charta dem Tzaren, öfwer Syberien meds cen deel aff Tobolsky", то она, действительно, представляет собою копию карты, о которой Витсен рассказывает (Noord en Oost Tartarye II, 859), что по повелению царя Алексея Михайловича „тобольскому воеводе Петру Годунову с товарищами исследовать расстояние между городами Сибири и дальше до Китая", „они составили карту, которая была напечатана в Москве в виде гравюры на дереве, с описанием расстояний между городами". Этот „Чертеж Сибирския земли" до нас в подлиннике не дошел, но в 1914 г. рукописная копия этого чертежа найдена была Л. С. Багровым (Карты Азиатской России. Пг. 1914, стр. 11) в одном из

атласов Ремезова, хранившемся в Археографической Комиссии (ср. Л. С. Берг. Очерк истории русской географической науки. Лгр. 1929, стр. 22), а еще ранее отысканы были: шведская копия ее, сделанная в 1669 г. Класом Иогансеном Прютцем, и немецкая копия Шлейсинга 1692 г. (подробности и литературу см. В. А. Кордт. Материалы к истории русской картографии, вторая серия, вып. 1, Киев, 1906, стр. 23—26). Карта Э. Пальмквиста перепечатана в книге А. Э. Норденшельда „Periplus", (Lond·1897, табл. XXXVI). Мы воспроизводим ее, вместе с другой картой и текстом замечаний о Сибири, непосредственно из альбома: Nägre widh Sidste Kongl. Ambassaden till Tzaren i Muscou giorde Observationer öfver Ruszland. Stockholm, 1898). Возможно, что печатаемый ниже в русском переводе текст: „Communiccrat copica aff een Reesa genom Siberien" представляет собою, как это полагает и Ю. Готье, ничто иное, как пояснения к карте, однако, они составлены Пальмквистом самостоятельно, так как не имеют ничего общего с описанием Годуновского чертежа, напечатанным у А. Титова (Сибирь в XVII веке, М. 1890, стр. 41—101), в котором расстояние между нанесенными на карту поселениями определяется днями сухопутной езды или же водой. Отдельные расстояния, указанные Пальмквистом в милях, не соответствуют и тем (в верстах), какие привел ездивший вместе с Пальмквистом в шведском посольстве Кильбургер, в своем сочинении о русской торговле (Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915, стр. 202—203, 551).

Сообщается копия (описания) путешествия в Сибирь

Подробное обозначение стран, городов и различных народов Московского государства вплоть до Киргизской страны, Монголии и Китая, а также расстояний между ними

Из Москвы в Переславль—от Москвы	36	миль	населены русскими.
Переславля в Ярославль —от Переславля	18		
Ярославля в Вологду — от Ярославля	46		
Вологды в Тотьму — от Вологды	50		
Тотьмы в Устюг —от Тотьмы	50	„	
Всего	200	миль	

[Из] Устюга в Сольвычегодск—от Устюга 12 миль. От Сольвычегодска начинается народ, называемый зыряне.

Сольвычегодска в Соликамск—от Сольвычегодска 188 миль. В ста милях по эту сторону Соликамска другой народ, называемый пермяки.

Соликамска в Верхотурье—от Соликамска 50 миль. Другой народ, называемый вогулы.

Верхотурья в Епанчин—от Верхотурья—36 миль.

Епанчина в Тюмень—от Епанчина—18 миль. Хорошо заселено другим народом сибирскими татарами.

Тюмени в Тобольск—от Тобольска 46 миль. Остается русским городом; направо живут татары, называемые башкиры.

Тобольска в Демьянский ям—от Тобольска—60 миль. Здесь начинаются обские народы, живущие по обеим сторонам реки Оби и называемые обские остяки.

Демьянского в Самаровский ям—от Самарова—15 миль.

Первый город на Оби—Сургут—от устья Оби—80 миль.

Другой [город] Нарым—от Сургута—200 миль.

Отсюда Томск остается направо.

[Из] Нарыма в Кетский острог (здесь) течет маленькая река, называемая Кеть; впадает в Обь. Из Нарыма—25 миль. Здесь также живут остяки, Кетского острога в Маковский—200 миль.

Маковского в Енисейск—от Маковского—20 миль. Обширная пустынная область.

Енисейска в Красноярский острог—от Енисейска—60 миль. Населен русскими.

Красноярского острога в Киргизскую землю—от Красноярска—60 миль (здесь) обитают различные народы: татары, калмыки, киргизы, черные калмыки, белые калмыки, желтые калмыки, монголы, бухарцы, китайцы, все эти народы и земли остаются вправо, когда подымаешься вверх по большой реке Енисею.

ПРИМЕЧАНИЯ

Кильбургер (см. ниже) указывает расстояния в верстах и, притом, только от Москвы до Тобольска: от Москвы до Переславля—180, до Ярославля—90, Вологды 230, Тотьмы—250, Устюга—250, Сольвычегодска, „где начинается нация, называемая зырянами (Sirenii)—60", „400 верст отсюда берут начало народы, которые называются пермяками". Соликамска—940; Верхотурья—250: „эти народы называются вогуличами (Wagaltsen):—Епанчина, 180;—Тюмени 90. „Здесь живут сибирские татары",—Тобольска—230, „ между Тюменью и здешней местностью оставляют справа башкирских татар". Всего верст 2.750. (Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле. Киев, 1915, стр. 202—203). Описанный Пальмквистом и Кильбургером путь до Тобольска представляет обычную дорогу, по которой, чаще всего, ездили из Москвы в Сибирь в XVII веке (С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М. 1928, 103 сл.). Точно также и путь с Оби на Енисей, через Маковский волок, мимо Сургута и Нарыма, можно считать для этого времени наиболее употребительным. В. Бахрушин, op. cit, стр. 110—112.

XXXIX. КИЛЬБУРГЕР | KILBURGER

(1674)

О личности Кильбургера известно очень мало. Первые его биографы (Бюшинг, Аделунг) считали его шведом на том основании, что он ездил со шведским посольством Густава Оксенштерна в Москву (1673—1674) в звании „королевского дворянина"; однако, более правдоподобно предположение В. А. Кордта (Чужоземні подорожні. Киев, 1926, стр. 138 — 139), что он был немец, т. к. его сочинение „О русской торговле" написано по немецки. В 1675 г. он получил место общественного нотариуса в Стокгольме и был определен на шведскую государственную службу. После кратковременного пребывания в г. Риге, в должности секретаря торговой коллегии, он вернулся в Стокгольм, где и умер (1721), занимая в течение долгих лет прежнюю должность нотариуса. В 1674 г., вероятно уже в Стокгольме, вскоре по возвращении из России, Кильбургер написал свою книгу. При жизни автора она издана не была; один из списков ее был в руках историографа Г. Ф. Миллера, но он не использовал ее, а передал А. Ф. Бюшингу, который и напечатал ее в III томе своего сборника: „Magazin für die neue Histori- und Geographie" (1769).

В 1781 г., по списку, сохраняющемуся в Вольфенбюттельской библиотеке, его вновь издал Христ. Шмидт; первый русский перевод 1820 г., по тексту Бюшинга, издал Д. Языков, впоследствии (1823) прибавивший к нему перевод примечаний Шмидта. В 1915 г. прекрасный русский перевод книги Кильбургера по обоим рукописным текстам (Кордт, op. cit., стр. 138, указывает еще на стокгольмскую рукопись, которая может считаться оригиналом) издал Б. Г. Курц, сопроводив его обширным и очень ценным комментарием: „Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича". Киев, 1915. Обстоятельно выяснив источники трактата Кильбургера (это были, главным образом, донесение Родеса о русской торговле шведской королеве Христине, сочинение о России Котошихина, написанное в Стокгольме в 1666 — 1667 гг., из которого Кильбургером взяты сведения о соболином промысле в

Сибири и некоторые другие данные, наконец, таможенные книги и прейс-куранты товаров, привозимых в Москву), Б. Курц так определяет его место среди других иностранных сочинений о русском государстве: „Сочинение Кильбургера совершенно лишено характера, который придавали своим книгам иностранные путешественники и его нужно скорее считать научным трактатом, имевшим своею целью познание России, главным образом, в торговом и промышленном отношении. Никто из иностранцев не дает в этой области такого богатого, ценного материала и только Родес сообщает много данных о торговле, но не так широко охватывает тему, как Кильбургер". Целью Кильбургера было дать, по возможности, более полное представление о русской торговле. „Ни один иностранец не задавался подобной специальной задачей, и поэтому, естественно, никто не дал столько сведений по этому вопросу, как Кильбургер. Ни от кого мы не получаем такого большого количества цен, столь обширного перечисления всевозможных товаров, столько данных об архангельском ввозе, о пошлинах, о горной промышленности и пр." (Курц, стр. 73—74). Обширные комментарии Б. Курца еще более увеличивают ценность этого исторического источника и, в результате, мы имеем настоящую энциклопедию XVII века, главное внимание которой сосредоточено на русской торговле; однако, здесь сообщено также и множество других данных по многим вопросам культурной, бытовой истории России, по исторической географии, военному делу, истории медицины, почт, монет, веса, мер длины и т. д. Кильбургера, естественно, не могла не интересовать с экономической точки зрения Сибирь, занимавшая столь видное место в русской торговле его времени, и он, действительно, касается много раз товаров, как вывозившихся оттуда, так и ввозившихся туда. Так, напр., гл. VI-ая IV-ой части называется: „О соболином промысле в Сибири" (мы воспроизводим ее ниже по переводу Б. Г. Курца op. cit., стр. 170). Б. Курц полагает (op. cit. стр. 34—36), что эта глава основана на сочинении Котошихина, написанном в Стокгольме и переведенном на шведский язык уже в 1669 году. Действительно, о знакомстве Кильбургера с Котошихиным свидетельствуют как расположение материала в обоих сочинениях, так иногда и буквальные совпадения текста их. У Кильбургера: „в Москве говорят, как верное, что она (Сибирь) приносит ежегодно до 600000 рублей, чему, без сомнения, значительно способствует соболиная ловля..." У Котошихина: „А присылается из Сибир царская казна, ежегодь: соболи, мехи собольи, куницы, рыси, песци черные и белые и зайцы, і волкі, бобры, барсы. А сколько числом тех казны придет в году, того описать не в память, а чаять тое казны приходу в год больши штисот тысячь рублев..." Кильбургер: „Соболи ловятся отчасти сетями и силками, а отчасти бьются из луков и тупыми стрелами, как и из ружей, не только царскими ловцами, но преимущественно татарами, чувашами, вотяками и другими, кругом там живущими на-

родами... „У Котошихина: „А ловят тех зверей тянеты, и бьют из луков и из пищалей, и иным обычаем ясачные люди, татаровья и чуваша, вотяки и иные...“ Кильбургер: „В теперешнее время ловятся почти только простые и посредственные соболи в Сибири, в местах, лежащих ближе к Москве, потому что они частой охотой там очень загнаны и уменьшены, а самые лучшие находятся далеко по ту сторону сибирских городов и во всякое время при реках в больших пустошах и это есть причиной, что подобные соболи теперь дороже, чем [были] раньше“. Это место также дословно взято у Котошихина: „И ныне самых добрых соболей от Москвы в ближних городах звериной лов помешался, а ловят соболі середние и плохие, потому что многие звери отпужаны и умалѣхося; а доставаются самые добрые соболі и иные звері в самых далних отстатных сибирских городѣх, на Ленѣ; и от того соболі почалі быть перед старою цѣною дороже“ (Котошихин. О государстве русском, изд. 4, СПб. 1906, гл. VII, стр. 7. „Сибирской приказ“, стр. 93—94). Кильбургер, вероятно, не имел под руками данных для описания соболиного промысла в Сибири, кроме указанного сочинения Котошихина; он не мог знать и запись Иоганна Арнольда Бранда (см.); т. к. оба посольства—Иоахима Скультетуса, к которому принадлежал Бранд, и Оксеншерны, в свите которого находился Кильбургер, разминулись в дороге. Въезд шведского посольства в Москву был в декабре 1673 года, когда посольство бранденбургского курфюрста уже находилось на обратном пути в Германию. И, тем не менее, интересно отметить некоторые совпадения у Кильбургера с записью Бранда о том же предмете: и тот и другой отмечают убыль соболей и нахождение их лишь в отдаленных местностях Сибири, оба говорят о том, что дань соболями приносит каждогодно неисчислимое богатство государевой казне и т. д. IV главу II-ой части Кильбургер посвятил вопросу: „О китайской торговле“ (она перепечатана у нас по переводу Б. Курца, op. cit., стр. 152—153), а заключительную главу V части Кильбургер посвятил: „Описанию пути и расстояния от Москвы до Тобольска в Сибири и оттуда до Пекина в Китае“ (Курц, op. cit., стр. 203—212). Эта маленькая глава, где из сибирских городов названы Верхотурье (Wirchaturga), около которого живут вогуличи (Wogaltzen), Япанчин (Jopanzyen), т. е. Туринск, Тюмень (Tumen) и Тобольск (Tobolskoy) [не лишено интереса замечание, тут же делаемое автором, что между Тюменью и Тобольском „оставляют справа башкирских татар“], заключается „извлечением из того посольства, которое послал московский царь для установления торговли в 1654 году... в китайский престольный город Пекин, который по-русски называется Камбалык“, которое отсутствует в рукописи, напечатанной А. Бюшингом, но которое, несомненно, было внесено в подлинную рукопись самим автором (Курц, стр. 19—20, 203—204). Это „Извлечение“ (Extract) представляет собою перевод нескольких отрывков из

путешествия Федора Байкова в Китай, много раз издававшегося в иностранных переводах, ранее, чем оно увидело свет в России, напр., на немецком языке Н. Витсеном (Leipzig, 1699), им же в переводе на голландском языке, затем на французском и английском; подробную библиографию см. Catalogue de la section des Russica, t. II, А. Пыпин, Ист. русск. этнографии, т. IV. Б. Курц по этому поводу говорит: „Извлечение, предлагаемое Кильбургером, по всей вероятности, сделано им самим из полного описания посольства Байкова, но едва ли можно думать, что Кильбургер сам переводил его с русского подлинника; скорее всего он, очевидно, воспользовался существовавшим уже тогда каким-нибудь заграничным изданием этого посольства. Во всяком случае, извлечение, данное Кильбургером, нужно считать одним из ранних по своему составлению, но оно все время хранилось лишь в рукописи, пока в 1781 году его не напечатал Хр. Шмидт, как дополнение к изданному Бюшингом в 1769 г. сочинению Кильбургера"... „Извлечение Кильбургера из путешествия Байкова, по сличению с русскими редакциями, имеет некоторые новые данные, неупоминаемые русскими списками Спасского или Сахарова или несколько противоречащие им"... (Курц, op. cit., стр. 204, 205 — 206). Кроме того, в различных местах своей книги Кильбургер несколько раз касается Сибири, говоря о различных товарах, получаемых оттуда и направляемых туда.

О соболином промысле

Все соболи идут из Сибири и иначе нигде не встречаются. Это—басня, что те, которые в царской немилости ссылаются в эту страну, должны ловить этих зверей. Сибирь занимает большую часть русского царства. Главный город называется Тоболь или Тобольский, и не найти страны, которая доставляла бы более разнообразные и лучшие меха, чем эта. В Москве, говорят, как верное, что она приносит до 600.000 рублей, чему, без сомнения, значительно способствует соболиная ловля. Соболи ловятся отчасти силками и отчасти бьются луками и тупыми стрелами, как и из ружей, не только царскими ловцами соболей, но, преимущественно, татарами, чувашами, вотяками и другими, кругом там живущими народами, которые это, именно, смеют делать и вносят царю из застреленного и добытого десятину. Никакой воевода, офицер или купец не смеет дерзнуть купить себе там лучших соболей, а именно пару, стоящую более 20 рублей, и один сорок,—более 300 рублей, чтобы, в свою очередь, продать их из страны, но такие составляют собственную царскую торговлю, и для этого в надлежащих местах поставлена сильная стража, которая должна об этом разведывать. Если пойман кто-нибудь, сделавший вопреки этому, тотчас соболи отнимаются, но кто хочет подбить ими свою одежду, тому это позволено, и, таким образом, попадает много соболей в руки част-

ных лиц, и потом через них—уходит из страны. Если кто-нибудь хочет их спрятать или продать за меньшую цену, нежели они стоят, то равным образом отнимаются; также не менее жестоко наказывается тот, кто низкого происхождения и имеет их при себе. В теперешнее время ловятся почти только простые и посредственные соболя в Сибири, в местах, лежащих ближе к Москве, потому что они частой охотой там очень загнаны и уменьшены, а самые лучшие находятся далеко, по ту сторону сибирских городов, и во всякое время при реках в больших пустошах, и это есть причиною, что подобные соболи теперь дороже, чем были несколько раньше.

О китайской торговле

В 1654 году русские с усердием начали стараться о торговле в „Катае" или „Хине", и тогда отправили первое свое посольство к хану Великой Татарии в Пекин (по-русски „Камбалык"), как видно ниже, в последней главе V-ой части. Посредством этого самого они столь многого достигли, что с того времени установилась в сибирском городе Тобольске между ними и китайцами торговля, которая теперь же год от году увеличивается. Китайские купцы привозят всякого рода пестрые татарские и китайские шелковые материи или штофы, плис разных цветов и крепкую выбойку, которая или совсем белая или же только одного цвета. Она называется русскими „китайкой" и каждый кусок содержит ни больше ни меньше как $8^{1}/_{4}$ аршина. Они также привозят драгоценные камни, как-то: рубины, топазы и один вид, называемый „лалами", которые цветом несколько бледнее рубинов, также простой фарфор, мускус („кабардин"), бобровую струю, хинный корень (Radix Chinae), ревень, чай, бадьян, о чем упоминается выше, в I части гл. II, и многие другие товары, попадающиеся в государстве Хине и в Великой Татарии. Они особенно начинают теперь также возить в Сибирь шелк, который несравненно нежнее персидского. В 1673 году они продали царю 25 пудов, который был так великолепен и нежен, что один немец, в свою очередь, заплатил за пуд его 120 рублей и отправил в Гамбург. Эти татарские купцы не смеют приходить со своими товарами дальше, чем в пограничный и главный сибирский город Тобольск, откуда русские везут купленные ими же товары или в Москву или в Архангельск. Часто упоминаемые китайцы скупают все сибирские и часть казанских горностаев, так что их не только совсем нельзя достать в Москве, но и все горностаи вообще дороги. Они отвозят с собою также много простых соболей. Продолжению этой торговли теперь оказывает не малую услугу длинная река Иртыш, которая издалека идет из Татарии и вливается в реку Обь, и легко поверить, что если бы русские были такими любознательными, как другие европейцы, то водный путь из реки Оби в Хину и Ост-Индию мог быть безошибочно открыт.

ПРИМЕЧАНИЯ

Это басня, что те, которые в царской немилости ...] Как указано во введении к настоящему тексту, Кильбургер сообщает о соболином промысле почти все то, что находим и у Котошихина. Под влиянием того же сочинения, Кильбургер, по мнению Б. Г. Курца (сочинение Кильбургера, стр. 469—470), опровергает басню о том, что ссыльных в Сибири заставляют ловить соболей. Однако, у Котошихина мы находим лишь известие, что ссыльных в Сибири распределяют на государственные должности, „но ведь Котошихин не говорит, что ссыльным не приказывали убивать соболей, а так как ловля соболей была для казны большим доходом, то понятно, что сибирские власти могли заставлять ссыльных охотиться за соболями подобно тому, как теперь ссыльные производят разные казенные работы",—замечает Курц. „Таким образом, Кильбургер напрасно всецело опровергает мнение, что ссыльные занимались ловлей соболей, потому что это было вполне возможно в тех сибирских городах, в которых не было нужды в ссыльных для исполнения других государственных обязанностей". „Другие иностранцы подтверждают, что ссыльные должны добывать соболей, но эти иностранцы даже чрезмерно обобщают это явление, потому что соболи добывались главным образом туземцами и добровольными промышленниками на этого зверя, а не только ссыльными". О ловле соболей ссыльными упоминает Коллинз, Рейтенфельс (Чтения в Общ. Ист. Др. 1906, III, стр. 202); де ла Невилль („Русская старина", 1891 № 11, стр. 277) говорит общим образом, что охота за соболями производится осужденными к тому преступниками („La chasse des zibellines se fait par des criminels qu'on confine dans ce pays et qu'on y condamne, comme on fait en France, au galleres"...); в другом же месте своей книги он сообщает конкретный случай, как пять стрельцов (из числа осужденных во время расправы Петра I в Троицком монастыре) по отрезании языков, были сосланы в Сибирь для охоты за соболями „pour tuer les martes zibellines" (ср. „Русск. Вести.", 1841, IV, стр. 132, 152). Кратко о том же обычае упоминает и Гью Меж в описании посольства в Россию графа Карлейля; о том, что за корчемство били кнутом и ссылали охотиться за соболями („Knuttis caesi in Sibiriam deportantur, ubi perpetuas insidas zobellinis struere coguntur"), упоминает и И. Корб (Дневник путешествия в Московию в 1698 и 1699 гг. Перевод и примечания А. И. Малеина, СПб, 1906, стр. 213). Бернгард Таннер, побывавший в Москве в 1678 году, при описании соболей замечает: „ловлею их занимаются пленники, рабы, татары, бедные и привычные к стуже, которой, конечно, нам не вытерпеть. Они очень ловко валят их на землю стрелами, а летом пересылают живьем царю" (Чтения в Общ. Ист. Др. 1891, III, стр. 107). Сердерберг — шведский полковой священник, взятый в плен под Полтавой в 1709 году, в своих „Заметках о религии и нравах русского народа" также говорит, что „клятвопреступника наказывают кнутом и отправляют на всю жизнь в Сибирь ловить соболей" (Чтения... 1873, II, стр. 16). Иов Людольф пишет герцогу Саксонскому, со слов Лаврентия Рингубера, что в Москве распространился слух о „прежнем премьер-министре" Артамоне Сергеевиче Матвееве, будто он „в Сибири добывает себе содержание ловлей соболей, к чему он имеет тем более времени, что для него целую ночь не заходит солнце" (Relation du voyage en Russie fait en 1684 par Laurent Rinhuber. Berlin, 1883, p. 187—188); в другом месте тот же Л. Рингубер сообщает, что впадающие в немилость отправляются в Сибирь для ловли соболей: „Это—невыносимое наказание, как говорят, именно благодаря ловле соболей, отчасти потому, что оно весьма трудное и награждается только побоями, а отчасти и потому, что оно вечное, и возврата нет оттуда" (op. cit., p. 15). Довольно подробный рассказ об этом находится и у Ламартиньера, который повествует, что со своими спутниками-датчанами в 1653 г. около городка Ляпина он встретил несколько ссыльных саксонцев; их стали расспрашивать, и „один саксонец отвечал, что он сослан вел. князем охотиться на соболей, что считается в этой стране, как во Франции ссылкой на галеры; одни остаются здесь по 10 лет, другие—по 6-

иные—по 3, кто больше, а кто меньше, а затем, по миновании ссылки, они свободны... Если они не добудут того количества, которое им назначено, их жестоко наказывают плетьми из толстой и грубой кожи и бьют по всему обнаженному телу" (Ламартиньер. Путешествие в северные страны. Перев. В. Н. Семенковича, М 1911, стр. 58). „Сопоставляя эти показания иностранцев с молчанием русских памятников о ссылке для ловли соболей,—пишет Н. Д. Сергеевский (Наказание в русском праве XVII в. СПб, 1888, стр. 242—243),—нельзя, думается нам, не притти к выводу, что сообщения де-ла Невилля, Корба, Карлейля [т. е. Г. Межа], Рейтенфельса и Ламартиньера одинаково не заслуживают доверия. Слова первых четырех суть не более как общие фразы, основанные на недоразумении или на плохо понятых рассказах русских людей о Сибири. Рассказ де-ла Мартиньера есть чистая выдумка, каких мы не мало находим в повествованиях о России, сделанная с единственной целью заинтересовать читателей Иностранцы, служившие в русской службе в генеральских чинах, известны; судьба их также. Генерал, сосланный ловить соболей, очевидно, фантастический". Оставляя в стороне вопрос о достоверности приведенного рассказа Ламартиньера, я, однако, воздержался бы от такой категорической точки зрения; более осторожное мнение Курца мне кажется и более основательным.

Соболи ловятся отчасти силками...] Сл. выше: А. Бранд, стр. 39.

Никакой воевода... не смеет... продать их из страны]. Сл. выше: т. I стр. 308.

потому что они частой охотой там очень загнаны]. Сл. выше: А. Бранд стр. 40.

Отправили первое свое посольство к хану Великой Татарии в Пекин] В 1654 году из Москвы в Пекин был отправлен в качестве посла Федор Байков. „Называя это посольство первым,—замечает Б. Г. Курц (op. cit., стр. 366),—Кильбургер говорит правду и передает лишь мнение московских канцелярских кругов". Дело в том, что первые попытки завязать русско-китайские дипломатические сношения хотя и относятся к началу XVII в., но их нужно рассматривать, как приватные попытки тобольских воевод, не имевшие общегосударственного значения. Правда, Н. М. Карамзин сообщает, что само московское правительство, в лице Ивана Грозного, еще в 1567 году послало, Ивашку Петрова с Бурнашем Ялычевым разведать о китайском царстве, и что они привезли описание своего путешествия („Ист. Гос. Росс"., т. IX, прим. 648); такое путешествие действительно известно в старых русских рукописях, (И. П. Сахаров. Сказания русского народа, II, кн. 8, стр. 183—186; в более исправном списке, из хронографа первой половины XVII в., с вариантами по 4-м рукописям, „Путешествие казацких атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в Китай" напечатано у Андрея Попова: Изборник славянских и русских сочинений, внесенных хронографы русской редакции. М. 1869, стр. 430—437). Н. Карамзин, а вслед за ним и другие исследователи, например. Ю. В. Арсеньев (Путешествие Николая Спафария. СПб. 1882, стр. 17), были введены в заблуждение „составителями хронографов, которые ошибочно приписали описание путешествия Петлина, совершенное им в 1618 г., Петрову, с указанием на 1567 г." (Б. Г. Курц. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII вв. Харьков, 1929, стр. 20—22). Неизвестный автор одного донесения 2-ой половины XVI в., сообщая о мнении Иовия (основанного на рассказах Центурионе и Дм. Герасимова) о том, что до Китая можно доплыть северным морским путем, от себя говорит, что „Иван Грозный назначил большие награды для открытия этого водного пути" (сл. т. I, стр. 97). Тем не менее Б. Г. Курц полагает, что „сношения России с Китаем сделались возможными только тогда, когда эти страны вошли в тесное соприкосновение своими границами", и что „достоверных данных о попытках русских сноситься в XVI в. с Китаем мы все-таки не имеем. Только с XVII в. начинаются оффициальные сношения с Китаем. При этом первоначально наблюдается стремление завязать

сношения через соседние страны монголов, издавна сносившихся и торговавших с Китаем" (Б. Курц. Русско-китайские сношения, стр. 20). Отметим попутно, что от всех исследователей русско-китайских сношений ускользнуло любопытное, хотя и не вполне ясное свидетельство португальского авантюриста Мендеса Пинто, которое интересно поставить в связь с вышеприведенными известиями (ср. выше: т. I. стр. 97, 301 и LVIII, прим 73). Мендес Пинто (род. в 1509 или 1511 г.) отплыл в Индию вместе с флотом, которым командовал сам Васко де Гама и пробыл на дальнем юго-востоке около двадцати лет; при этом он пять раз потерпел кораблекрушение и семнадцать раз продаваем был в рабство. Можно считать доказанным, что он был первым европейцем, попавшим во внутренность Китая после открытия морской дороги в восточные моря, и одним из первых европейцев, побывавших в Японии (1542). По возвращении на родину в 1558 г., он поселился в португальском городке Pragal, где им написано было его знаменитое „Путешествие" („Peregrinação")—рассказ о необыкновенных странствованиях и приключениях. Книга эта была издана только в 1614 году, через 30 лет после смерти автора; рукопись ее безнадежно исчезла, как предполагают, уничтоженная иезуитами, вероятно опасавшимися заключавшихся в ней разоблачений относительно их миссионерской деятельности, зачастую сочетавшейся с грабежами и насилиями; известно, что рукопись путешествия находилась некоторое время в руках иезуита Люцена (биографа „просветителя" Японии Ксавье, сподвижником которого Пинто был в течение нескольких лет), затем попала к Франциску Андраде, умершему в 1614 г., в год ее выхода в свет; Андрада разделил ее на главы, озаглавил их и, повидимому, сильно проредактировал тот печатный текст, который и поныне заменяет исследователям пропавшую рукопись („Peregrinação de Fernão Mendez Pinto". Coimbra, 1614). Последующие переиздания этого текста (кроме хорошей перепечатки editio princeps, сделанной в Лиссабоне в 1829 г.) крайне неисправны, несмотря на то, что эта книга занимает видное место в истории португальской прозы; столь же неисправны и переводы „Путешествия" на европейские языки—французский, немецкий, английский, сделанные уже в первой половине XVII века. Превратившаяся, в конце концов, в своеобразный авантюрный роман, книга Пинто долгое время вызывала к себе весьма скептическое отношение исследователей; однако, критический разбор содержащихся в ней сведений позволил, в конце концов, признать, что несмотря на большое количество ошибок, темных мест, сознательных или случайных искажений, книга эта может служить также весьма интересным историческим источником (см. Donald Ferguson, Letters from Portuguese Captives in Canton, written in 1534 and 1536, „The Indian Antiquary" vol. XXX 1901; Kübb. Pinto's abenteuerliche Reise. Jena, 1866; Stephen L. Wheeler. Mendez Pinto „The Geographical Journal" 1893 vol. I № 2 p. 139—145; J. Baddeley, Russia, Mongolia, China, vol. I Lond. 1919, p. LXI—LXIV; Schurhammer. Die zeitgenossische Quellen zur Geschichte Portugesischen Asiens und Nachbarländer. Lpz. 1931). В своем „Путешествии" Пинто рассказывает что около 1544 года он видел московитов в северном Китае, в городе Tuymicao, в посольстве некоего татарского владетеля Carao (из Бухары, Крыма или Казани?).

Взятый в плен китайцами за разбой у китайских берегов, Пинто был присужден ими к тяжелым принудительным работам в провинции Шеньси, откуда его освободили монголы во время одного из набегов на Китай. В то время, как он, вместе со своими освободителями, находился в китайском городе Tuymicao (по объяснениям Baddeley—Kwei ho-chang) туда, к монгольскому владетелю, прибыли послы из различных стран: „Другой был король могорский (Mogores), государство которого находится в самом сердце страны около Coraezones (Хорасана?), области, близкой к Персии и царству Делийскому (Dely) и Хиторскому (Chitor), и государь, называемый Каран (Caran), который, как мы узнали здесь, имеет границы своего владения в горах Гонкалидана (Goncalidan), вместе с людьми, которых местные жители называют московитами (Moscovites), и несколько человек которых мы видели в этом городе (т. е. Тюймикане): они белокуры, хорошо сложены, одеты в широкие штаны, дорожные плащи с широкими рукавами

и шапки, подобно фламандцам и швейцарцам, которых мы видели в Европе, причем наиболее уважаемые из них были одеты в кафтаны, подбитые соболями и другими мехами. Все они носили большие и широкие сабли, и мы заметили, что в своем языке они употребляли и некоторые латинские слова, и что даже, зевая, они трижды повторяли: Dominus! Dominus! Dominus! Это показалось нам скорее по-язычески, чем по-христиански; что же еще хуже было в них—это содомский грех, которому они очень были подвержены". Свидетельство Пинто стоит совершенно особняком и заслуживает специального разбора. Отмечу только, что Albrecht Wirth (Geschichte Asiens und Osteuropa, Halle, 1905, S. 425—426), комментируя мемуары Пинто, полагает, что называемый им в другом месте русский посол к монгольскому хану, поименн Leyxigau, есть никто иной как „Ялычей", но что „все, что рассказано о неслыханном великолепии посольства, по аналогии с описаниями других русских посольств, можно считать просто басней"; по мнению того же Вирта, Пинто был также на Сахалине, и в его названии Gangtiana „можно видеть нынешнее Engyt" (Энгис-пал?), а также на Амуре, причем под „Gigaulios" имеются в виду гиляки; в Китае же он слышал о многих восточно-сибирских реках, о большом озере Moscombia и горах области „Alimania"; в этих свидетельствах нужно видеть запись китайских известий о Московии, превращенной в озеро, и немецких землях.

„Московия" еще раз названа у Пинто по другому поводу; согласившись совершить путешествия из Tuymicao в компании с посольством „татарского короля" к „королю Кохинхины", он поехал вниз по течению некой реки (J. Baddeley, op. cit. p. XIV, несмотря на очевидные искажения и ошибки в этом рассказе, все же находят его правдоподобным), и на третий день достиг небольшого городка Puxanguium (J. Baddeley сближает его с Pulisanghin Марко Поло или Pulisangu на карте Гвастальдо: „Tertia Pars Asiae", 1561), где внимание его обратили башни и зубчатые стены, широкие рвы, каменные мосты и в особенности орудия особой конструкции, сделанные из дерева и напоминающие насосы. „Когда я спросил у посланников, кто изобрел этот способ стрельбы? Они отвечали нам—люди, называемые Alimanis из страны, называемой Muscoo, прибывшие сюда через озеро соленой воды, очень глубокое и обширное, на 9-ти весельной лодке, в обществе женщины-вдовы, владетельницы местности, называемой Guaytor, которую, как говорили, король датский изгнал из ее страны". К этому прибавлено известие, что „прадед нынешнего татарского короля", женил ее трех сыновей на своих родственницах, и что от них именно произошли главные знатные фамилии этого государства".

Все загадочно в этом рассказе. У St. Wheeler (Geogr. Journal, 1893, I, p. 143—144) находим указание на „Историю Китая" Мендозы, напечатанную в 1585 г., где сказано, что артиллерия в Китае введена была одним немцем (Almaine) ок. 1330 года, в действительности, из китайских источников известно, что огромные самострелы (вроде аркбаллистов Зап. Европы) употреблялись там с незапамятных времен; Иакинф говорит и о древних „отбойных" машинах, типа катапульт, а Леконт и Фома Агвирский упоминают даже, что огнестрельное оружие изобретено в Китае ок. 80 г. н. э. С другой стороны, хорошо известно, что первые образцы огнестрельных орудий ввезены были в Россию уже в XV в. и что первые мастера пушечного дела в Московии были „немцы" (ср. Н. Е. Бранденбург. Исторический каталог С.-Петербургского Артиллерийского музея, ч. 1, СПб. 1877, стр. 47, 57—58, 21, 22, 26—27). Приезд в Китай „alimanis" из страны „Muscoo" сам по себе не представляет ничего поражающего. Это давало некоторым исследователям право заключить, что под именем „московитов" в Тюймикане Пинто также описал немцев.

Как ни интересно приведенное известие Пинто, но оно настолько неясно, что решительно не позволяет говорить о частом посещении русскими северного Китая, даже вместе с средне-азиатскими посольствами, хотя для XVI века, повидимому, можно говорить уже и не только о посреднической торговле русских с Китаем, несмотря на то, что она должна была, конечно, носить случайный характер. Как бы там ни было, первые попытки завязать дипломатические сношения с Китаем

о которых мы имеем достоверные известия, относятся только к началу XVII века. В 1616 году В. Тюменец и Ив. Петров из Томска пошли проведывать Китайское царство, но дошли только до страны царя Алтына, где получили интересующие их сведения, и в 1617 году, в Москве, куда они прибыли с послами Алтына, их показания были записаны в Посольском приказе. В 1618 г. русские послы, бывшие в Швеции, воспользовались этими показаниями и преувеличенно заявили, что русские уже дошли до самого Китая (К. Якубов. Россия и Швеция, „Чтения в Общ. Ист. Др." 1897, III, стр. 47—48: „и ныне великого государя нашего люди и до того великого государства дошли, а в том Китайском государстве царь, а имя ему Тайсынь, а город Китай стоит на морской губе, а около него конем добрым езду 10 дней, опричь его уезду и земли Китайской" и т. д. Ср. выше: т. I, стр. 279). Это заявление, однако, не соответствовало истине, так как только в сентябре этого же 1618 года посол, толмач Ив. Петлин, впервые достиг Пекина, и вернулся в Москву через год (Ф. И. Покровский. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ив. Петлина в 1618 г. „Известия Отд. Р. Яз. и Словесн. Ак. Наук", 1913, кн. 4); Б. Курц. (Сочинение Кильбургера, стр. 365—366) замечает по этому поводу: „Посольство Петлина было отправлено не самим московским правительством и не из Москвы, а по замыслу Тобольского воеводы и именно из Томска. Поэтому то, как необходимо думать, московские приказы не считали этого посольства официальным и началом посольских сношений с Китаем. Но когда в самой Москве возникла мысль о посылке такого посольства в Пекин, и отсюда был отправлен послом дворянин Ф. Байков, снабженный полномочиями центральным московским правительством, то московское правительство стало смотреть на это посольство, как на первое. Это видно из грамоты, которую Байков должен был вручить богдыхану, а также из наказа, где ему предписывалось сказать богдыхану, что „учинилась ныне ссылка [посольство] первая, а наперед сего... ссылок николи не бывало" (наказ Байкову и другие документы, связанные с его посольством, см. у П. Иванова: „Описание Государственного Разрядного Архива". М. 1842, стр. 387—429). „Цель этого посольства была, как видно из сохранившихся документов, завязать торговые сношения с Китаем. Посол должен был собрать сведения о товарах и торговле Китая и пригласить китайских купцов ездить в Россию беспошлинно торговать. Хотя это посольство не имело полного успеха, но дальнейшие настойчивые попытки русских установить прочные торговые связи с Китаем и отыскать туда самый удобный путь, привели еще в XVII в. к большому развитию русско-китайской торговли" (Курц, op. cit., стр. 367). Эта торговля вполне окрепла и стала быстро развиваться только после Нерчинского договора 1689 г. Ср. Н. Бантыш-Каменский. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским Государствами. Казань, 1901; Х. Трусевич. Посольские и торговые сношения России с Китаем. М. 1882; G. Cahen Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand. Paris. 1912; Б. Г. Курц. Русско-китайские сношения в XVI и XVIII вв. Харьков, 1929; его же, Из истории торговых сношений России с Китаем в XVII ст.—„Новый Восток" 1928 № 23—24; его же, Колониальная политика России и Китая в XVII—XVIII вв. „Новый Восток" 1927 № 10; его же, Як повстала державна караванна торговля Росії з Китаєм у XVII віці, Київ, 1929; его же. Государственная монополия в торговле России с Китаем в первой половине XVIII ст. Киев 1929; (оттиск из „Наук. Зап. Київського Інституту Нар. Господарства", т. IX); J. Baddeley. Russia, Mongolia, China. Lond. 1919.

Пекин (*по-русски Камбалык*). сл. выше: т. I, стр. 135

как видно ниже]. Во введении к настоящему тексту указано, что Кильбургер в заключение 5-й части своего сочинения поместил „Извлечение" из описания путешествия Ф. Байкова в переводе на немецкий язык. Интересно отметить, что это путешествие напечатано было в Европе задолго до того, как оно увидело свет в России. Полностью оно было напечатано у нас впервые Н. И. Новиковым в „Древней Российской Вивлиофике", ч. IV, между тем как в немецком переводе оно появилось уже в 1699 г., за которым вскоре же последовали и другие

издания: голландские, французские и английские (сл. К у р ц. Сочинение Кильбургера, стр. 203 - 205). О посольстве Байкова (впрочем не называя его имени) рассказывает еще J. B. T a v e r n i e r. Les six voyages. Paris, 1692, III, 472—473.

установилась в сибирском городе Тобольске... торговля]. Следует сказать, что в половине XVII века китайцы не сами привозили свои товары в Тобольск, но чаще всего пользовались в качестве посредников средне-азиатскими купцами, преимущественно бухарцами (А. В. П а н к о в. К истории торговли средней Азии с Россией в XVI—XVII вв.—„В. В. Бартольду —Туркестанские друзья ученики и почитатели. Ташкент, 1927, стр. 20, 33—34; С. В. Б а х р у ш и н. Торги гостя Никитина в Сибири и Китае. Труды Института Истории, I, М. 1926. стр. 375). В самом Тобольске, да и в других сибирских городах, китайских товаров тогда было еще немного. Так, например, в енисейской товарной ценовой росписи 157 г. (1619) упоминаются „китайские и бухарские всякие локотные товары": бархаты, атласы, камки, китайки, выбойки, дабы и пр. (Н. О г л о б л и н. Обозрение столбцев и книг сибирского приказа, ч. II, М. 1898, стр. 121, ч. I, М. 1895, стр. 169—170). В то же время среди товаров г. Томска „китайка" находилась наряду с бухарскими, калмыцкими, английскими и иными иностранными товарами (Г. П о т а н и н. Привоз и вывоз товаров г. Томска в половине XVII в. Вестник И. Р. Географ. Общ., т. XXVII, отд. II), но это был, по словам Курца (Русско-китайские сношения, стр. 10—11), „результат посреднической торговли", причем „размеры ее были настолько незначительны, что, например, в 1652 г. в Томск было привезено всего 20 аршин, а в следующем году 7 кусков (56—63 аршина)". В последующие годы эта торговля заметно росла, притом, как указывает Кильбургер, именно в Тобольске.

Китайские купцы привозят]. Перечисляемые Кильбургером предметы русско-китайской торговли соответствуют действительности. По словам Перри (1698—1715), из Китая шла шелковая камка, „китайка"—„особого рода льняная ткань, с примесью бумаги разных цветов", а также небольшое количество жемчуга и слитки золота; китайку русские женщины употребляли на одежду (Чтения в Общ. Ист. Др. 1871, II, стр. 52). В „Описании Сибирского Царства" также говорится, что в Китае покупали: „золото, серебро всякое, дорогое камение, камки, китайки, коралки белые и мускус, ревень, чай-траву, табак" (А. Т и т о в. Сибирь в XVII веке, М. 1890, стр. 78). Юрий Крижанич упоминает, что бухарцы привозят из Китая в Тобольск—„хлопок, хлопчато-бумажные ткани, которые московитяне называют „китайками", драгоценные камни (А. Т и т о в, op. cit. стр. 186—188). О „лалах", яхонтах и других драгоценных камнях см. К у р ц, Сочинение Кильбургера, стр. 367—368; о хинном корне (Radix Chinae) там же, стр. 326; бобровая струя, по объяснению „Торговой книги" „пригожается немцам на краски к сукнам". „мускус"—вещество, получаемое из зверя, называемого „кабарга" или „мускусный зверь", которого Кильбургер называет „Кабардин" (К у р ц. стр. 99), (латинское название его C a p r a I n d i c a), замечая при этом: „с некоторого времени сибирские купцы каждую зиму привозят в Москву несколько целых, с головой и ногами шкур, которые имеют в пупе свой мускус; там (в Москве) они покупаются иностранцами по 1½ рубля и отсылаются как редкость" (К у р ц, стр. 99, 286).

чай, бадьян, о чем упоминается выше]. Во второй главе 1-ой части сочинения Кильбургера действительно говорится о вывозе из Китая в Россию чая и бадьяна (К у р ц. стр. 310—311).

водный путь из реки Оби в Хину и Ост-Индию]. Вероятно, отголосок старого ошибочного представления о том, что Обь вытекает из „Китайского озера" (сл. выше, т. I, стр. 106—107).

XI. НИКОЛАЙ ВИТСЕН | NICOLAAS CORNELISZ WITSEN

(1674)

В конце XVII века в Европе с новой силой возродился интерес к северо-восточному морскому пути в Китай и Восточную Индию мимо северных берегов Сибири, оставленному на долгое время после неудач английских и голландских экспедиций XVI века (см. т. I, стр. 162 сл., 168—179). Это стояло в связи с колониальной экспансией Англии и Нидерландов, с настоятельными запросами рынков этих государств; поводом же для возобновления этого интереса послужили новые географические данные о северных берегах Сибири, оказавшиеся в распоряжении европейцев. Хотя ко времени Алексея Михайловича относится составление любопытной записки „Описание чего ради невозможно от Архангельского города морем проходить в Китайское государство и оттуда к восточной Индии" (напечатана С. А. Белокуровым в Чт. в Общ. Ист. и Др., 1893, IV, стр. 13 и сл.), но сведения, доходившие об этом в Европу, были совершенно иного порядка: Интересно, что в 1674 году саксонский дипломат Лаврентий Рингубер предлагал русскому правительству обследовать речные системы северной Сибири для установления удобного морского сообщения с Китаем, и что в том же году русский посол в Саксонии С. М. Протопопов вывез из г. Готы—„латинскую тетрадь, в которой предлагалось царю снарядить экспедицию для северо-восточного прохода" (P. Pierling, Saxe et Moscou. Un médecin diplomate L. Rinhuber de Reinufer. Paris 1893, p. 43 4; Relation du voyage en Russie fait en 1684 par Laurent Rinhuber. Berlin, 1883, p. 91, 132, 140; сл. ниже: Невилль). Около того же времени в западноевропейской печати опубликованы были некоторые новые данные по этому вопросу, послужившие, однако, причиной ошибки, довольно долго державшейся в литературе и картографии.

В начале 1674 года в „Отчетах" Лондонского Королевского общества („Philosophical Transactions". vol. IX for the year 1674, № 101, p. 3—4) напечатана была любопытная заметка о Новой Земле и о морских путях к Оби и далее на восток, присланная из Голландии. Анонимный автор этой заметки сообщил, что он получил

в Амстердаме письмо из Москвы от некоего тамошнего художника Panclapoetzki, с приложением карты Новой Земли, вычерченной по царскому указу; данные этой карты показались ему настолько интересными, что он нашел нужным сообщить их в Лондон одному из своих ученых друзей. Автор заметки, напечатанной в лондонских „Отчетах", давно раскрыт: это никто иной, как Николай Витсен (1641—1717), знаменитый впоследствии автор „Северной и Восточной Татарии" (1692).

Амстердамский бургмистер Николай Корнелисзон Витсен принадлежит к числу весьма заслуженных государственных деятелей нидерландской республики 2-ой половины XVII в. Еще в молодости своей, чувствуя большой интерес к землеведению и, особенно, сильно интересуясь малоизвестными странами севера и востока, Витсен, по его личной просьбе, был прикомандирован к свите нидерландского посланника Якова Бореля и отправился с ним летом 1664 года в Москву, откуда вернулся на родину через год (летом 1665 г.). Из автобиографии Витсена, напечатанной у P. Scheltema (Aemstels oudheid, Amsterdam, 1872, стр. 41—60), видно, что он сделал подробное описание своего путешествия в Россию. Судьба этой рукописи долго оставалась неизвестной. Так, еще В. Кордт (Отчет о занятиях в голландских архивах летом 1893 года, Изв. Ак. Наук, 1895 июнь, т. III, № 1, стр. 114—115) писал, что „записки Витсена о пребывании его в России безвозвратно потеряны"; напротив, А. М. Ловягин в статье „Николай Витсен из Амстердама у патриарха Никона" („Истор. Вестник" 1899, т. 77, сентябрь, стр. 874—879) указал, что записки эти хранятся среди голландских рукописей XVII века в Парижской Национальной Библиотеке, и что краткий отчет о них дал Kluyver в статье „Over het verbligt van Nicolaas Witsen te Moscou" в „Verslagen en Mededeelingen der Koniklijke Akademie von Wetenschapen, Letterkunde III reeks, XI (и отдельный оттиск Amsterdam, 1894); однако, насколько мне известно, полностью эти записки не изданы и доныне. В силу этого, о пребывании Витсена в России долгое время распространены были самые неточные сведения. Так, Схелтема (Rusland en de Nederlanden. I, 280) сообщил о том, что Витсен, якобы, прожил в России около трех лет (из этого источника известие это попало и в русскую литературу, например, А. Н. Пыпин, История русской этнографии, т. IV, стр. 213; ранее в его статье „Сибирь и исследования ее". Вестник Европы 1888, март, стр. 703 и апрель, стр. 195—237; совершенно устарела также статья Клеванова: „Известие о жизни и трудах Николая Витсена", „Временник М. Общ. Ист. и Древн." II, стр. 13—16). Высказывались и другие предположения: считали, например, вероятным, что Витсен не ограничился пребыванием в столице московского государства и совершил путешествие к берегам Ледовитого Океана, к Каспийскому морю, что он ездил по Волге и побывал в Казани (см. например, П. Х. „Древнейшие виды Казанского Кремля". Изв. Общества Археологии,

Истории и Этнографии Казанск. Университета, 1906, т. XXII, вып. 2, стр. 146—148. Ср. Н. Ф. Катанов. „Голландский путешественник Ник. Витсен и труды его о России и Азии", там же. 1901, т. XVII, вып. 4, стр. 248—249 и прилож. к проток. общ. собрания 18 дек. 1906 г.). Все эти предположения основаны были на том, что в 1664 г., будучи еще очень молодым (ему было тогда 23 года), Витсен за короткий срок не мог собрать тот огромный материал, который впоследствии составил его книгу о „Северной и Восточной Татарии". В автобиографической записке своей Витсен рассказывает, что, будучи в Москве, он пользовался расположением и дружбою патриарха Никона, что он видел в Москве разноплеменные народы северных и восточных областей московского государства,— самоедов, татар и персиян, что он собирал разные данные для составления карты Сибири, чертил виды разных городов и т. д. Однако, в течение одного года (1664—1665) все же трудно было собрать все те данные, обработкой которых Витсен занят был до 1692 года. Голландский биограф Витсена Гебхард (Gebhard. Het leven von Mr. Nicolaus Cornelius Witsen, vol. I—II. Utrecht, 1881 — 1882) отверг все гипотезы относительно вторичного приезда Витсена в Россию и путешествий его по окраинам русского государства и полагал, что Витсен побывал только в Москве, притом только в 1664—65 гг. „Витсен нигде не говорит о поездках к окраинам... а употребляет только выражения „als ik in Moscow was". Говоря о Каспийском море, он никогда не заявляет, что сам посетил эти места, а постоянно ссылается на отзывы других лиц". Столь же отрицательным оказывается результат исследования Гебгарда о поездке Витсена к берегам Ледовитого океана (Gebhard, I, 418). В своей рецензии на книгу Гебхарда А. Брикнер писал: „Трудно составить себе точное и полное понятие о тех источниках, которыми пользовался Витсен во время своего пребывания в Москве, при собирании данных о России и Азии. Нет сомнения в том, что близкое знакомство с патриархом Никоном могло быть для Витсена весьма полезно при достижении его научных целей. Широкое образование Никона и обширные его связи могли доставить Витсену значительные выгоды. Далее, он сам указывает на свое знакомство с представителями разных народов, находившихся в Москве. Расспрашивая самоедов, татар и пр. о состоянии их родины, о нравах и обычаях народов, обитавших на севере и востоке, и тщательно записывая их рассказы о географии и этнографии разных стран, он мог оказать науке существенную услугу. Далее, мы знаем, что Витсен находился в сношениях с разными лицами, проживавшими в России и отличавшимися замечательными сведениями; таковы были, например, резидент Генеральных Штатов Келлер, далее, известный промышленник, администратор и дипломат Виниус и пр. При таких связях человеку, многосторонне образованному, преданному науке, легко было собрать богатый материал для изучения

северных и восточных стран, мало известных современникам Витсена" (ЖМНПр. 1883, № 4, стр. 322—323). Последующие исследования установили, что у Витсена по возвращении в Голландию было много русских корреспондентов. Еще, по свидетельству Миллера (Samml. Russ. Gesch., Bd. I, S. 202), Витсену, при собирании сведений о Сибири, особенно много помогал думный дьяк Андрей Андреевич Виниус, о котором он, однако, не упоминает (от Виниуса Витсен получал, несомненно, и картографические и иллюстративные материалы; ср. М. В. Доброклонский. Книга Виниуса, Памятник русского собирательства XVII—XVIII в. Изв. Ак. Наук 1929, № 3 стр. 215—230); использовал Витсен также сочинение Юрия Крижанича о Сибири (см. С. А. Белокуров. Юрий Крижанич в России, М. 1902, стр. 7—8 и приложение II-ое „Известия Крижанича о Сибири у Витсена", стр. 19—27). В 50-х гг. Спасский („Сведения о реке Амуре в XVII ст." Вестник И. Р. Географ. Общ., т. VII, 1853, отд. II, стр. 17 сл.) издал найденное им в собрании рукописей XVII в. „Сказание о великой реке Амуре, которая разгранила русское селение с Китайцы", очевидно, составленное еще до Нерчинского трактата 1689 г., в котором надо признать один из русских источников, которыми пользовался Витсен, т. к. сообщенные в нем сведения повторяются у Витсена в дословном переводе (А. Шренк. Об инородцах Амурского края. т. I, стр. 99 прим.). Кроме того, мы знаем, что от „некоего господина, проживавшего в Архангельске", Витсен получил „описание самоедов Новой Земли", из Соликамска — сведения о путях из Сибири, из Тобольска — сообщение „относительно русского христианства в Китае", целый ряд материалов из Селенгинска, Мангазеи и т. д. (см. А. А. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII ст. М. 1928, стр. 181 и т. I настоящей книги, стр. XLVII—XLVIII, 361—362). К числу корреспондентов Витсена следует причислить и того „московского живописца", на которого он ссылается в своей статье 1674 года в „Сообщениях Лондонского Королевского Общества".

Что касается принадлежности этой анонимной статьи Н. Витсену, то в этом не может быть никаких сомнений, так как сам Витсен два раза заявил о своем авторстве в письмах к Р. Соутвелю (R. Soutwell) 1691 г. и Х. Кюперу 1715 г., напечатанных у Гебхарда (II, 252 и 442), напрасно только В. А. Кордт полагает, будто остается неясным, кому было послано это письмо: непосредственно ли редактору „Отчетов" Генриху Ольденбургу или Исааку Фоссиусу, который и устроил их напечатание; Витсен послал свою заметку непосредственно к Г. Ольденбургу, что видно из заметки редакции журнала, притом, вероятно, в первые месяцы 1674 г., по английскому же календарю того времени—в 1673 г. (год начинался тогда в Англии первого марта). см. В. А. Кордт. Материалы для истории русской картографии, вторая серия, вып. I, Киев, 1906 г., стр. 22—23; H. Michow. Weitere Beiträge zur älteren Karto-

graphie Russlands —„Mitteilungen d. Geogr. Gesellsch. in Hamburg" XXII, 1907, S. 157—159). Относительно же „московского живописца", который сообщил Витсену карту Новой Земли и Вайгача, я уже представил в другом месте доказательства того, что этим лицом не мог быть никто иной, кроме придворного живописца царя Алексея Михайловича, Станислава Антоновича Лопуцкого, зачисленного на службу в 1656 г. и прослужившего в этой должности до своей смерти, в октябре 1669 г. (см. мою статью: „Один из русских корреспондентов Ник. Витсена. К истории поисков морского пути в Китай и Индию в XVII веке" в сборнике: „Сергею Федоровичу Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности" Изд. Ак Наук. СССР. Лгр. 1934, стр. 51—60).

Витсен пишет, что Лопуцкий недавно послал ему карту из Москвы (sent it me from Mosco for a present), и, с его слов, называет эту карту: „a new Mapp of Nova Zembla and Weigats, as it hath been discover'd by the express order of the Czar". Но так как Лопуцкий умер в октябре 1669 года, то карта, которую он имеет в виду, есть, конечно, ни что иное, как „Чертеж Сибирския земли", изготовленный „по указу царя Алексея Михайловича" стольником и воеводою Тобольским Петром Ивановичем Годуновым в 176 (1667 г.), о котором С. Ремезов в своем атласе говорит: „се первое чертежное описание Сибири от древних жителей, и сему чертеж учиниша и печати предаша, и по сему отчасти Сибирь означися". Эта первая дошедшая до нас русская карта, как известно, долгое время была знакома исследователям лишь в иностранных копиях—шведских и немецкой (Класа Иогансена Прютца, Фрица Кронемана, Эрика Пальмквиста и Г. А. Шлейсинга); лишь в 1914 году Л. С. Багрову удалось разыскать русскую копию ее в одном из четырех вариантов рукописного атласа С. Ремезова (см. Л. С. Багров. Карты Азиатской России. Историч. заметки. Пгр, 1914., стр. 10—12; Л. С. Берг. Очерк русской географической науки. Л., 1929, стр. 22. Подробно литература об этой карте указана в атласе В. А. Кордта „Материалы по истории русской картографии", вторая серия, вып. I. Киев, 1906; ср. И. И. Лаппо. Отзыв о труде Кордта, Юрьев. 1908, стр. 15; А. Титов. Сибирь в XVII веке, стр. 23—38). Ни один экземпляр подлинника, хотя он и был напечатан, до нас не дошел. Изучая эту единственную дошедшую до нас русскую копию Годуновского „Чертежа" и сопоставляя ее с иностранными копиями, мы неизбежно придем к заключению, что Лопуцкий сообщил Витсену деталь именно этой карты. Легенда карты для всей своей северной части (изображенной внизу) очень скудна и полна ошибок. Название „Новая Земля" написано на северном берегу материка, и это, действительно, дает повод сделать заключение, что она примыкает к нему в виде полуострова. Виною тому является не столько графическая беспомощность художника, чертившего эту карту, сколько совершенно специальные цели, ради которых она была выполнена:

„чертеж" изготовлялся „для высмотра" стольника и воеводы, какие крепости и где поставить, притом, за „свидетельством всяких чинов людей", которые опрашивались в „сибирских во всех городах и острогах"; поэтому главное внимание обращено было не на изображение морских берегов Сибири, которые означены здесь более чем приблизительно, а на центральные части страны и на ее восточные и юго-восточные пограничные области. Правда, на карте, опубликованной Витсеном, Новая Земля изображена подробнее, чем на Годуновском чертеже. Значит ли это, что Лопуцкий копировал для Витсена более полную карту, чем ту, с какой свою копию снял Ремезов? В этом можно усумниться. Напротив, у нас есть возможность предполагать, что Витсен внес самостоятельные исправления в чертеж, сообщенный ему из Москвы, так как в своей лондонской корреспонденции он комментирует карту при помощи сообщений „татар" и „самоедов", какие едва ли ему мог доставить московский живописец. Витсен же в это время уже собирал материал для своего замечательного труда. Как известно, Витсен посетил Москву в 1664 г., то есть в то время, когда Лопуцкий уже занимал должность придворного живописца. Повидимому, тогда же состоялось и их знакомство. Весьма вероятно, что уже в то время Лопуцкий мог сообщить Витсену кое-какие картографические материалы, имея доступ к ним и по должности и по характеру своей деятельности. Строить предположения о количестве и качестве материалов, переданных Лопуцким Витсену, пока преждевременно, хотя нет ничего невероятного в том, что роль Лопуцкого, как корреспондента Витсена и его информатора, не ограничилась посылкой ему карты Новой Земли; ведь мог же он через несколько лет, по отъезде Витсена из России, посылать ему в Амстердам такие материалы, которыми русское правительство неохотно делилось с иноземцами! Естественно, в то же время, что Витсен должен был дорожить своим знакомством с Лопуцким, как с очень полезным для себя человеком. Деталь Годуновского чертежа Лопуцкий мог послать Витсену не ранее зимы 1668 г. (когда он должен был быть получен в Москве) и не позже сентября 1669 г.; Витсен же получил его, видимо, не очень скоро, так как его письмо в Лондон было отправлено в самом конце 1673 г. или начале 1674 г.

Момент, в который заметка Витсена была напечатана в Лондоне, чрезвычайно способствовал ее быстрому распространению среди читателей. Около того же времени и в Англии вновь принялись было за решение вековой проблемы.

В 1676 г. опытный английский моряк Джон Вуд (John Wood), незадолго перед тем совершивший с капитаном Narborough путешествие в Чили, решил испытать счастье, путешествуя в северных морях, и подал королю Карлу II и герцогу Иоркскому (впоследствии Якову II) докладную записку о желательности снаряжения

специальной экспедиции к берегам Новой Земли — „for the discovery of a passage to the East Indies by the North East, sayling about Nova Zembla and Tartary and so to Japan". Свой план капитан Вуд основывал на известиях голландских моряков, Баренца и К. Рипа, и на собственных догадках, на которые его натолкнули самостоятельные изыскания. Проект Вуда был принят и вскоре под его начальство отдан был специально снаряженный для продолжительного полярного плавания фрегат „Преуспевающий" („Speedwell"), которому герцог Иоркский, в компании с другими английскими лордами, прибавил небольшое судно „Prosperous" под командой W. Flawes'a; оно также должно было отправиться в экспедицию, сопровождая фрегат Вуда (James Burney, A chronological history of north—eastern voyages of discovery and to the early eastern navigations of the Russians. Lond., 1819, p. 78. История экспедиции Wood'a и Flawes'a. Ibid., p. 80—83.

Ср. М. С. Боднарский. Великий северный морской путь. М., 1926, стр. 43—46; ср. Ф. Д. Студитский. Участвовали ли русские в открытии прямого пути из Европы по Северному океану в устья сибирских рек и в Японию? (Тр. С. Петерб. отд. О-ва для содействия русскому торговому мореходству 1879 года. СПб., 1880, стр. 397). 16 мая 1676 г. корабли вышли из Темзы. Достигнув Новой Земли в конце июня месяца, корабли натолкнулись на сплошной лед. 29 июня „Speedwell" попал на подводный камень и разбился: команда фрегата едва спаслась и то лишь благодаря помощи с „Prosperous'a", которая подоспела только через 10 дней. Потерпев неудачу, Джон Вуд вернулся в Англию, окончательно потеряв надежду на открытие искомого пути.

Известие об этой экспедиции мы находим в изданной книгопродавцами Samuell Smith и Benjamin Wolford книге: „Рассказ о различных последних путешествиях и открытиях на юге и севере" (Account of several late voyages and discoveries to the South and North. By Sir John Narborough, c apitain Jasmen Tasman, capitain John Wood, and Frederick Marten of Hamburgh. London 1694. Другие издания названы в указателе: J. Chavanne, A. Covrpf, Sr. Monnier. Die Literatur über die Polar regionen der Erde. Wien, 1872: среди них значится и издание London 1674, едва ли существующее. Выдержку из дневника Вуда см. еще у D. Barrington. The possibility of approaching the North—Pole asserted, 2 ed., Lond. 1818, p. 34 sg; M. T Heuglin. Reisen nach dem Nordpolarmeer. Braunschweig, 1873. II S. 183—184; A. Nordenskiöld. Umsegelung Asien und Europas auf der Vega, Lpz. 1882. Bd I. S. 231—238). Интересующее нас путешествие изложено здесь капитаном Джоном Вудом (p. 143—154) и носит следующее заглавие: „Известие о путешествии для открытия северо-восточного прохода в Японию и Китай, предпринятое на кораблях его величества „Преуспевающий" („The Speedwell") и „Благоприятный" („Prosperous") в 1676 году": к этому приложен также веденный кап. Вудом судовой журнал (от 28 мая по 23. августа 1676 г., p. 155—169). Из обоих статей мы узнаем, что кап. Джон Вуд решил еще раз

попытать счастья в открытии северо-восточного прохода, к чему побудило его, по его словам, 1) мнение В. Баренца; 2) указанная заметка, напечатанная в „Отчетах" Лондонского общества, в которой, на основании письма из Москвы, утверждалось, что Новая Земля не остров, но что она прилегает к материку, и что на север от нее находится открытое море. Только на месте Вуд должен был удостовериться, что известие это ошибочно; впрочем, уезжая обратно, после тяжелых и бесплодных трудов, он безнадежно замечал: „доказательство, что Новая Земля или остров или составляет часть татарского материка, является тяжелым трудом, на который, конечно, едва ли кто-либо отважится" (p. 193). Дневник путешествия, равно как напечатанное ниже известие спутника Дж. Вуда, кап. Флоуэса (Flawes p. 171—183), представляют известный интерес; однако, мы не помещаем отрывков из них, т. к. здесь ничего не говорится о Сибири. Зато мы приводим ниже, в русском переводе, указанную заметку Витсена из „Отчетов" Лондонского общества. Заметка эта перепечатана в английском подлиннике в статье H. Michow'a (Weitere Beiträge, S. 158—159); ранее она была перепечатана в издании С. де Фриса: Noordsche wereld, Amst. 1685, p. 138—139, в немецком же переводе в книге P. Капеля: R.Capel. Norden, oder zu Wasser und Lande im Eise und Schnee mit Verlust Blutes und Gutes zu Wege gebrachte und fleissig beschriebene Erfahrung und Vorstellung des Norden etc., Hamburg 1678. S. IV—V отдельной пагинации приложения: Ein kurzer Discours von der Schiffahrt bei dem Nord—Pol nach Japan, China, und so weiter; (об этой книге см. выше: т. 1, стр. 241); указаний на вызванное статьей Витсена—Лопуцкого путешествие кап. Вуда ни у Фриса ни у Капеля, естественно, нет, т. к. его дневники были опубликованы лишь значительно позже; нет их, однако, и у Михова. Что статья Витсена пользовалась большой популярностью, видно из того, что на нее ссылались не только географы, но она послужила даже основой для исправления европейских карт Азии. В. А. Кордт и H. Michow указывают, что на ряде европейских карт 70-х—80-х годов XVII в. Новая Земля изображена в виде большого полуострова, примыкающего к азиатскому материку: такое изображение мы видим, например, на карте „Tartaria" в маленьком атласе Joh. Janson'a (Amsterdam, 1676), далее, на картах Cantelli („La Gran Tartaria divisa nelle sue parti principale da Giacomo Cantelli da Vignola. 168) Ф. Клювера „Tartaria sive Magni Chami Imperium", в Phil. Cluver's „Introducto in Universam geographicam". (Amsterdam, 1683) и т. д. Не может быть никакого сомнения в том, что источником этого ошибочного представления действительно является именно указанная корреспонденция Витсена.

Попытки отыскать северо-восточный проход, как известно, на этом не прекратились. Так, например, в 1732 г. англичанин Джон Элтон, служивший в России при Оренбургской экспедиции морским капитаном, подал русскому правительству проект „об изыскании корабельного ходу от Архангельского города около Новой

Земли в Японию, Китай, Индию, Америку", в которой доказывал, что „имеется море, которое ведет от Архангельского города до Япона, Китая, Индеи и Америки и до прочих, которым на кораблях ходить можно и с успехом: что вероятнее есть, от Европы дойти до самых норд-остовых берегов России и Татарии, с вящим успехом и меньшими проторьми водою, нежели сухим путем; что сие может учинено быть, что никоторая морская держава о том не сведает..., что можно способнее коммерцию в Япон, Китай, Индию и Америку и в прочия отправлять из Архангельского городу, нежели из другого какого порта Балтического моря и с меньшею опасностью и препятствием" (В. Н. Александренко. Реляции кн. Кантемира из Лондона, 1732—1733. М. 1892, стр. 62; П. А. Остроухов. Англо-русский торговый договор 1734 г. Труды студентов экономич. отд. С. Петерб. Политехнич. Института № 13, СПб. 1914, прилож. IV, стр. 203—204); еще в сентябре в 1763 г. Ломоносов подал свою известную записку: „Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию", которые были причиной двух русских неудачных экспедиций 1765 -1766 гг. (В. Н. Меншуткин. М. В. Ломоносов. СПб. 1911, изд. 2-е; И. А. Тихомиров. Деятельность М. В. Ломоносова в области географии России. Ж.М.Н. Пр., 1915, № 4, стр. 264—281). Как известно, задача разрешена была впервые лишь в 1878 г. экспедицией А. Э. Норденшильда.

Письмо и карта, недавно присланные издателю следующим человеком из Амстердама и содержащие правдивое описание Новой Земли, с указанием, как можно воспользоваться ее формой (Shape) и местоположением.

Сэр.

Настоящим посылаю Вам, полученную мною из Москвы, новую карту Новой Земли и Вайгача (Weygats); последняя выполнена по точному приказу великого князя и была срисована живописцем по имени Лопуцкий (Panclapoetzki), который любезно препроводил ее мне. Из нее вы усмотрите, что Новая Земля вовсе не остров, как полагали доныне, и что Ледовитое море вовсе не море, но только морской залив, имеющий пресную воду, о чем в качестве достоверного известия сообщили нам также татары, которые пробовали воду в самой середине этого залива. Самоеды также как и татары согласно утверждают, что проехав на большое расстояние по ту сторону Новой Земли можно было бы доплыть до самой Японии. Большая ошибка англичан и голландцев заключалась, именно, в том, что они хотели достигнуть Японии мимо южных берегов Новой Земли, обычно проходя Вайгачским проливом. Буква О, поставлен-

ная на чертеже, на большой реке Оби, указывает на местонахождение водопада. Буква K показывает, в каком месте Новая Земля прилегает к материку. Река, обозначенная буквой L, течет в направлении Хины (China) и называется Китайя (Kitaie), но судоходна не на всем своем протяжении, благодаря скалам и другим препятствиям (incoveniences), которые мешают плаванию по ней. Через Вайгач тоже очень трудно проходить, благодаря большому количеству льда, который беспрерывно посылает впадающая туда большая река Обь (Oby), загромождая узкий проход. Самоеды каждогодно отправляются в указанные пресные воды на рыбную ловлю; это делают они у берегов Новой Земли. При сем прилагается карта, на которой можно найти изображение всех расположенных у северного полюса земель.

XLI. БАЛЬТАЗАР КОЙЭТ | BALTHASAR COJET

(1675)

В 1675 г. голландец Кунраад фан-Кленк ездил в Москву в качестве посла генеральных штатов. Помимо реляции самого посла генеральным штатам (издана в Гааге в 1676 г.), об этом посольстве написана была книга: „Исторический рассказ или описание путешествия, совершенного в свите господина Кунраада фан Кленка" и т. д. (Historisch Verhael, of Beschryving van de Voyagie, gedaen onder de Suite van den Heere Koenrad van Klenk, etc. t'Amsterdam, 1677). Издатель книги заявлял, что любители рассказов о путешествиях должны благодарить за нее „одного из дворян свиты" Кленка. Исходя из этого указания и из сопоставлений различных намеков в тексте книги, А. М. Ловягин убедительно доказал, что автором ее был богатый нидерландский купец из дворян—Бальтазар Койэт (Balthasar Coyet), ездивший с посольством в Московию и описавший путешествие на основании подробного дневника посольства и собранных им самим наблюдений (См. А. М. Л[овягин]. Голландец Кленк в Московии. „Историч. Вестник", 1894, № 9, стр. 788—791; по типографской ошибке, Койэт всюду здесь называется Койстом). Однако, уже и предшествующие исследователи, не догадываясь об авторе, отмечали интерес этой книги как исторического источника: так, напр., она названа у C. Meiners'a (Vergleichung etc. I, S. 29, 225, 275, 318, 364, II, 267); одну страницу посвятил ей Adelung (Kr.-Lit. Übersicht, I, 359—360); впоследствии Е. Замысловский уже обратил внимание на то, что в ней содержатся весьма важные материалы для русской истории конца XVII века (Царствование Федора Алексеевича I, 204 прим.). В полной мере значение сочинения Койэта раскрылось, однако, только тогда, когда голландский текст его весьма редкой книги, вместе с русским переводом en regard А. М. Ловягина, был издан Археологической комиссией: „Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу". Пб. 1900 [выдержки из этого перевода были даны Ловягиным еще в „Русской Старине". 1893, № 12], откуда мы и заимствуем нижеследующий отрывок (гл. XI, стр. 340—342), а также в, значительной степени, и сопровождающие его при-

мечания переводчика. Характеристика Сибири, сделанная Койэтом несмотря на свою краткость, все же довольно интересна, т. к. ней дано несколько свежих в европейской литературе данных, напр о Байкале, о Селенгинске, Монголии и Амуре; все эти сведени собраны автором в Москве.

Описание области Сибирь и указание, как и Москвы ездить туда и дальше.

Сибирь, могучая область Московии, лежит в сторону реки Об между Кондориею, Лукоморьем и Пермью; это хорошая плодоро ная страна, громадного протяжения, покрытая многими лесами, с стоящими из разнообразных деревьев: березы, сосны, липы, кедр можжевельника и др. Здесь находятся и разные реки, как-т Баранча, Тагил, Тура, Исеть, Иртыш, Обь, Катунь и многие други на берегах которых много деревень, довольно густо населенны Река Катунь шириною в 300 сажен и имеет очень быстрое теч ние. В этой стране много разных животных, птиц и рыб; мног семги и известных других сортов рыб, которые называются осе рами, стерлядью, нельмою, тайменем. Здесь также много гор железом, а некоторые думают, что тут находятся горы и с другим металлами. Эта страна, которая в иных местах на локоть высото покрыта черноземом, плодородна и дает разнообразные ягод имеющие разные странные названия. Здесь находят чернику и и вестный особый сорт бадиана, называемый по-латински Anisum St latum, т. е. звездистый анис. Здесь имеется также много виноград яблоков и слив. В этой стране много деревень, жители которы на судах, называемых стругами, сносятся друг с другом и перевоз свои продукты с одного места на другое. Тобольск, главный гор этой области, ведет, сообразно своему положению, большую то говлю.

Из Москвы в Сибирь ездят по рекам: Москве, Обе, Каме, Ч совой и Серебрянке; отсюда приходится 20 верст или около 4 ми итти по суше до р. Баранчи, Тагила и Туры, из которых последня впадает в большую реку Тобол; на этой реке расположен больш город Тобольск, куда деревни, лежащие по названным рекам, свозя свои продукты на стругах. Все эти реки изобилуют рыбою, и стран вокруг них родит много хлеба. Около Верхотурья живут люд называющиеся вогулами, а вокруг Тобольска—татары, остяки вогулы, живущие все без законов и создающие себе богов, каки пожелают, из сотворенных вещей. Из столицы Сибири, Тобольск едут водою по большим рекам: Иртышу, Оби и Кети до Енисе ского в течение 10 недель, на больших судах, а в течение 3 дне сушею, через пахотную землю; от Енисейска же на судах подн маются через стоячую воду Байкал и реки, вплоть до Селенгинско Эти места населены подданными его царского величества; пут

шествие это продолжается 8 недель. От Селенгинского до владений Китайских (Катая) живут монгольские народы; здесь приходится итти с товарами целый месяц. Предполагают, что эти люди охотно стали бы платить подать его царскому величеству, как только у них ее потребуют, тем более, что несколько времени тому назад их послы были в Москве. Эти народы, живущие от Селенгинского до Китая, миролюбивы и тихи и торгуют с населением Китая (Катая). Как уже сказано, здесь скота, птицы и рыбы изобилие, равно как и ревеня, индиго, красного дерева и квасцов. От Селенгинского, по реке Хилке, путешествуют две недели до Даурии, до большой реки Амур, по которой в два дня пути можно дойти до Великого океана, а оттуда на кораблях можно отправиться на Никанские острова, которые недалеки и отличаются теплым климатом. В городках Лавкаевском и Албазине, находящихся под охраною его царского величества, было около 300 человек, которые предприняли здесь ловлю прекрасных соболей и обработку земли; последняя тут так плодородна, что, как говорят, от одного посеянного фунта ржи можно собрать 40 пудов (каждый в 40 русских фунтов) хлеба. От реки Амур, отделяющей владения его царского величества от владений чжунгарских калмыков, можно в течение 8 дней доехать до знаменитой Китайской (Синской) стены и таким образом приехать в это государство. Однако, в сторону бухарских татар, владения его царского величества отстоят дальше от названной стены, а поездка через страну монгольских калмыков берет добрых 30 дней и ведет, большею частью, через пустынные и безводные местности.

ПРИМЕЧАНИЯ

Разные реки, как-то: Баранча, Тагил, Тура, Исеть]. Баранча—левый приток р. Тагила; Тагил—правый приток Туры (системы Оби), берущий начало в Уральском хребте; Тура также берет начало на восточном склоне Урала, течет мимо Верхотурья, Туринска и Тюмени и вливается с левой стороны в р. Тобол; Исеть—левый приток Тобола. По Баранче и Тагилу плыл Ермак в 1580 г.

река Катунь шириною в 300 сажен]. Катунь вытекает двумя истоками с южного склона горы Белухи, на Алтае, из Катунского ледника, ниже г. Бийска соединяется с р. Бией, образуя р. Обь. Течение ее быстрое, порожистое, по каменистому ложу; ширина—меньше чем указывает Койет,—от 3-х до 150 сажен.

некоторые думают, что тут находятся горы и с другими металлами]. Поиски руд в Сибири только что начинались; ср. рассказ Ю. Крижанича (1680) А. Титов. Сибирь в XVII веке. М. 1890, стр. 191—194; М. П. Пуцилло, Указатель делам и рукописям, относящимся к Сибири. М. 1879, стр. 35.

Особый сорт бадьяна]. ср. выше: Коллинс, стр. 14.

много винограду]. „Особый сорт винограда (Vitis amurensis Rupr),—замечает А. Ловягин,—встречается в Амурской области и далее к Великому океану". Ср. Ю. В. Бранке и Е. И. Любарский. Сок и вино из Амурского дикого винограда. Труды Дальневосточного Гос. университета, серия 5, вып. 4 (Владивосток, 1927). О плодовых деревьях в южной Сибири см. выше Коллинс, стр. 16.

Чусовой и Серебрянке] В подлиннике, по словам А. М. Ловягина—опечатка: Tars Rowa вм. Tsoessowa. Серебрянка—приток р. Чусовой. Койэт описывает один из существовавших путей с Камы за Урал: он шел по притоку Камы, Чусовой, „до устья впадающей в нее реки Серебрянки, по Серебрянке до Тагильского волока, волоком в 25 „поприщ" на р. Жеравлю, из р. Жеравли в Баранчу, из Баранчи в Тагил и из Тагила в Туру" (Сибирские летописи, Изд. Арх. Ком. СПб. 1907, стр. 11, 216, 314; Н. П. Загоскин. Русские водные пути и судовое дело в Допетровской Руси. Казань 1910, стр. 198—199.) Имелся, кажется, и другой вариант того-же пути по притоку Чусовой—Сылве (Архангелогор. Летопис., стр. 177—178; А. Дмитриев. Пермская старина, вып. I, стр. 192). „Путем в Сибирь по Чусовой, повидимому, пользовались уже казанские татары для сношений с Тюменью. Этим же путем в течение всего XVI в. производились зауральскими инородцами набеги на пограничные русские области" (С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М. 1928, стр. 90). Однако, ко времени рассказа Койэта были распространены другие, более удобные пути из России в Сибирь.

Из столицы Сибири, Тобольска, едут водой...]. О путях из Тобольска в Восточную Сибирь см. С. В. Бахрушин, op. cit. стр., 110 и сл.

ревеня, индиго, красного дерева]. Сведения Койэта неточны; здесь названы товары, получавшиеся из Китая и даже из Индии, —ревенный корень (Rheum L.), индиго—вероятно лакмусовый лишай (Lecanora tartarea), содержащий сильное красящее вещество и т. д.

до Даурии]. Имеется в виду Верхне-Амурский край.

по реке Хилке]. Имеется в виду Шилка, одна из двух рек, составляющих Амур, сл. ниже: Г. фон Горн, Жербильон. „Форма Хилка,—замечает А. М. Ловягин,—(в „Истории р. Амур" 1859, стр. 78); однако, здесь употребляются обе формы; про Афанасья Пашкова, строителя Нерчинска, сказано, что он „проехал чрез Байкал и Селенгою рекою и, оставив Селонгу, плыл рекою Хилком до Иргенского острога 4 недели", на Ингоде же „сделал новые большие досчанки, и плыл вниз по Ингоде и по Хилку до устья Нерчи реки 3 сутки, и тут построил Нерчинский острог меж рек Нерчи и Шилки"... „и тут Онон впадает в Ингоду, и в том месте те обе реки потеряют имена свои и именуются одним именем—река Шилка" (А. Титов. Сибирь в XVII веке, стр. 106). Койэт имеет в виду не Хилку, каковое имя, действительно, имеет одна из небольших речек Амурской области (А. Кириллов. Географический и статистический словарь Амурской и Приморской областей. Благовещенск, 1894, стр. 477), но именно Шилку.

на кораблях можно отправиться на Никанские острова]. „Никанское царство, про которое кое что „слухом слышали", упоминается и в „Наказе Афанасию Пашкову на воеводство в Даурской земле" 1655 г. („Русск. Ист. Библ.", т. XV, стр. 3 сл.),—замечает А. М. Ловягин. Это наверное Япония (туземное название Ниппон)". Не могу согласиться с этим предположением: имеется в виду не Япония, которая в русских источниках XVII века была известна именно под этим именем (сл. у Спафария 1675 г.: „остров зело велик, именем Иапония", „Епонский остров"- Ю. В. Арсеньев. Путешествие... Н. Спафария. СПб., 1882, стр. 153). а именно Китай. Один китайский солдат, взятый в плен русскими в 1652 г., рассказывал на допросе Хабарову, что народ, к которому он принадлежит, называется у манчжуров Никан (Müller. Samml. Russ. Gesch. II, S. 325; Дополн. к Акт.

Историч., т. III, стр. 367). „Витсен также знал об этом имени, из русских источников, и неоднократно упоминает о нем, приводя и его этимологию. Оно взято, будто-бы, с китайского языка и значит: „негодный, нелепый, неловкий, неуклюжий", или „холоп" и „мужик". Так, в изд. 1705 г., стр. 64 он говорит, что татары (нюйчжи), завоевавшие Китай, из презренья дали китайцам имя „никаны" или „никандры", означающее на китайском языке „холоп" или „мужик". В устах таких надменных завоевателей, как манчжуры, подобное название для покоренного народа представляется вполне естественным. Впрочем, как бы то ни было, а имя никан для китайцев перешло, с малыми видоизменениями, от манчжуров ко всем остальным инородцам Амурского края". (Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. СПб. 1883, т I, стр. 195—196). Ехавший в Китай Н. Спафарий, в 1675 г. встретился в Енисейске с недавно приехавшими туда из Китая русскими торговыми гостями; они передавали Спафарию, что в Пекине „торг их был зело некорыстен против прежнего, для того, что у китайцев началась война с никанским царством" (здесь идет речь о восстании южных провинций Китая против манчжурской династии, которым руководил Усан-Кей, оно было окончательно усмирено лишь со смертью последнего в 1679 г.). „И то никанское царство,— замечает Спафарий,—нет иного опричь старого китайского царства, потому что ныне есть лет с тридцать завладели китайским царством татары, а поколение царское бежало в дальние приморские китайские страны, и то ныне называют богдыхановы татары никанским царством И ныне собрали они, никанские, войска, и посылал против них богдыхан дважды по сороку тысячу и все побиты от никанских. И ныне собирают новое войско и хотят посылать на никантов" (Путешествие, Изд. Арсеньева, стр. 170, 160). Точную справку о том, что называлось у нас „Никанским царством" дает также „Описание Сибирского царства" (1683): „А от Китайского государства на левую сторону к востоку, к море-океану, великое государство, китайским языком нарицают Никанское, иные же нарицают Великая Хина.. И то Государство Никанское паче Китайского Государства зело людьми и богатством, златом и серебром и камением драгим, шелком, камками и всякими алканы, благовонными травами и шафраном изобилствует; мужеской и женской пол перед китайскими людми зело чист; и ныне он, никанской царь, с китайским царем воюются, а китайский царь чрез свое Китайское царство русских людей с товары для торгу не пропущает" (А. Титов, Сибирь в XVII в., М. 1890, стр 86, 87, 101). И. И. Лаппо („Отзыв о труде В. А. Кордта: Материалы по истории русской картографии и т. д." Юрьев, 1908, стр. 16—21) кратко описал неизвестный до того чертеж Сибири, хранившийся в Военно-Ученом Архиве Главного Штаба: „Чертеж всей Сибири до Китайского царства и до Никаского": наверху карты означены „царство Никанское" (рисунок большого города, с зубчатою стеною впереди), царство китайское и „города бухарские" (Ср. „Материалы Военно-ученого Архива", Картографические материалы, вып. V, стр. 95, где эта карта почему то обозначена 1537 г.); по поводу этой карты Лаппо замечает: „Перед нами, несомненно, копия со старинной карты Сибири, а не ее оригинал, копия, сделанная в XVIII ст., повидимому иностранцами... Исходным пунктом для определения времени составления карты Архива может служить обозначение на ней Никанского царства, то есть Японии". Выше показано насколько такое толкование не соответствует истине.

в городках Лавкаевском и Албазине]. „Название Laphajest у Койэта, замечает А. М. Ловягин,—кажется, можно понять лишь в смысле „Лавкаева" или „Лавкаевского городка". Это предположение совершенно правильно. Под „Лавкаевским городком" или улусом (в „Чертеже всей Сибири" — „Лапкаев городок"—см. А. Титов, op. cit., стр. 33) подразумевается одно из укрепленных местечек даурского князя Лавкая на Амуре. „Оно находилось на левом берегу Амура, у устья реки Урки, на месте, где теперь расположен Игнашинский поселок Амурской области, и было обнесено рвом, валом и деревянной стеною с башнями. Во время первого похода Хабарова на Амур в 1650 г. укрепление это

было покинуто даурами, которые, узнав о приходе русских, бежали в ниже расположенные по Амуру места. Поэтому Хабаров, который нашел здесь много спрятанного жителями в ямах хлеба, занял его и, отправляясь в Якутск за подкреплением, оставил для охраны его 50 чел. из своей команды. В отсутствие его дауры напали на этот городок, но были отбиты казаками с успехом. Позднее, в 1672 или 1673 г, на этом месте основана была земледельческая слобода Игнашино" (А. Кириллов. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей. Благовещенск, 1894, стр. 223). Одним из трех городков Лавкая был также г. Якса, переименованный русскими в Албазин. В „Списке с чертежа Сибирския земли": „А Амуром-рекою вниз, мимо устья реки Черныя до устья реки, где бывает Лапкаев город, а ныне зовется Албазинской острожок" (Титов, op. cit., стр., 48. Ср. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 20 сл.) сл. ниже: Жербильон.

можно собрать сорок пудов хлеба] „чрезвычайно преувеличено,— замечает А. Ловягин. Высшая для Сибири цифра—200 пудов ржи с десятины при высеве пудов в 10". В заключение отметим, что в главе 10-й книги Койэта, в весьма спутанном рассказе о Строганове (ср. замечания А. М. Ловягина, стр. 339), сказано: „Он (Строганов) первый открыл Сибирь великому царю и доставил ему власть над нею. Это земля—золотое дно его царского величества, как видно из следующего наглядного примера, который я здесь приведу. В Сибири есть река, называющаяся Леною, которая ежегодно доставляет налогов соболями на 90.000 рублей или дукатов" (стр. 340).

XLII. ГИЛЬДЕБРАНДТ ФОН ГОРН HILDEBRAND VON HORN

(1684)

Гильдебрандт фон Горн (р. в Киле 16 августа 1655—ум. в Сериго 8 окт. 1686 г.)—датский дипломат и политический деятель. Свою дипломатическую карьеру Горн начал в качестве секретаря Фридриха фон Габеля (см. о нем: т. I, стр. 318—322), приезжавшего в Россию в 1676—1678 гг., а в 1681 г. сам был назначен послом в Москву от датского короля Христиана V, где и пробыл с мая по декабрь месяц этого года (Moller. Cimbria Literata, p. 261—262; Г. Форстен. Датские дипломаты при русском дворе—Ж. М. Н. Пр. 1904, № 10, стр. 67—84). В 1682 г. Горн в третий раз приехал в Москву, в качестве посланника, и оставался здесь до 1684 г. Интересно отметить, что Горн, во время пребывания своего в Москве настолько хорошо овладел русским языком, что даже мог писать русские стихи, что стало известно и в придворных кругах. В своем донесении в Данию в декабре 1681 г. Горн, между прочим, рассказывает, что русский государь, узнав об его „большом уважении" (eine grosse estime) к русскому языку, велел наградить его двенадцатью русскими книгами в красивых переплетах, „чтобы я при этом не только вспоминал об его царской милости, но также и для того, чтобы я мог усовершенствоваться в русском языке. Я поблагодарил его царское величество за его милость, и заверил, что если бы даже я не имел большой охоты к славянскому языку, то один этот подарок был бы для меня достаточен для того, чтобы он сделался для меня приятным" (Aarsberetninger fra Det Kongelige Geheimarchiv indeholdende Bidrag til Dansk Historie af utrykte Kilder. Bd. VI, Kjöbenhavn, 1879, H. IV, p. 198). В русской историографии Горн известен, между прочим, и как заказчик „Повествования о Сибири" Юрия Крижанича (1680). Одна из двух известных рукописей этого любопытного сочинения имеет посвящение „преславному и преблагородному господину Гильдебранду фон Горну, секретарю его священного величества, короля Дании". В этом посвящении Крижанич пишет: „Вы изволили предписать мне, чтоб я прислал Вам описание Сибири, в которой я провел изгнанником пятнадцать лет. Великое допустил

бы я прегрешение, если бы не угодил Вашему желанию, так как считаю себя Вашим неоплатным должником. Но, прошу Вас, не вмените мне в вину позднее исполнение. Письмо Вашего высокородия, написанное ко мне из Парижа в самый день праздника первопрестольных апостолов в 1680 году, действительно было сюда доставлено; но, по ошибке гонца, оно было послано в иное место и, пространствовав по большей части Европы, снова было возвращено сюда"... (А. Титов. Сибирь в XVII веке, М. 1890, стр. 161—162. Повествование о Сибири. Латинская рукопись XVII столетия, изданная с Российским переводом и примечаниями Г. Спасским. СПб., 1822, стр. VII—VIII). В нашем распоряжении очень мало данных для раскрытия всех содержащихся в этой цитате намеков: вся история взаимоотношений Горна и Крижанича представляется, в общем, достаточно смутной. П. А. Бессонов в записке своей, поданной в 1882 году в Публичную Библиотеку в Петербурге, представлял ее в следующем виде: Горн, по его словам „служил посредником для окончательного освобождения Крижанича, когда последний, прощенный уже и вызванный из Сибири в 1676 г. вскоре после смерти царя и наступлении смутных обстоятельств, стариком уже, полуглухим и полуслепым, предназначен был „на покой", а собственно в новое заточение—Соловки"... В сей то период посредником нового освобождения явился Горн (за что и наименован у Крижанича освободителем—Liberator), а главным авторитетом такого трудного в ту пору дела явился старший Горна—Фридрих фон Габель, королевский посол. Желая воспользоваться глубокою ученостью Крижанича и его сведениями о Сибири, как долговременного жильца там и очевидца, в вопросе столь интересном для тогдашней Европы, Горн из Парижа, где тогда находился, в 1680 г. послал Крижаничу убедительное письмо с просьбою изложить все, что узнал о Сибири. Письмо пространствовало по России и разным краям Европы... и, наконец, застигло Крижанича в Вильне, куда он переселился... Здесь то, в Вильне, при большом досуге и в тиши занятий среди миссионеров, составил Крижанич разбираемое сочинение о Сибири, которое и препроводил Горну" (С. А. Белокуров. Юрий Крижанич в России, вып. II, М. 1897, стр. 4—6). Еще раз во всех обстоятельствах этого дела пробовал разобраться С. А. Белокуров. Он обратил внимание на то, что один из списков сочинения Крижанича имеет в конце приписку: „Aeternum soli gloria tota Deo, 1680" (на другом: Scripta anno, 1681), следовательно, он уже существовал в 1680 г., а отсюда можно было бы думать, что поручение Горна Крижаничу было исполнено им в течение декабря месяца этого года, так как парижское письмо Горна от 29 июня 1680 года Крижанич получил в конце ноября. „Но такой короткий промежуток времени для написания сочинения,—замечает Белокуров,—в связи с замечанием Крижанича, что во время пребывания в Сибири им не было сделано никаких подготовительных работ, возбуждает сомнение и

возникает вопрос, как понимать слова Крижанича в предисловии к этому сочинению". У Витсена есть указание, что Крижанич свою „Историю о Сибири" в 1680 г. поднес польскому королю Яну Собесскому. „Конечно, это поднесение могло состояться и в декабре 1680 г. и тогда оба известия (Крижанича и Витсена) совпадали бы. Но не поднесена-ли „История" ранее 1680 г.? Если да, то, следовательно, она написана была ранее сего месяца и, в таком случае, слова Крижанича в посвящении Горну следует понимать так, что последний, узнав или услыхав о сочинении Юрия, просил прислать ему список, который и был изготовлен (переписан) в течение декабря 1680 г. „Это второе предположение,—прибавляет Белокуров,—заслуживает, кажется, большего вероятия. Так или иначе, только несомненно, что в 1680 г. Historia de Sibiria уже существовала, а в следующем году был написан и другой список, сохранившийся доселе". (А. Белокуров. Юрий Крижанич в России. По новым материалам. М. 1906, стр. 198). Однако, и это предположение, с моей точки зрения, все же не разрешает всех возникающих в этом вопросе недоумений. Прежде всего, смысл посвящения книги Горну тот, что последний является заказчиком именно сочинения, а не копии его (ср. „Итак, Вам, моему освободителю, я не столько описываю Сибирь, сколько представляю ее поверхностный очерк") С другой стороны, непонятно, почему Горн писал Крижаничу в Москву, тогда как они вместе выехали оттуда с датским посольством Габеля в октябре 1677 г. (Белокуров, op. cit., стр. 185) и Горн не мог не знать, что Крижанич уезжает из России навсегда. Кажется, всего естественнее было бы предположить, что первую мысль составить описание Сибири Горн подал Крижаничу еще в 1676—77 гг., когда последний жил в доме посланника Габеля, и что письмо 29 июня 1680 г. было только напоминанием. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют разрешить этот вопрос в том или ином смысле. Неизвестно также, получил ли Витсен список „Истории о Сибири" от Горна или непосредственно от автора (Белокуров, op. cit., стр. 199). П. А. Бессонов очень невразумительно говорит по этому поводу, что подлинник сочинения, отправленный Горну, „прошел через горнило Горновых, датских и соприкасавшихся студий (?), получив на пути свои судьбы (?)" и несколько далее, что „через Горна, Габеля и датчан сочинение сделалось известно голландцам", то есть именно Витсену (Белокуров, op. cit., вып. II, стр. 4). Во всяком случае любопытно, что с личностью Горна так или иначе связываются появление, а может быть даже и первое опубликование (в книге Витсена „Noord en Oost Tartarye" Amsterdam, 1692) одного из интереснейших сочинений о Сибири в XVII веке. Не удивительно поэтому, что в собственных донесениях Горна датскому правительству из России также довольно часто упоминается Сибирь: повидимому, эта страна представляла предмет специального любопытства датского дипломата. Донесения Горна за время его

последнего пребывания в России, с ноября 1682 г. по июнь 1684 г напечатаны в упомянутом выше издании: Aarberetninger fra Det Kongelige Geheimarchiv (Bd. VI, 1879, p. 138—198); они писаны по-немецки, частью же на латинском и французском языках.

В 1683 году начались русско-китайские столкновения на Амуре; центром действия вскоре же сделался Албазин. Горн находился в это время в Москве и, узнав о начале военных действий со стороны китайцев, тотчас же сообщил в Данию: „Сибирские купцы принесли известия, что китайцы с великою силою вторглись в Сибирь и уже взяли ряд крепостей" (донесение от 16-го января 1684 г.). В апреле месяце 1684 г. Горн вновь доносит: „Из Сибири сообщают, что китайцы порядочно продвинулись вперед, поэтому тамошним воеводам послан приказ дать им, по возможности, сильнейший отпор"; новые подробности находим в донесении от 10 июня 1684 г.: „В Сибири продолжается потеря большого куска земли, примыкающего к Китаю или Хине, где для китайцев же ловились самые лучшие и наиболее черные соболи" (Aarberetninger, VI, 174, 179, 180, 189). Обо всем этом Горн писал также Габелю. Недатированное письмо к Габелю (оно относится, повидимому, к марту месяцу 1684 г.) дает по случаю тех же событий целое описание пограничных русско-китайских областей. Оно также напечатано в указанном томе „Aarberetninger", но, к сожалению, не полностью (p. 181). Отрывок из этого письма и приводится ниже в русском переводе.

Из письма к Фридриху фон Габелю

Чтобы удовлетворить Ваше любопытство относительно Китая, поскольку мы уже коснулись этого предмета, позволю себе сказать, что это государство, будучи отделено от Восточной Сибири лишь длинной горной цепью и великой стеной китайскою, заявляет свои права, вне своих пределов, не только на маленькое государство богдойцев, которые являются завоевателями Китая, но также на всю страну, которая простирается вдоль большой реки Амура. Эта река, если верить тому, что говорят, самая большая не только во всей Сибири, но и во всей Московии. Она берет свое начало в горах, простирающихся к северу, и называется Шилкой до тех пор, пока пройдя области Селенгинска (Silenskoi) и Нерчинска (Nerciskoi), она не сливается вместе с рекою Аргунью (Argun). Тут она принимает имя Амура и, изменив свое течение на восток, разливаясь очень широко и оставляя корейский мыс направо, она с достаточной быстротой впадает в океан. Именно в это устье китайцы часто входили на многочисленных своих джонках (jonques); и хотя они несколько раз брали приступом маленькие московитские крепости, но тем не менее, не будучи достаточно сильны, чтобы продолжать начатые завоевания, они бывали принуждены удовольствоваться тем, чтобы сжечь их и сделать необитаемыми, не извлекая никаких других вы-

год из своей победы как только ограничив успехи своих соседей. Вы знаете, что после смерти последнего китайского императора и поражения всей фамилии Таймингов (Taimingues), государство китайское было потрясено мятежами и непрерывными народными волнениями, пока нынешний хан не умиротворил всего этого. Вот почему, чувствуя себя в состоянии выполнить замыслы своего отца по отношению к Сибири, он снарядил флот, состоящий из ста пятидесяти джонок и приказал ему подняться как можно выше по реке Амуру и выстроить повсюду крепости; кроме того, он приказал вступить в Сибирь со стороны Леа-Туна (Leatung) войско в двадцать тысяч человек, а со стороны богдойцев другое — численностью в пятнадцать тысяч, для того, чтоб воспрепятствовать некоторым монгольским князьям, союзникам его царского величества, придти на помощь двум провинциям—Селенгинску и Нерчинску, которыми хотели овладеть. Вот, сударь, все, что об этом знают в настоящее время. Тем не менее, в Сибирь послан приказ об отправке людей и амуниции в крайние пограничные пункты, а также о том, чтобы обязать монголов не изменить своим союзникам, при помощи небольших подарков, какие им сделают.

[Москва, март 1684 г.].

ПРИМЕЧАНИЯ

Маленькое государство богдойцев, которые являются завоевателями Китая]. Под богдойцами у нас разумелись манчжуры. В „Описании Сибирского царства" довольно подробно рассказывается, как „во 167 году Китайского царя Абдуры хана бояри изменили и взяли на царство нынешнего подданного Богдуйского князца Богдохана Маху" (А. Титов, Сибирь в XVII в. М. 1890, стр. 92—94); имеется в виду завоевание Китая манчжурами (см. ниже).

Амур... берет свое начало в горах... и называется Шилкой...]. Амур, образуясь из слияния Шилки и Аргуни, от истока своего до Албазина имеет восточное направление и первоначально протекает в высоких скалистых берегах, с редкими небольшими долинами, покрытыми растительностью сибирского характера. Около Албазина горы, окаймляющие Амур, уходят от его берегов, образуя более обширные долины, река расширяется, достигая 120 футов ширины, разбивается на протоки и ниже Албазина имеет направление к юго-востоку. Обогнув северную оконечность хребта Сихота-Алина, препятствующего соединению его с океаном, Амур вливается в Татарский пролив, образуя обширный лиман, известный под именем Амурского. Ширина Амура в устье ок. 14 верст. (А. Кириллов. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, Благовещенск, 1894, стр. 48—50).

После смерти последнего китайского императора и поражения всей фамилии Таймингов]. Под *„Таймингами"* Горн, очевидно, имеет в виду династию Мин, которую на китайском престоле сменила Дэйцинская (манчжурская) династия. Основатель этой последней династии, Нурхаци (или Тай-цзу), в 1616 г. принял

императорский титул, а в 1618 г. объявил войну Китаю, которая велась, с переменным успехом, вплоть до 1644 г. когда Дайцинская династия воцарилась в Пекине; однако, она и после того не сразу овладела всем Китаем. Весь этот период в жизни Китая был, действительно, полон смут и кровавых возмущений (сл. О. Ковалевский. Переворот в Китае в XVII в. и правление Кан-Си. Ж.М.Н.Пр. 1839 № 5, ч. XXV).

Пока нынешний хан]. Имеется в виду Кан-Си, знаменитый император манчжурской династии (1662—1723). Первая половина его царствования прошла в войнах с сторонниками павшей Минской династии, восставшими в различных местах южного Китая. Появление русских на Амуре обратило его внимание на северную Манчжурию, он решил ее заселить и закрепить за собой. Таким образом явилась Хэй-Лун-Цзянская провинция в Манчжурии и ее города: Айгун, Мэргень и Цицикар.

выполнить замыслы своего отца по отношению к Сибири. Кан-Си был вторым сыном императора Шунь-Чжи (1644—1662), все царствование которого прошло в покорении отдельных провинций Китая.

со стороны Леа-Туна]. Под словом Leatung не имеется ли в виду Ляо-Дун —местность, лежащая на восток от р. Ляо-хэ, в южной части Манчжурии. Заняв Ляо-Дун в XVII в., манчжуры именно отсюда начали завоевание Китая; в 1622 г. здесь была основана манчжурская столица.

при помощи небольших подарков] О том, что это были за подарки, видно из описи Иркутска 1684 г. „присыльных товаров, которые товары посланы в Селенгинск по указу великих государей по грамоте мугальским служилым конникам на подарки: сукон желтого 6 арш. 3 вершка, серогоряче 5 аршин пол-третья вершка, алого брусничного по 5 аршин без четверти, черчатого 5 аршин без полувершка, 6 половинок целых сукон шитуги, в том числе две красных, две зеленых, две лазоревых; да сосудцев стеклянных: сулейка клетчатая 16 сулеек полосатых, один оловеничек, да стоканов ядовых 10, полосатых да с обручками по 5, высоких чешуйчатых 18..... всего 125 сосудцев" (Иркутск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий, М. 1883, стр. 3).

XLIII. Ф. АВРИЛЬ | PHILIPPE AVRIL

(1687)

Филипп Авриль (1654—1698), французский иезуит, дважды являлся в Россию с целью добиться разрешения на проезд в Китай. Первый раз он прибыл в Москву в половине января 1687 года (G. Cahen в своей книге: Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand. Paris, 1912, Bibliographie, p. CXLIX,—ошибочно утверждает, что первый раз в Москве Авриль был в 1685—86 гг.). П. Пирлинг так объясняет цель его приезда: „В конце XVII в. Общество Иисуса задалось мыслью отыскать сухопутное сообщение между Францией и Китаем. Цель была при этом практическая. Христианство вместе с европейской наукою проникло в небесную империю и распространялось в ней, а добраться до нее, при тогдашних условиях океанского плавания, было весьма затруднительно, и многие миссионеры погибали, не достигнув своего назначения. Можно было надеяться, что на суше путешествие подвергалось бы меньшим опасностям, чем на море. Вот почему орденское начальство поручило Филиппу Аврилю заняться этим вопросом" (П. Пирлинг. Французский иезуит в Москве в XVII ст. „Русская Старина". 1902, № 9, стр. 473—483; перепечатано в его сборнике: „Исторические статьи и заметки", Петр. 1913, стр. 125—139). Иезуиты стали пользоваться известным влиянием в Китае с половины XVII века. Иезуит Лимадзеу был первым представителем этого ордена, приехавшим в Кантон в 1581 г., а в 1601 г. в Пекин; в Пекине, задарив приближенных хана, он попал к нему в большую милость. (Н. Бантыш-Каменский. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами, стр. 6 прим.) В 167 г. (1658—59) проехали в Китай сухим путем через Польшу и Московское государство 6 ученых иезуитов и богдыхан велел построить им костел и позволил проповедывать („Сибирские летописи", изд. Археологич. Комиссии, СПб., 1907, стр. 393). В 1657—77 гг. с посольством Спафария также был отправлен в Китай иезуит Вербиест, в качестве драгомана, и „русское правительство особенно рассчитывало на него, зная, каким уважением пользовались при дворе

Кан-си иезуиты. Но эта надежда оказалась тщетной,—он даже вредил посланнику, который скоро заметил дружбу между своим драгоманом и резидентом иезуитов при Пекинском дворе" (Б. Курц. Очерк русско-китайских сношений в XVI, XVII и XVIII вв., Харьк. 1929, стр. 41, 44); несколько иначе рассказывает об этом Юрий Крижанич: „Проездом через Тобольск этот Спафарий рассказывал, что в Москве находились два члена общества Иисусова, посланные от папского престола; они ходатайствовали перед царем, чтоб им было дозвольно с вышеупомянутым посольством отправиться в Пекин. Но так как было сомнительно, какой исход ожидает это посольство (до того времени и дорога туда была еще неизвестна), то упомянутым отцам было отказано в исполнении их просьбы, а были они посланы через Астрахань в Персию. Однако, Спафарий говорил мне: „Государь дал приказ, что если при моем возвращении кто-либо из отцов общества Иисусова пожелает со мной возвратиться в Европу, то чтоб я принимал их, сколько бы их не было" (А. Титов. Сибирь в XVII веке. М. 1890, стр. 212—213). В связи с деятельностью иезуитов в Китае, французский король отправил „через Россию", как сообщает Б. Курц (Очерк русско-китайских сношений, стр. 51) на основании одного дела сибирского приказа, как „удобным безопасным и кратчайшим путем" „разумных и в математических науках искуснейших людей 6 человек... от братства иезуитска" „Вопрос о посылке этих иезуитов через Россию был поднят французским королем в 1687 г. в бытность во Франции посольства Долгорукова. На предложение русских послов король обещал содействовать торговле Франции в Архангельске и просил пропустить французских миссионеров в Китай через Сибирь с караванами, ходившими (как ошибочно думали во Франции) два раза в год из Тобольска в Пекин (Сбор. Русск. Ист. Общ., т. XXXIV, стр. 11—15); таким образом, Авриль был не первым иезуитом, добившимся этого проезда: вопрос об использовании сухопутной дороги в Китай через Сибирь, очевидно, стоял тогда в Европе в порядке дня.

Вместе со своим спутником, также иезуитом, Луи Барнабе Авриль отыскал в Москве „татарских" и „узбекских" купцов (tartares ou yousbecks), родом из центральной Азии, которые хорошо знали интересовавшую его дорогу, т. к. сами не раз бывали в Китае; они убедили его, что сибирский путь в Китай—самый краткий и самый удобный; то же подтвердили ему и московские купцы. Однако, добиться разрешения на проезд в Китай Аврилю не удалось. Как явствует из сохранившегося в б. Гл. Арх. М. Ин. Дел „Дела о высылке из России приехавших из Персии двух иезуитов Барнабасова и Ф. Авриля", московское правительство отказало им в этом под тем предлогом, что „в грамоте короля Людовика XIV, адресованной на имя московских государей, в царском титуле были пропущены слова: „великие государи" и потому также, что рус-

скому послу во Франции Я. Ф. Долгорукому были оказаны „упорство" и „бесчестие" (А. Е. Любимов. Путешественник по Востоку и Московии в н. XVII в. Ф. Авриль. „Зап. Вост. Отд. Русск. Арх. Общ.", т. XXII, 1915, протоколы, стр. XXVIII—XXIX), в действительности, однако, невыдача просимого разрешения объяснилась обычной подозрительностью Москвы к иезуитам и нежеланием допускать иностранцев в оберегаемые от посторонних взоров восточные окраины государства.

Другие иезуиты, вслед за Аврилем добивавшиеся подобного же разрешения, оказались не счастливее его. Миссионер Гаральд писал иезуиту Франциску Дубскому 23 сентября 1698 г. из Москвы: „Отец генерал Вашего ордена писал к нашему господину послу, прося его похлопотать, чтобы дозволен был проезд Вашим отцам в Китай. На успех этого дела большая надежда, ибо добрый господин посол весьма предан Вам и для этого дела не жалеет никаких издержек, которые здесь составляют самый могущественный рычаг для достижения чего-либо. Сегодня я был в городе у одного из наиболее богатых купцов на обеде, на который был приглашен им. Он человек довольно большого ума и занимается охотно геометрией и пр. Он ведет торговлю в Китае и имеет там своего агента. От этого агента он получил письмо, в котором тот, между прочим, говорит, что находящихся там римских отцов начинают подвергать преследованию и препятствиям в деле крещения, но не объясняет за что и как? Этот человек [купец] для меня весьма дорог, так как через него я могу проводить и получить то, что хочу; но все это я должен делать осторожно, чтоб он этого не заметил. В октябре придет оттуда другой караван и с ним люди этого купца. Я надеюсь, что они принесут какое-нибудь письмо от отцов иезуитов с известиями. В феврале в Китай отправятся другие купцы" (Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и нач. XVIII в. СПб. 1904, стр. 11). Это письмо показывает, что еще в 1698 г. надежда на просимое разрешение не была потеряна и что иезуиты всячески пользовались услугами сибирских купцов; но уже в следующем 1699 г. Франциск Эмилиан, императорский миссионер в Москве, сообщал оттуда самые безнадежные сведения: „Так как здешняя страна вступила в большие торговые сношения с голландцами, а теперь даже и с англичанами, то вельможи прилагают крайнее старание, чтобы здешний краткий путь из Европы в Китай не был доступен иезуитам, потому что русские согласились бы, чтобы их всех изгнали из Китая, нежели дать возможность хотя бы одному иезуиту проникнуть к китайцам. Они говорят, что где иезуиты, там нет над их делами божьего благословения, а только несчастья. Когда же в разговоре затрагивалась та мысль, что неужели никакой купец не мог бы взять с собою по крайней мере иного католического священника, то мне дан такой ответ, что всякий (латинский священник), который бы покусился пройти туда через Сибирь

непременно будет заподозрен, что он иезуит, и что тогда такой купец будет в опасности подвергнуться смертной казни и лишению всего своего имущества. Это мне подтвердил и славнейший г. посол. Он сказал, что русские считают тайными иезуитами тех отцов францисканцев, которые весьма недавно пытались пробраться в Китай через Сибирь, и еще недавно русские спрашивали посла, ушли ли уже его иезуиты" (Письма и донесения иезуитов, стр. 38). Далее в том же письме из Москвы 1699 г. Франциск Эмилиан очень характерно рассказывает о том, какие все же меры принимал он для того чтобы, несмотря на все препятствия, исследовать и открыть для собратьев по ордену искомую дорогу: несомненно теми же самыми способами, десять лет назад, изучал этот вопрос и Авриль. „Здесь (в Москве),— пишет Эмилиан,— я познакомился с некиим армянским купцом, который мне разъяснил, что есть другая дорога в Китай, более краткая, чем через Тобольск и Сибирь, но так как принципал этого купца вдруг решил уехать, то я и не мог с ним больше видеться и получить более полные сведения об этой дороге. Я желал бы переслать вам те сведения, какие уже получил, но у меня неверная карта. Бог даст другой удобный случай. Конечно, я мог бы узнать и побольше, но неудобно было, потому что нужно выведывать, как бы мимоходом, и как бы сетью вылавливать, чтобы не обратить внимания. Однажды в разговоре было сделано такое заявление: так как иезуиты богаты, то, принося подарки, быть может могли бы открыть себе дорогу серебряным или золотым ключем. На это один человек из здешних, хорошо знающий дело, ответил: „Конечно, их провели бы до Тобольска, но дальше нужно было бы опасаться, что их убьют частным образом и распространят слух, что они или убиты варварами или погибли от болезни, потому что для русских сделать так—пустяки" (Письма и донесения иезуитов, стр. 39—40).

В конце февраля 1687 года Авриля и его спутника выслали из Москвы. Путешественники отправились в Варшаву, где Авриль, благодаря покровительству французского посла в Польше Бетюна, удалось получить аудиенцию у короля Яна Собесского. Через посредство того же французского посла Авриль удалось узнать при дворе о Китае все, что там было известно от московского думного дьяка Протасия Никифорова, бывшего недавно в Варшаве, а перед тем посещавшего Китай. Кроме того, Ян Собесский позволил Авриль снять копию с карты китайских дорог, составленной д'Аблан-куром по указаниям Никифорова (Пирлинг op. cit., стр. 133). Второй раз Авриль был в Москве в конце 1688 года в качестве капеллана польского посла Иосифа Лядинского (Н. Бантыш-Каменский. Обзор сношений России, ч. III, стр. 159; G. Cahen, op. cit. p. 174). В пропуске ему и на этот раз было отказано.

Собранные им в Москве и Польше данные Авриль обработал в книге: „Voyage en divers états d'Europe et d'Asie. Avec une description de la

grande Tartarie et des differens peuples qui l'habitent", Paris, 1692). В ней говорится об Азиатской Турции, Армении, Персии, Поволжьи, Сибири и о путях из Москвы в Китай; европейской России в книге уделено мало внимания, так как он готовил о ней специальную работу. Названный труд быстро приобрел известность; через два года он был переведен на голландский язык: „Reize door verschiedene Staten von Europa en Azie... gedaen zedert den Jaare 1684 — 1692. Uyt het Fransch door H. v. Quellenburgh, (Utrecht, 1694). Ср. Fr. Müller, Essai d'une bibliographie Néerlando-Russe, Amsterdam. 1859, p. 9, № 31: позднее она была переведена и на немецкий язык L. Fr. Vischer'ом (Hamburg, 1705). См. J. Beckmann, Literatur der älteren Reisebeschreibungen. Bd II, Göttingen, 1809, S. 286—294. Кроме того, отрывки из сочинения Авриля в переводе на немецкий язык помещены были в книге: „Der Neue-Weltbott mit allerhand Nachrichten der Missionariorum Soc. Jesu... von Joseph Stöcklein", Augspurg und Graz, Vol. XVII 383—387, S. 41—96. (Заимствую это указание из книги P. Auguste Carayon. Bibliographie historique de la Compagnie de Jésus. Paris 1864, III, p. 145) В голландском или немецком переводе книга попала и в Москву, где очень взволновала генерала Гордона и обидела царя Петра I (Possel't, Tagebuch d. Generals Patrick Gordon, Bd. II, 443); вновь заговорили о ней в России в 1698—99 гг., когда она была даже переведена на русский язык (Пирлинг, op. cit., стр. 189). „Прибавилась еще одна новая причина ненависти к Вашему ордену,—писал миссионер Гаральдиз Москвы иезуиту Ф. Дубскому:—вышла в свет на французском языке книга, в которой он описывает свое путешествие в Китай и высказывает весьма дерзкие суждения о московитянах... Эта книга была сейчас переведена женевскими еретиками на русский язык. Г. посол защищал Ваш орден и говорил, что это подложное сочинение, потому что на нем нет одобрения иезуитских властей. Мы с католиками удерживаемся давать свое мнение, и молча удивляемся: если это так, то каким образом могла быть издана эта книга членом столь осторожного ордена как Ваш" (Письма и донесения иезуитов, стр. 3).

Книга Авриля представляет для нас двоякий интерес: по мнению А. Е. Любимова, особенно интересна приложенная к книге карта, составленная по оригиналу, хранившемуся в Посольском приказе и затем, якобы, утерянному. Однако, анализ этой карты, произведенный G. Cahen. (Les cartes de la Sibérie au XVIII s. Essai de bibliographie critique. Nouvelles archives des missions scientifiques, fasc. 1, Paris 1911, p. 81—83) убедил его, что карта Авриля является копией карты Ник. Спафария, русского посла в Китай в 1676 г. Данные о путях в Китай, в частности о Сибири, помещенные в книге Авриля, с нашей точки зрения, заслуживают не меньшего внимания. Авриль несомненно проявил большую настойчивость, собирая в Москве интересующие его сведения; он расспросил не только купцов, но нашел доступ также к сановникам (ряд сведений сообщил ему Мусин-Пушкин, смоленский воевода) и к архивам приказов; так, из одной

„канцелярии" ему доставили записки Николая Спафария, перевод-
чика посольского приказа, ездившего с официальным поручением
в Китай в 1675—77 гг.; здесь он нашел сведения о народах, живу-
щих в пограничных с Китаем областях, а также подробное описание
шести дорог из Москвы в Китай; „все это, — замечает Пирлинг
(op. cit., стр 131), — по московским понятиям должно было оставаться
государственной тайной. Сам Спафарий, когда его назначили при
ставом к де ла-Невиллю, в 1689 г., охотно рассказывал про Китай,
но точных данных не давал, якобы из опасения батогов" (Relation
curieuse et nouvelle de Moscovie, Paris 1698, p. 206, 225). Тем удивительнее,
что Аврилю, в общем, удалось раздобыть сведения довольно под-
робные и разносторонние. Сведения эти очень ценились современ-
никами, на что указывают уже переводы книги; ею широко поль-
зовался Витсен и различные компиляторы начала XVIII века. Об
Авриле см. еще Adelung, op. cit. Bd. I, № 26, Bd. II, № 139, S. 377; H. Cordier
Bibl. Sinica² III, col. 2088—2089. Нижеследующий перевод принадлежит
Н. А. Полевому: „Сведения о Сибири и о пути в Китай, собр
ранные миссионером Ф. Аврилем в Москве в 1686 (sic!) году" —
„Русский Вестник" 1842, № 4, стр. 69—73 (первый отрывок) и
94—103 (второй отрывок); он, однако, не вполне точен, почему и
исправлен во многих местах согласно с подлинником по изданию
1692 года (livre troisième, p. 165—170—первый отрывок и p. 203—218—
второй отрывок).

Как тщательно ни старались древние географы передать нам
сведения об обширном пространстве между Обью и Великою Сте-
ною Китайскою, надобно признаться, что они весьма мало в том
успели. Одни не говорят почти ничего, а другие, желая сказать
многое, сообщают нам догадки и предположения в качестве поло-
жительных истин. Новейшие описатели были не более счастливы,
ибо, дополняя сведения своих предшественников, они ничего к ним
не прибавили, кроме упоминания о дремучих и бесконечных лесах
и множестве ужасных пустынь, наполняющих будто-бы эти обшир-
ные и необитаемые пространства.

Казакам запорожским, т. е. обитающим ниже днепровских
порогов (au dela des sauts du Borysthène), всего более обязаны мы подроб-
ными сведениями о землях, которые прежде почитались недоступ-
ными пустынями, куда невозможно пуститься страннику, не подвер-
гаясь очевидной опасности погибнуть. Ныне все эти страны столь
уже известны, что в них путешествуют так же легко и удобно, как
в европейских землях.

Когда москвитяне победили запорожцев, то последние, не желая
подчиниться победителям, решились лучше оставить свою отчизну,
которой не могли защитить. В великом числе ушли они за Волгу,
по коей дошли до Казани, а отсюда легко уже было достигнуть

им до Иртыша (l'Irtihs). Они продолжали потом путь свой до слияния Иртыша с Тоболом, где и основали город, получивший имя от сей реки [Тобольск]. Здесь распространились они и заняли, наконец, все земли в окрестностях Оби, которые составляют собственно Сибирь, получившую это название от славянского слова с и б и р (septentrion), значащего с е в е р.

Недостаток удобств для жизни и средств для продажи мехов (et pour le débit des peaux), особенно соболей (Martres—Zibellines) принудили потом сибирских казаков примириться с москвитянами, и даже поддаться им, хотя горы и реки, окружавшие их и перерезывающие всю сибирскую страну, делали их безопасными для всяких оскорблений, на которые могли бы отважиться москвитяне. Сибирь постепенно заселялась москвитянами, с тех пор, когда они начали обладать ею, ибо они усердно посылали туда своих яшучиков или соболиных промышленников (Jachutchiki ou des chasseurs de zibellines), беспрерывно умножая число их препровождением в места, где соболей ловят, не только государственных преступников, но и офицеров и бояр, которыми были недовольны, или которые казались им подозрительны.

Так как именно звероловство заставляло москвитян подвигаться далее и далее, в надежде отыскать наилучших соболей, то и нашли они наконец полное удовлетворение желанию своему на острове, который образует река Амур (Yamour), и которым завладели они несколько лет назад, построив там крепость, сделавшуюся причиной начатой ими войны с китайцами.

Что касается самого звероловства, то оно производится следующим образом: посылают в места, где находятся драгоценные звери, полк солдат, обыкновенно проживающий на месте семь лет. Полковник еженедельно отряжает несколько охотников, и они ищут добычи на мелких островках, куда укрываются звери. Убивают их оружием в роде самострела (arbalète), из опасения, что, употребляя огнестрельное оружие, они могут испортить шкуру. Так как успех звероловства требует большой тщательности, то офицерам позволяют, для привлечения к тому солдат, разделять с ними весь излишек, который окажется сверх количества, какое обязаны охотники добывать еженедельно на царя. Такие излишки составляют доход весьма значительный, ибо полковник может получить в течение семи лет службы до 4000 экю, а подчиненные его—по соразмерности. Что касается до солдат, то их доход никогда не превосходит 600 или 700 экю, хотя на них лежит весь труд.

Кроме соболей, добываемых на всем пространстве обширных земель, находящихся между Московией и Китаем, есть еще род зверей, не менее драгоценных и не менее превосходных; таковы, напр., черные лисицы, (les depoüilles de certains Renards noirs), которых нигде более не находят, кроме Сибири и Китая. Их стараются добывать с тем большим усердием, что сбыт их всегда верный,

а цена весьма большая. Не знаю, редкость-ли сего зверя или необыкновенный цвет его шкуры заставляет так дорожить им; но если бы кто вздумал купить черную лисицу, то он может сделать это только со следующим условием: дать столько денег, сколько поместится в шкуре лисицы.

Хотя уже с давнего времени торговля сего рода товарами установилась в Московии, но многого ей не доставало прежде для того, чтобы она могла быть в такой степени обширною, как ныне. До открытия соболей в Сибири и во всем государстве довольствовались мехами обыкновенными, и кроме горностаев, каких употребляли только знатнейшие люди, почти не знали других дорогих зверей. Но со времени открытия, более случайно нежели искусством, зверей, столь требуемых всюду, москвитяне прилагают такое старание удовольствовать свою жадность обогащения на счет тех, кто тщеславится украшением драгоценными мехами, что не взирая ни на какие опасности пускаются они в дикие северные страны, одушевляемые надеждою прибылей.

Посредством своих, хотя и весьма беспорядочных странствований, проложили они множество новых путей, которые незаметно довели их до самого Китая. Все ведущие туда известные дороги совершенно различествуют одна от другой, однако же мы узнали, каких именно надобно придерживаться, дабы безопаснее и скорее совершить путь.

Кроме тех родов татар, о которых я говорил, есть еще другие, называемые: Остяки, братские, якуты и тунгусы (Ostiaki, Bratski, Jakuti et Tongusi), рассеянные по рекам и озерам, находящимся на пространстве земель от Сибири до земли монгольской. Но как у всех сих народов одинаковая физиономия и один язык с калмыками, то и должно полагать, что они суть разные отделившиеся орды от калмыков, и что, привыкнувши постепенно к москвитянам, они покорились наконец им. Все сии народы цвета смуглого, более оливкового, нежели черного. Лицо у них необыкновенно широко, углублено книзу, выставилось кверху; глаза маленькие, но исполненные огня, нос короткий и совершенно сплюснутый; губы и подбородок не обильны волосами; ростом они немного выше среднего, складны, ловки и вид у них смелый, хотя ничего нет в них свирепого и слишком дикого. Платье у всех почти одинаковое и состоит из нескольких овчин, сшитых вместе, составляющих род куртки самой простой формы, которую подпоясывают они веревкою, на коей висят у них колчан и лук, которыми они всегда вооружены. Голову бреют они до самой верхушки, где оставляют пучек волос, довольно густой, так что из него заплетаются две косы, и одна висит спереди, другая сзади. Прикрывают они голову круглым колпаком, сшитым также из овчин, и на верхушке его пришивают кисть из

красного или другого какого-нибудь цветного шелка. По такому значку можно узнать различие орд, ибо каждое племя выбирает себе особый цвет для отличия от других. Но живущие в тех местах, где добывают соболей, употребляют шкурки этих животных на одежду и с тем вместе шкуры собак, которых содержат они в большом количестве. Обыкновенно те и другие шкуры сшивают они вместе так, что одна служит подкладкой другой. Собольи меха, хотя и красивее, но составляют подкладку, а собачьи верх. „Справедливост ьтребует,— говорят они, — чтобы собака, которая поймала и изловила соболя, всегда была предпочитаема, и после смерти своей имела преимущество над неприятелем, побежденным ею при жизни".

Из описания различных татар, обитающих в стране между Обью и Китаем, мною изложенного, можно легко понять, что москвитянам, поддерживаемым казаками, не трудно было проложить себе путь от Сибири до великой империи Китайской, ибо не находили они никого, кто бы мог или хотел оспаривать у них власть над землею, и так как первые, покоренные ими кротостью или оружием сибирские народы имели сношения со всеми ордами, рассеянными далее, то посредством их производили они свои открытия, и различными дорогами приблизились, наконец, к пределам Китая, где построили даже несколько крепостей, дабы вернее упрочить свои завоевания.

Самая отдаленная из этих крепостей называется Албазин. Она отстоит от Пекина не далее трех недель пути, а от Москвы до нее путь продолжается более трех месяцев. Находится она на реке Амуре, подавшей повод к войне, которую ныне ведут москвитяне с китайцами. Те и другие присваивают себе право добывать жемчуг в упомянутой реке и ловить соболей, находящихся в величайшем множестве на острове, образуемом этой рекою. Так как великое расстояние этого пограничного места от Москвы препятствует москвитянам посылать достаточное количество войска для поддержания войны, которую близость Китая делает легкою татарам, там властвующим, то цари московские рассудили, что лучше предложить мирные условия, нежели подвергать войско всяким опасностям, которые необходимо испытать ему, проходя до границ Китайской империи. Китайцы не отвергли сделанных им предложений. Они выслали посольство далеко за Великую Стену, разделяющую владения их от земель западных татар, и присоединили к этому посольству даже двух французских иезуитов из числа тех, которых его христианнейшее величество послал, шесть лет тому назад, в эти отдаленные страны, дабы они служили толмачами (truchemans), уведомя притом москвитян, чтобы и они прислали человека, знающего латинский язык. Неизвестно до сих пор доподлинно, успешны ли были начатые переговоры.

После всех этих изъяснений, о которых я счел необходимым особенно распространиться, не сомневаюсь, что оставят, наконец, ложные понятия, какие составляют себе у нас в настоящее время касательно расстояния между Европою и Китаем, и убедятся, что из всех путей для достижения этой цветущей империи дорога, по коей ездят москвитяне, несомненно, самая краткая и самая верная из всех существующих. Но кроме такой выгоды, весьма значительной, удобство экипажей способствует еще более облегчить тягость, нераздельную с путешествиями этого рода. Обыкновенно выезжают из Москвы в конце февраля, и так как в то время снега бывают более крепки и хорошо укатаны проездом множества саней, которых едет тогда гораздо более, нежели в начале зимы, то путешественники менее трех недель употребляют для достижения столицы Сибири, хотя она отстоит от Москвы более нежели на 1800 верст (Wersts), что составляет до 350 французских льё.

Здесь несколько времени ожидают оттепели, чтобы взять суда (sudais) или корабли, на коих плывут по рекам, по сю и по ту сторону впадающим в Обь. Если вскрытие рек задерживается долее обыкновенного, продолжают путешествие сухопутно до татарской орды, называемой остяки (Ostiaki), которая подчинена москвитянам.

Там переменяют экипаж и берут особенный род саней, легче и удобнее прежних, которые отсылают в Тобольск. Сани, обыкновенно употребляемые в Московии, везет лошадь, прокорм которой мог бы затруднить, а в остяцкие сани запрягают особенного рода оленей, кажется тех самых, на которых ездят самоеды. Для поспешного хода и облегчения припрягают к оленю большую собаку, и она отчасти помогая везти, отчасти поощряя своим лаем, заставляет его бежать столь скоро, что в одни сутки проезжают иногда по 40 лье.

Всего удивительнее в сибирских санях то, что они движутся ветром по земле, покрытой снегом, или по льду рек, точно так, как будто какая-нибудь лодка по воде. Земли за Сибирью довольно открыты и чрезвычайно ровны, даже до самых Кавказских гор, и жители сих стран, пользуясь местным удобством, приучились делать сани свои таким образом, что, облегчая животных, можно их кроме обыкновенной упряжи, пускать под парусом, если только ветер благоприятный и попутный. Такой образ езды тем удобнее, что путешествие притом не прерывается, ибо, как в лодке, употребляют греблю при недостатке ветра и перестают грести, если есть ветер, в сани запрягают оленя и собаку, когда настает безветрие, и вводят их в сани, когда ветер хорош и можно употреблять его для езды под парусом. Так путешествуют, пока есть еще зимняя дорога, до реки, называемой Енисей (Genessai), где москвитяне построили город этого имени для удобства проезжающих. Здесь берут лодки для плавания по двум огромным рекам, из коих одна называется Тунгуска (Tungusi), а другая Ангара; вторая вытекает

из озера Байкала (Baikala), простирающегося на 500 верст в длину и на 40 в ширину. Сказывают, что вода в этом озере чрезвычайно прозрачна, так что на всякой глубине легко можно различить камешки, находящиеся на дне. Озеро окружено многими высокими горами, на коих снег сохраняется среди самых сильных летних жаров, как будто зимою, и потому-то, вероятно, путешественники употребляют иногда более семи и восьми дней на переезд озера, хотя весь переезд через него едва составляет восемь лье. Здесь, можно сказать, бывает место столкновения всех ветров, перелетающих по огромным утесам нагорным, окружающим озеро, и ветры, пересекаясь одни другими, затрудняют плавание и препятствуют ходу судов, так что потребна большая ловкость или счастье не быть задержанным несколько лишнего времени.

Переплыв озеро, входят, если кому угодно, в реку, называемую Селенга (Schelinga), на которой, почти в 50 ти лье от ее устья, находится город того же имени, устроенный москвитянами для облегчения проезда караванов. Но кто захочет ехать от Байкала немедленно сухим путем, тот, переплыв озеро, обращается в селения монгольские, находящиеся на южном берегу, покупает здесь мулов и верблюдов, и едет прямо до первого китайского города, которого достигают через две недели пути.

Так путешествуют ныне большею частью московитские купцы, торгующие с китайцами. Из этого можно видеть, что все эти земли, прежде известные в общем под именем Великой Татарии, не суть ни степи, ни пустыни, как доныне воображали. Весьма жаль, что ими не пользуются, ибо они орошены большим количеством прекрасных рек, и доставляют множество драгоценных товаров, беспрерывно все более и более умножающихся.

Не говоря о ревене, ляпис-лазури, бобрах, находимых у монголов и узбеков, соболях и черных лисицах, коих ловят по течению Оби, Тунгуски и Ангары, корне жень-шене (Ginseng), жемчуге и бадьяне (Badian), доставляемых Амуром, серебряных и свинцовых рудах на Аргуни (Argus), москвитяне нашли, особенно в странах далее к северу, много драгоценных редкостей, которыми ведут выгодный торг.

Кроме мехов всякого рода, оттуда вывозимых, добыча коих бывает столь велика, что один город Енисейск (Ville de Genessia) платит ежегодно пошлины в царскую казну 80 000 рублей, то-есть почти 120.000 экю на наши деньги, там открыт еще особенный род кости, белее и глаже слоновой, получаемой из Индии.

Кость эту доставляют не слоны, ибо северные страны слишком холодны для этого рода животных, любящих тепло, но особенный род водоземных зверей, которых называют „бегемот" (behemot) и обыкновенно находят в реке Лене или на берегах Татарского моря. Нам показывали в Москве много зубов этого чудовища, которые были 10 дюймов в длину и 2 дюйма в ширину, в корне. Слоновые

клыки не сравнятся с ними ни крепостью, ни белизною, когда притом бегемотовые зубы, при других качествах, имеют еще свойство останавливать кровотечение, если иметь их при себе. Персияне и турки весьма охотно покупают их, и так дорожат ими, что саблю или кинжал с рукоятью из бегемотовой кости предпочитают сабле и кинжалу с серебряною и даже золотою рукоятью.

Надобно было угадать ценность этого товара тем людям, которые пустили его в ход, ибо много надобно было им иметь отваги, чтобы решиться на бой с животным, доставляющим его, бой опасный, не менее, чем ловля крокодилов.

Открытие бегемотовой кости сделано было жителями острова, откуда вышли, по словам москвитян, первые колонии, населившие Америку. Вот что узнали мы о том от смоленского воеводы Мусина-Пушкина (Vaivode de Smolensko Mouchim-Pouchkim), одного из умнейших людей, каких только я видел, в совершенстве знающего все земли за Обью, ибо он долго был интендантом в канцелярии Сибирского Департамента (Intendant de le Chancellerie du département de la Sibérie).

Спросивши нас в разговоре, какой мы с ним имели, каким образом, по мнению нашему, населилась Америка, когда мы сказали ему все, что обыкновенно о том думают, он отвечал нам, что по его мнению есть догадка, правдоподобнее нашей.

„За Обью,— продолжал он — находится огромная река, называемая Кавойна (Kawoina), в которую впадает другая, именуемая Лена (Lena). В устье первой из них, впадающей в Ледовитое море, есть большой и весьма населенный остров, весьма замечательный ловлею бегемотов, животного водоземного (behemon, qui est un animal Amphibie), зубы коего весьма дорого ценятся. Островитяне часто приезжают к берегам моря за ловлею бегемотов, и так как ловля их требует много труда и времени, то обыкновенно привозят они с собой свои семейства. Часто случается, что захватывает их здесь вскрытие моря и бедняков уносит неизвестно куда, на огромных кусках льду, отделяющихся один от другого.

Не сомневаюсь, что многие из охотников, таким образом захваченных, доплывают на льдинах к северному мысу Америки, весьма недалекому от этой части Азии, оканчивающейся Татарским морем. Меня убеждает в мнении моем то, что американцы, обитающие на выдавшейся далее других в море в сей стороне части Америки, одинакового вида с островитянами, которых ненасытная жадность прибытка подвергает погибели или опасному переезду в чужую сторону".

К тому, что говорил нам воевода, можно прибавить еще и то, что на американском берегу находят многих животных, которые также водятся и в Московии, особенно бобров, которые могли перейти туда по льду. Такая догадка кажется мне тем основательнее, что в Польше видел я, как огромные куски льду целиком

плывут от Варшавы и уплывают далеко в Балтийское море. Надобно бы, для удостоверения в деле столь важном, разведать об языках, коими говорят два упомянутые, похожие один на другой народы, живущие один в Азии, другой в Америке, ибо если бы открылось сходство в языке, то и сомнения в сходстве их более никакого не оставалось бы.

Весьма много любопытного могли бы мы узнать от упомянутого смоленского воеводы, который, без сомнения, может быть назван одним из самых просвещенных москвитян, но мы боялись вопросами навлечь на себя подозрение. Заметив из ответов его, что он опасается причинить себе откровенностью какие-нибудь неприятности при дворе, где и без того его редкие достоинства навлекли ему много врагов, мы не смели докучать ему нашим любопытством.

Может быть удивятся, вспоминая о множестве превосходных рек, текущих столь близко от Китая, почему москвитяне не извлекают себе из них выгод, повидимому, представляемых ими, и не заведут торговли с китайцами, и даже с японцами, вернее и легче производимой ими сухим путем. Но мне кажется нельзя винить москвитян, что они поступают иначе, ибо кроме того, что они имеют малые сведения в мореплавании, самые реки, имена коих едва известны в Европе, представляют для плавания непреодолимые препятствия.

Чтобы понять это надобно знать, что в стране, лежащей за Сибирью, находятся четыре главные реки, текущие в море, которое мы называли Ледовитым или Татарским и в море Японское, не говоря о множестве других, которые можно видеть на карте Сибири, верно списанной с той, которую сохраняют в московской канцелярии.

Самая западная из упомянутых больших рек есть река Обь; после нее одну за другою встречают, идя к востоку: Енисей, Лену, Амур. Но как ни велики эти реки, судя по обилию вод и по длине их течения, столько неудобств испытывают в плавании по ним и столько опасностей при выходе из их устьев, что купцы предпочитают путь в Китай по земле опасному водяному пути. Говоря отдельно о каждой из этих рек, должно заметить, что Обь весьма опасна для плавания в устье по причине ужасных льдин, которыми бывает она загромождена почти целый год. Москвитяне помнят о бедствии голландцев, когда они, слишком далеко пустившись в Ледовитое море, потеряли много своих кораблей близ Новой Земли.

Река Енисей, кроме этого, общего у нее с Обью неудобства, представляет еще особенное, состоящее в девяти подводных утесах или падениях воды, что называют москвитяне порогами (porohi ou poroges). Сии пороги отдалены один от другого по нескольку лье и как необходимо столько раз разгружать суда, сколько должно перейти порогов, понятно, почему купцы, стараясь избежать затруднений перегрузки, предпочитают избирать сухопутный проезд.

Течение Лены удобнее для плавания обеих упомянутых мною рек, но устье этой реки представляет опасностей и затруднений не менее Обского и Енисейского. Хотя льдов здесь встречают менее, но множество подводных камней препятствовало доныне проходу в море самых малых судов. Отваживаются плавать здесь только плоскодонные гондолы, отправляемые для сбора белых и черных рыбьих костей, которых находят по прибрежным морским утесам и употребляют на разные изделия. Хотя река Амур, самая восточная из всех, впадающих в Японское море, не представляет неудобств, встречаемых по другим рекам, но и в ней находится затруднение не менее значительное, а именно то, что в том месте, где она сливается с морем, растет величайшее множество морского тростника, так что устье реки, кажется, как будто заросло лесом. Такое препятствие легко можно бы уничтожить, если бы тростник походил на растущий обыкновенно в наших реках, но меня уверяли, что амурский тростник вырастает необыкновенной величины, так что человек едва может обхватить тростину руками. По этому можно судить, какую тяжкую работу составит очищение прохода в море, если для того надобно вырубить или, лучше сказать, с корнем вырвать необозримый лес толстых деревьев.

Как ни странны кажутся по свойствам своим все эти реки, они однако же служат москвитянам большим пособием для удобнейшего переезда через обширные земли, простирающиеся от Сибири до Китайской империи, ибо кроме того, что когда они замерзнут, по льду, их покрывающему, ехать легче и удобнее, нежели на земле, где дорога не может быть столь гладка; они гораздо судоходнее к вершинам их, нежели к устью, и если, плывя по ним, встречают иногда пороги, они не столь высоки и не столь опасны, как находящиеся выше.

Самое замечательное в порогах то, что воздух кругом их благоухает, и в нем распространяется столь приятный запах, что кажется, как будто жгут в этих местах самые драгоценные ароматы. Если этот рассказ путешественников, от которых мы слышали его, справедлив, не трудно объяснить такое явление. Говорят, что по вершинам утесов, образующих падения вод, растут в величайшем обилии пахучие цветы. Понятно, что так как великий аромат сильнее дает чувствовать силу и прелесть свою если помять его или приблизить к огню, то и воздух, напоенный благовонием, должен быть пахучее, если его движет и разгорячает падение быстро текущих вод. Здесь прилично было бы поговорить вообще о Сибири, если бы я мог сказать о ней что-нибудь особенное, но Сибирь не отличается от других областей Московии ничем, кроме сильного холода. Впрочем, судя по множеству городов и селений в этой отдаленной области, легко убедиться, что она не так дика и не так безлюдна, как обыкновенно о ней думают.

ПРИМЕЧАНИЯ

Казакам запорожским]. Авриль смешивает казаков запорожских с донскими и уральскими; отсюда несообразности его последующего рассказа.

Сибирь, получившую это название от славянского слова сибир], Этимология названия „Сибирь" от слова „север" была очень распространенной в XVII и еще в XVIII веке. Так, например, Шлейсинг (см. ниже) в первой главе своего сочинения, озаглавленной: „О Сибири и о том, откуда пошло ее название", серьезно объясняет, что „есть громадная разница между Severiam и Sieveriam": „первое это княжество в России, лежащее между Новгородом и Москвой", „второе же, именно страна Siewerla, а не Sibyria, как ее называют некоторые историки, была прежде суровой и дикой страной, в которой не было никого кроме преступников, присужденных ловить там соболей... и которое получило свое название от слова север (Siewer)". Такое мнение пытался опровергнуть, впрочем очень наивными доводами, еще Фишер в начале своей „Сибирской истории" (СПб., 1774, стр. 3); против славянского происхождения названия он возражал потому, что „по отношению к России Сибирь лежит не на севере, а на востоке" и потому также, что между словами Сибирь и север есть звуковое различие. Впрочем, еще В. М. Флоринский (Заметка о происхождении слова „Сибирь".— Известия И. Томского университета, т. I, 1899, стр. 1—14) утверждал, тоже без достаточных оснований (предполагая доказанным давно отвергнутое мнение Иловайского и Забелина о славянском происхождении гуннов), что название Сибирь „взято от славянского корня север и было присвоено народу северянам, переиначенному по инородческому произношению (?) в сабиров". „Что касается до имени самого народа севера, север, северяне,— продолжал В. Флоринский,— то оно могло быть взято либо от страны света, по месту первоначального жительства северян, либо от другого значения слова север, употреблявшегося в древне-русском языке. Как известно, оно имело и имеет на славянском языке два значения — страна света и холодного ветра, стужи (borcas). В переносном значении, в отношении к народу, оно могло обозначать также, как и в латинском языке, строгий, жестокий, суровый, непреклонный (severus), что вполне соответствовало бы тем сведениям о характере северян, какие высказаны об них летописцами". Такая точка зрения не имеет научного значения и давно оставлена. О других толкованиях слова Сибирь см. т. I, стр. 54—57.

ящуников или соболиных промышленников]. Слово Jachutchik— вероятно испорченное „ясатчик", сборщик ясака. Весь рассказ Авриля о способах ловли соболей и об охотниках на них (Die Zobelfänger Jachutchiki) в немецком переводе, но без всякого указания на источник, приведены в книге: „Der allerneueste Staat von Siberien etc. Nurenberg, 1720, S. 56—58.

построив там крепость]. Имеется в виду, вероятно, Албазин, см. выше Фон Горн, стр. 78.

дать столько денег сколько поместится в шкуре лисицы]. Аналогичные способы обмена действительно практиковались в примитивной торговле. „Торгуясь в Сибирь,— замечает А. Миддендорф (Путешествие на север и восток Сибири, ч. 2, СПб. 1869, стр. 77—78),—русских встречали племена, которые приносили собольи шубы... за железный котел в то время давали столько соболей, сколько их в него входило, а за нож платили 6 соболей (Steller, Kamtchatka, S. 119). В XVI веке такой же способ обмена засвидетельствовал Павел Иовий: говоря о дороговизне мехов, он замечает: „но было время, когда эти меха покупали за более дешевую цену, именно самые отдаленные племена севера... Так, например, жители Пермии и Печоры обыкновенно уплачивали за железный топор

столько собольих шкурок, сколько их, связанных вместе, московитские купцы могли протащить в отверстие топора" (Книга о Московитском посольстве, перев. А. И. Малеина, стр. 267). В китайской книге „Шесть глав о Хэй-лун-цзянской провинции" относительно орочон сказано: „В отдаленных границах котлов (металлических и глиняных) очень мало. И когда (поэтому) купцы впервые проникают (сюда), то выменивают котлы на соболей, смотря по размеру котла; коль скоро соболь заполняет (собой) котел, то и соглашаются на обмен" (А. В. Гребенщиков. В Бухту и Мэргень по р. Нонни. Харбин. 1910, стр. 24).

все ведущие туда известные дороги]. Далее следует в подлиннике описание дорог из Москвы в Пекин, причем автор замечает, что все, им сообщаемое, собрано из описаний, которые хранятся в канцелярии одного из приказов („dans la chancellerie de Moscou"). Что такие данные, действительно, существовали, подтверждают и другие иностранцы, например, Рейтенфельс, который замечает, что „переводчик Виниус (тот самый, который потом был в Сибири) даже начертил не так давно (рассказ относится к 1671—73 гг.), в главных чертах, путь из Москвы в Китай на географической карте (Чтения в Общ. Ист. Др. 1906. III, стр. 98); И. П. Козловский (Первые почты и первые почтмейстеры в московском государстве, т. I, Варшава. 1913, стр. 226, 239, 202) высказывает предположение, что чертеж этот составлен Виниусом около 1667 г.; во всяком случае интересно, что впоследствии им могли воспользоваться иностранцы. F. Duchmeyer (Korb's Diarium und Quellen die es ergänzen. Berlin 1909, Bd. I, S. 128—132, 248) приводит из Амбергского архива интересные данные о дружественных сношениях А. Виниуса и императорского посла в Москве в 1698 г. Христофора Гварианта, из которых видно, что Виниус препроводил ему „карту всей Сибири и не пожелал ее издавать иначе, как по взятии ему", и при этом наводил у него справки относительно определения высоты полюса. Этот Виниус с 1697 г. заведывавший Сибирским приказом, уже в 1696 г. велел боярскому сыну Семену Ремезову написать в Тобольске на александрийской бумаге с привезенных к Москве сибирских городовых частей листы и добавить недостающие чертежи городов во все стороны от Тобольска. Вслед за этим появился „Список чертежа Сибирския земли", списанный из окладной книги, „сочиненной в бытность в Сибирском приказе боярина кн. Репнина и при думном дьяке Андрее Виниусе в 7205 г." („Русск. Магазин" 1791—1792. т. I. стр. 403—415). В 1701 г. Семеном Ремезовым закончено было, по распоряжению Виниуса, издание „чертежной книги Сибири" (об источниках ее см. Н. Г. Оглоблин. „Библиограф" 1891, № 1). Одною из карт, аналогичной составленной Виниусом (возможно, что именно картой Спафария, как предполагает G. Cahen), воспользовался и Авриль для своего описания дорог в Китай и для составления приложенной к его книге карты (она воспроизведена у нас на рисунке, приложенном к настоящему тексту). В 1669 г. „изысканием" стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова с товарищи составлена была „Ведомость о Китайской земле и глубокой Индеи" („Памятники Древней Письменности и Искусства" вып. CXXXIII, 1899, стр. 14—35), в которой, наряду с обстоятельными и для своего времени весьма точными данными о государственном устройстве китайской земли, о религии, обычаях жителей, торговле и т. д., есть также сведения о путях из России в Китай через Сибирь („А от Москвы де в Китай мочно поспеть и из Китаи назад к Москве поворотитца одним годом.. А дороги в Китаи через два калмыцкие Аблаева и Селгины улусы есть разные и не нужные хлебом и водою" и т. д.); немало данных об этих дорогах заключено также в других русских географических сочинениях о Сибири (см. А. Титов Сибирь в XVII веке, М. 1890, стр. 37—38: „Чертеж всей Сибири", „Список чертежа Сибирския земли", 1672. стр. 49—50 и т. д.). Таким образом, Авриль мог в Москве получить в конце 80-х гг. достаточно подробные сведения об интересовавших его сухопутных путях в Китай; нужно прибавить, что он пользовался также рукописью Спафария и расспрашивал в Москве среднеазиатских купцов.

В результате Авриль мог описать в своей книге 6 различных дорог в Китай (Voyage en divers états d'Europe et d'Asie, 1692, p. 170—175): 1) „Через

Индию и Моголовы земли" („des Indes et du Mogol"), которой ездят „татары астраханские и бухарские", 2) Через города Самарканд, Кабул, Кашмир, Турфан (Tarafan) и „многие другие города узбеков"—ею также ездят бухарцы. „Московитяне не страшатся однако же ездить по этой дороге; нередко пускаются они по ней из Тобольска на Бухару через Казань, чтобы соединиться с узбеками, хотя гораздо легче им ездить в Китай по р. Оби", 3) „Из Тобольска едут сперва вдоль озер, из коих добывается соль, подле Иртыша (Irtichs) и Камы (?)". Потом следуют несколько времени по течению первой из названных рек до города, именуемого Синкаме (Sinkamé), откуда продолжают ехать сухопутьем через земли Кокутана (Kocutan), отстоящего не более как на восемь или десять дней пути от знаменитой стены, отделяющей Китай от Великой Татарии"; 4) „Четвертая дорога, предполагая, что сперва проехали до Тобольска и потом по рр. Оби и Селенге (Szelinga) до города Селенгинска (ville de Szelingul), идет сухим путем до земли Монгольской. Потребно восемь недель на проезд от упомянутого города до места, где обитают тайша или хан Бешроесаин и Хутухта-лама (Taiso ou le Kan Bechroesaïn et le Coutousta-Lama). Легко получают от этого хана, посредством некоторых подарков, проводников и необходимые телеги со стражей до самого Китая. Этой дороги держатся московские купцы с тех пор, как началась война между московитянами и китайцами на Амуре; кроме того, она вообще самая безопасная и самая удобная из всех. Должно только запастись в некоторых местах водою и дровами, и хотя по дороге встречаются разбойники, но их мало и они не столь свирепы, как в других местах"; 5) Эта дорога—та, по которой из Москвы в Китай ехал Н. Спафарий; 6) Эта дорога также ведет через Нерчинск (Nerczinski) на реке Шилке, затем в Монгольскую землю, откуда едут к озеру Далаю (Dalai). „Из Нерчинска до этого озера достигают в неделю. Там обитают подданные китайского императора, которые обрабатывают все окружные земли; отсюда в три недели можно доехать в Китай на телегах, везомых быками. Из озера Далая вытекает река Аргунь (l'Argus). Она вся судоходна, и по ней в короткое время достигают до реки Амура, в которую она впадает. Здесь есть рудники серебряные и свинцовые, и живет значительный тайша, называемый зебденхан (Sebdenkan). Он обязан три раза в год препровождать московских купцов, едущих в Китай, и заботиться, чтобы проезд их был безопасен и непродолжителен". Далее следует (р. 175—194) описание народов, живущих около Китая, с таким замечанием: „Его сообщил нам человек весьма надежный, получивший его из московской канцелярии, и ему тем более можно верить, что оно совершенно согласно с летописями китайскими, находящимися в конце философии Конфуция, недавно напечатанной иезуитом Куплэ, а также со всеми известиями путешественников". Дано описание народов: богдойцев (Bogdoi), нучей (Niouchi ou Nouchi), монголов (Mongul), которые, кочуют около озера Далая и по землям, находящимся на р. Селенге", калмыков тибетского царства (Tanchut, Tenduc). а затем говорится и о „сибирских татарах".

Остяки, братские, якуты и тунгусы]. Сл. ниже: Жербильон, стр. 107 под „братскими" разумеются буряты. Высказано было много догадок о происхождении этого названия; они сгруппированы в статье *М. Н. Богданова*. Из истории бурят. „Записки Западно-Сибирск. Отд. Р. Г. общ.", т. XXXVIII (Омск. 1916), стр 43—56.

самая отдаленная из сих крепостей называется Албазин]. Сл. ниже: Жербильон

лучше предложить мирные условия]. Переговоры между Россией и Китаем, имевшие целью определение границ обоих государств, начались в 1687 г.; однако, мирный договор был заключен в Нерчинске 27 августа 1689 г. лишь по отъезде Д. Авриля из Москвы, отчего он и говорит далее: „неизвестно до сих пор доподлинно, успешны ли были начатые переговоры". По Нерчинскому договору Бейтон должен был оставить Албазин и китайцы, на возвратном пути из Нерчинска, окончательно его разорили; с этого времени русские не возобновляли Албазина и не селились в нем (Х. Трусевич. Посольские и торговые сношения с Китаем, М. 1882, стр. 31—35). Нерчинский договор напечатан у Г. Юзефовича. Договоры

России с Востоком, политич. и торговые, СПб., 1869. В китайском освещении переговоры в Нерчинске представляются в следующем виде: в 1689 г. съехались русские и китайцы в Нибджао (Нерчинск) и „положили, чтобы течение Шербитзи и восточное протяжение гор Хинганских было границей. Таким образом, Нибджао сделалось самым близким местом к нашим (т. е. китайским) границам, а Якса (Албазин) и другие места остались в нашем владении. На берегах Шербитзи поставили столб с надписью: позволили русским приезжать однажды в год для привезения дани и для производства торговли. С тех пор не нарушали уже они заключенных условий" („Историческое и географическое описание России, изъятое из китайской географии". „Московск. Телеграф". 1825, III февраль, стр. 220—221; *Б. Г. Курц.* Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII ст. 1929, стр. 49—54).

и присоединили к этому посольству даже двух французских иезуитов]. Один из них был действительно француз—*Жан Франсуа Жербильон* (о нем см. следующий текст), другой португалец *Томас Перейра*. С рассказом Авриля интересно сравнить рассказ об этом другого иезуита, *Франциска Эмилиана*, императорского миссионера в Москве (июнь 1699 г.): „немного лет тому назад русские перешли за свои границы и присвоили себе часть китайской земли, на которой была более богата ловля соболей, и не хотели возвращать ту землю китайцам. Китайцы выступили против русских с 300 тысяч солдат, тогда как у русских было не более двенадцати тысяч, и китайцы совершенно истребили бы их, если бы не вмешались наши отцы и не выпросили для русских пощады, как рассказывал очевидец, сам бывший там в то время, благочестиво уже почивший г. Шмаленберг; но другой, товарищ его, русский Головин, чтобы оправдать себя в том, что потеряна эта земля, не постыдился свалить всю вину на иезуитов, будто они сами провели войско против них и проч." (Письма и донесения иезуитов о России XVII и нач. XVIII в. СПб., 1904, стр. 37—38). Роль иезуитов при заключении Нерчинского договора можно считать не вполне выясненной. Историограф Миллер полагал, что самое появление их в китайской миссии в Нерчинске свидетельствует об обмане, употребленном китайцами в этих переговорах, в чем убеждала его та высокая похвала, которую они заслужили от китайского правительства, а Джон Бель (Bell's Travels from St. Petersburg in Russia to divers parts of Asia. Glasgow, 1722,11) прямо называет Жербильона главным уполномоченным с китайской стороны при заключении договора. K. B. Baer. Peters des Grossen Verdienste um die Erweiterung der geographisch. Kenntnisse. St. Petersb. S. 14—16), хотя и усумнился в этом, но заметил, что слова Белля „показывают, какую высокую оценку деятельность Жербильона в переговорах получила даже в России". Известно также мнение, что Жербильон и Перейра возвратили китайцам приамурские земли за позволение проповедовать в Китае христианскую веру. (I. Plath. Die Völker der Mandschurey. Göttingen, 1830, s. 362—368). „Иезуиты очевидно способствовали соглашению обоих сторон на основе взаимных уступок, с условием, что Головин доведет об этом до сведения царя, с просьбой облегчить положение католической церкви в России и оказать покровительство их ордену" (*Б. Г. Курц*, Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII в. в., стр. 49—54); нужно думать, однако, что ни Перейра, ни Жербильон, приехавший в Пекин в начале 1686 года, „не имели большого влияния на китайцев, которые проверяли их объяснения с русским посольством посредством монгольских толмачей" (*Ср. Н. Н. Балкашин*, Трактаты России с Китаем. „Памятная книжка Западной Сибири", Омск, 1862, стр. 9), см. еще составленный на основании сочинений иезуитов очерк *П. В. Шумахера:* Наши сношения с Китаем с 1567 по 1805 г. „Русск. Арх". 1879,11.

путешественники менее трех недель употребляют для достижения столицы Сибири]. Авриль преувеличивает легкость путешествия из Москвы в Тобольск. Обычно на это тратили от 2 до 5 месяцев, в зависимости от времени года (П. Бупинский. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков 1889, стр. 16—17). Ю. Крижанич в 1661 г. проехал это расстояние в $1^1/_2$ месяца и мог считать свое путешествие очень быстрым (С. А. Белокуров. Ю. Крижанич в

России. М. 1906, стр. 107). О расстояниях между Москвой и сибирскими городами см. выше, Э. Пальмквист, стр. 46—47.

можно их сани... пускать под парусами]. Весь этот рассказ, иллюстрированный в книге Авриля фантастической картинкой (она воспроизведена у нас на стр. 336, ч. I) можно считать вымыслом.

город этого имени]. Енисейск, построенный в 1618 г., но наименованный городом лишь в 1629 г. (Сл. Ин. Архангельский. Город Енисейск 1618—1918. Енис. 1923, стр. 4—5).

Ангара, которая вытекает из озера Байкала]. Все, что Авриль рассказывает про Байкал, вероятно, основано, главным образом, на описании Спафария. Байкал стал известен русским уже в 30 г. г. XVII в.; так его упоминает роспись бывшего мангазейского воеводы Андрея Палицына (1633 г.): Русск. Историч. Библиотека, 11, 1875, стр. 962; в 1640—41 г.г. воеводы Головин и Глебов смогли уже сообщить в Москву довольно подробные расспросные сведения о Байкале (Дополн. к Акт. Истор. 11, 1846, стр. 248), а в 1643 г. Байкал был посещен управителем Верхоленского острога Курбатом Ивановым, сделавшим набег на остров Ольхон (Фишер. Сибирская история, стр. 547—548; Л. С. Берг Очерк истории русской географической науки. Лгр. 1927, стр. 87).

Однако, еще в 1675 г. Спафарий, видевший Байкал при проезде в Китай, отмечает скудность имеющихся о нем литературных данных: „Байкальское море неведомое есть ни у старых, ни у нынешних земнописателей, потому что иные мелкие озера и болота описуют, а про Байкала, которая толикая пучина есть, никакое воспоминание нет, и для того его здесь вкратце описуем" (Ю. В. Арсеньев. Путешествие Н. Спафария через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая, СПб., 1882, стр. 118—120). Название „Байкал" Спафарий затруднялся объяснить: „А имя того Байкала видется что не русское, а назвали его тем именем по имени некотором иноземца, которой жил в тех местах" (стр. 120); по мнению Н. Ф. Катанова, имя это—монгольского происхождения и значит: „естественное озеро"; Н. Спафарий. Описание Китайского государства, Казань. 1910. стр. 17.

путешественники употребляют иногда более семи и восьми дней на переезд озера]. В современных русских источниках говорится: „А Байкал озеро перебегают парусом до Селенги реки дни в три („Чертеж всей Сибири„); „А Байкал озеро перебегают дни в три до Селенги реки..." („Список с чертежа Сибирской земли"): А. Титов. Сибирь в XVII веке, М. 1890, стр. 31, 47.

не говоря о ревене, ляпис-лазури, бобрах...] Предметы русско-китайской торговли во 2-ой половине XVII в. характеризованы Кильбургером (см. выше, стр. 52). Корень женьшень очень интересовал тогда европейцев и русских. В русских рукописях XVII—нач. XVIII в. сохранился перевод статьи „О корне гензенг" из книги Афанасия Кирхера „Славная Хина" (Сборн. Отд. Русск. Яз. и Слов. Ак. Наук, т. 98, 1921, стр. 48); ср. F. Duckmeyer, Corb's Diarium. Berlin, 1909, Bd. I. S. 40—41.

особенный род зверей... которых называют бегемот]. Во французском подлиннике: „Ce ne sont point les Elephans qui le leur fournissent ...mais d'autres animaux Amphibies, a qui on donne le nom de Bechemot qu'on trouve ordinairement dans la fleuve Lena, et sur les rivages de la mer de Tartarie". Авриль, несомненно, путает полученные им в Москве известия о мамонтовой и моржовой кости. Путешественник в Китай через Сибирь, Лоренц Ланге (1715), пишет также, что в окрестностях Енисейска и дальше к Мангазее „встречается один весьма удивительный сорт костей, находимый по берегам рек и в прилегающих к ним пещерах, похожий на слоновую кость"; передав различные

связанные с этими костями поверья и легенды о происхождении мамонта (сл., т. I, стр. 72), Ланге замечает, между прочим: „некоторые глубокомысленные естествоведы причисляют это животное—мамонта—к бегемотам; в сороковой главе книги Иова дано описание его и указывается очень точно на подобное этому животное" (Н. Ф. Катанов. Известия Лоренца Ланге о Сибири. „Ежегодник Тобольск. губ. Музея", вып. XIV, стр. 6). Другой автор, собрав ряд данных о мамонте в Сибири, резонно замечает: „Так как никто не видел подобное животное живым и не мог описать его внешний вид, то тем самым падает справедливость предположения, что оно похоже на бегемота, это животное больше размерами и опаснее крокодила" (Der allerneuste Staat von Siberien. Nürenberg, 1720, S. 55). Страленберг также полагал, что „мамонт" есть искаженное слово „бегемот" („мегемот") (ср. Сочинения А. С. Усова, М. 1888, т. I, стр. 396—397). Исторические и статистические данные о количестве мамонтовой кости, добывавшейся в Сибири см. у А. Миддендорфа. (Путешествие на север и восток Сибири, ч. I, отд. I, СПб. 1860, стр. 257—258, 261—263); ср. еще Е. Б. Пфиценмайер. (В Сибирь за мамонтом. М.-Л. 1928, стр. 7—15). Говоря далее о том, что „много нужно отваги для того, чтобы решиться на бой с животным, доставляющим кость" и приводя слова русского воеводы о ловле „бегемотов" в Ледовитом океане, Авриль, конечно, имеет в виду моржей, название которых он еще не знал, хотя оно было уже задолго до того известно в Западной Европе (сл. т. I, стр. 81—82).

от смоленского воеводы Мусина-Пушкина] Трудно сказать, какое лицо Авриль здесь имеет в виду: не был ли это Иван Алексеевич Мусин-Пушкин, окольничий с 1689 года? (См. о нем Н. Барсуков. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII в. 1902, стр. 211). Фамилию Мусина-Пушкина носили многие из сибирских воевод во второй половине XVII в.: Матвей Максимович был воеводой в г. Туринске в 1652—55 гг. (Барсуков, op. cit., стр. 251); в конце XVII в. Красноярским воеводой был стольник Петр Савич, в Нерчинске воеводским товарищем был Федор Петрович, сын предыдущего (Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг сибирского приказа, ч. I, М. 1895, стр. 56, 249).

огромная река, называемая Ковойна]. Повидимому, Мусин-Пушкин рассказывал Аврилю про реку, которая была у нас раньше известна чаще под именем Ковымы. Река эта открыта русскими ок. 1641 г Мих. Стадухин, состоявший в звании казачьего десятника, был отправлен Якутским воеводой П. Головиным в бассейн верхней Индигирки. Построив коч, он „поплыл вниз по Индигирке и морем дошел на Ковыму реку" (см. Ф. П. Врангель. Историч. обзор путешествий по Ледовитому океану, СПб. 1841, стр. 6—8, 13—15, 18; Н. Н. Оглоблин. Семен Дежнев. Новые данные и пересмотр старых. СПб., 1890, стр. 13—15, 17, 21, 25 и др; его же. Восточносибирские полярные мореходы XVII века. ЖМНПр. 1903 № 5, стр. 41 и сл.).

В 1647 г. воевода В. Н. Пушкин послал того же Стадухина „морем для проведывания новых земли за Ковыму реку". Здесь Стадухин нашел залежи „кости рыбья зубу"; „за Ковымою рекою на море моржа и зубу моржевого добре много". В своем сообщении про Колыму 1644 г. Стадухин сообщал, что „на Колыме де реке был он для государева ясачного сбору два годы, а Колыма де река велика есть, с Лену реку, идет в море также, что и Лена под тот же ветр, под восток и под север, а по той де Колыме реке живут иноземцы, колымские мужики, свой род, оленные и пешие сидячие многие люди, и язык у них свой" (Доп. к Акт. Историч. III, стр. 99). Вслед за Стадухиным якутский казак Иван Беляна, построивши коч на свои средства, весною 1645 г. спустился вниз по Алазее, „и вышли на море, и морем шли две недели, и пришед на Ковыму реку, и по Ковыме шли вверх 12 дней" (Н. Оглоблин. Восточно-Сибирские полярные мореходы, стр. 59—60). „Имеются сведения, что первым, отважившимся пройти с устья Колымы морем, на восток, был мезенец Исай Игнатьев, который в 1646 году шел на восток двое суток до губы, обитаемой чукчами". В 1648 г. состоялся знаменитый поход Семена Дежнева из

Колымы морем на Анадырь—вокруг северо-восточной оконечности Азии (Л. С. Берг. „История географического ознакомления с Якутским краем" в сборнике „Якутия", Лгр., 1927, стр. 8—9; е г о-ж е, Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука.—Записки по Гидрографии, т. XLVIII, вып. Пг. 1920, стр. 111—112, 122).

Не сомневаюсь, что многие из охотников... доплывают на льдинах к северному мысу Америки]. Не следует удивляться рассказу Мусина-Пушкина о сношениях жителей северо-восточных берегов Сибири с Америкой. Америка уже давно была известна русским книжникам (вероятно, Максим Грек первый сообщил на русском языке сведения об открытии Нового Света; ср. Н. С п а с с к и й. Одна из русских космографий. „Русский Филологический Вестник", 1896, т. XXXV, стр. 95 и сл., 187 и сл., „Понятие наших предков об Америке, из древних хронографов"—„Московский Телеграф" 1832, IV, стр. 594—599; В. С. И к о н н и к о в. Максим Грек и его время, Киев, 1915, стр. 348—350); в XVII веке, с распространением русской колонизации на северо-востоке, Америка привлекла к себе внимание русских администраторов Дальнего Востока. Так, Родес доносит шведской королеве Христине из Москвы 28-го апреля 1652 г. о посылке двухсот стрельцов Францбекову (Фарепсбаху, в 1648 г. назначенному Якутским воеводой): „Идет также слух, решились отправить туда несколько чужестранных офицеров для их предполагаемого путешествия в Америку (America) и чтобы продолжать полное овладение богатой страной, открытой упомянутым Францбековым" (Б. Г. К у р ц. Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родеса, М. 1915, стр. 85). Напомнив о гипотезе Мусин-Пушкина, изложенной у Авриля, Л. С. Берг („Известия о Беринговом проливе"... стр. 212) замечает: „как бы ни относиться к ней, но все же очевидно, что смоленский воевода совершенно ясно представлял себе, что северо-восточные берега Азии близко подходят к Америке. Характер сведений, какими он обладал об этой последней стране, именно нахождение там бобров и сходство жителей с обитателями Азии, показывает, что он черпал из первоисточника—возможно из дел Сибирского приказа. „Остров" против устья Колымы—это Медвежьи Острова". Сл. т. I, стр. 266.,

плоскодонные гондолы]. Дощаники.

величайшее множество морского тростника]. В „Сказании о великой реке Амуре" рассказывается: „По правую сторону, по морю как итти, по воде в губах растет великой камыш, и в лодках ездить тем камышем нельзя для того, что тот камыш великой, густой и толстой" (А. Т и т о в. Сибирь в XVII веке, М. 1890, стр. 111); ср. там же рассказ гиляков об устье Амура: „и есть до там вырос великой камыш и толстой, и тем камышем вдаль на чистое море никоими меры пройти невозможно..." (стр. 112). Интересно, что рассказ Авриля о чудовищном тростнике заимствовал у него Дефо для второй части своего „Робинзона": „Рассказывают,—пишет он,—что устья этой реки (Амура) загромождены громадным тростником, чудовищного роста, толщиною в три фута и вышиною от двадцати до тридцати футов, но я не верю этой басне" (Сл. мою статью „Сибирь в романе Д. Дефо". Ирк. 1928, стр. 9, где, однако, источники этого рассказа я еще не мог указать): так, реальный географический факт, исказившийся в устной и литературной передаче, превращался, в конце концов, в вымысел.

XLIV. ЖЕРБИЛЬОН GERBILLON

(1689)

Жан-Франсуа Жербильон (1654—1707), французский иезуит, родом из Вердена в Северной Франции. Вступив в орден в 1670 г., он был в числе четырех других иезуитов, которые с титулами „Королевских математиков" были отправлены Людовиком XIV в Пекин ко двору 4-го императора Цинской династии Кан-Си. Выехав из Франции в 1685 году, они прибыли туда лишь в 1686 г. (F. v. Richthofen. China, I, S. 679 ff.; Chr. H. Kalkar, Geschichte der christlichen Missionen unter den Heiden, II, S. 356—498). Император Кан-Си, известный своим покровительством иезуитам и своим интересом к европейской науке, удержал при себе Жербильона вместе с патером Иоахимом Бувэ (H. Plath. Die Völker der Mandschurei, Göttingen, 1830, S. 356—498). В 1688—89 году, следовательно вскоре после своего приезда в Пекин, Жербильон был назначен представителем с китайской стороны при заключении Нерчинского мирного трактата и при определении границ между китайским и русским государствами и перевел с китайского языка на латинский ряд оффициальных документов (обменные грамоты, самый текст договора и т. д. (сл. у нас выше, Апрель, стр. 98); благоприятный для Китая смысл этого трактата доставил Жербильону еще большую благосклонность китайского императора). Ср. W. Schüler, Abriss der neueren Geschichte Chinas, 1913, S. 86 ff; H. Hermann. Chinesische Geschichte. 1912, S. 155). Жербильон умер в Пекине в 1707 г. в звании генерал-супериора миссий в Китае, совершив ряд поездок вглубь страны и на окраины ее и оставив целый ряд трудов; среди них особенно ценилась европейцами первая манчжурская грамматика, которую М. Тевено напечатал в описании своих путешествий (Melchisedek Thevenot, Relations de divers voyages curieux. Paris, 1696, vol. IV. Ср. Joh. Gottfr. Eichhorn. Geschichte der neueren Sprachkunde, Göttingen. 1807, S. 397). Большое значение имели, а отчасти сохраняют его поныне, описания его шести поездок по Монголии (1691—1698), особенно для познания еще совершенно неизвестной тогда южной Монголии (F. v. Richthofen, China I, S 680—681). Они напечатаны также у Дюгальда (t. IV, p. 252—421).

Трудами Жербильона между прочим, очень интересовался Г. Г. Лейбниц (см. F. R. Merkel. G. W. Leibnitz und die China-Mission, Leipz. 1920 S. 8, 44, 50).

Ф. Аделунг (Krit.-Liter. Übersicht, II, 378) сообщает, что Жербильон принял участие в качестве переводчика при Московском посольстве в Китай Ф. А. Головина и И. А. Власова в 1686 г. и что он „записал все, что видел замечательного во время этого путешествия"; это известие, однако, неверно: сведения Жербильона о Сибири и в частности о путях из Пекина в Тобольск, помещенные в книге Дюгальда, и в русском переводе, приведенные в настоящем издании (Du Halde. Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise, La Haye 1736, t. IV, p. 64—68), почерпнуты им из устных сообщений одного русского жителя Тобольска, оставшегося жить в Китае и получившего здесь должность и звание младшего мандарина, а также и из других рассказов купцов; сам же Жербильон ездил в Нерчинск и был только в пограничных с Китаем областях Забайкалья (ср. В. Бартольд. История изучения Востока[2], Лгр. 1925 г., стр. 195). В 1698 г., вместе с иезуитом Томасом Перейрою, Жербильон в составе имперской китайской комиссии ездил в Халху, незадолго перед тем передавшуюся Китаю; путь его лежал из Пекина через Барин к Пер-Озеру, затем по р. Толе до впадения ее в Орхон; здесь экспедиция пробыла с 14-го по 24 июля: краткое известие Жербильона об этом путешествии также напечатано в IV томе книги Дюгальда (ср. Henning, Reiseberichte über Siberien, „Mitt. der Gesellsch. f. Erdkunde zu Leipzig" 1905, S. 302—303). По поводу известий Жербильона о Сибири Хеннинг справедливо замечает, что они носили „преимущественно практический характер"; „его интересовали в местностях, пограничных с Китаем, направления пути, расстояния и т. д. Известия же этнографического характера имеют вид случайных, побочных и кратких заметок"; тем не менее они довольно интересны и довольно точны, так как основаны на русских сообщениях. Ныне мы приводим в русском переводе по книге Дюгальда одно из его известий, в котором описан зимний путь из Москвы в Тобольск, а также пути от Селенгинска до Тобольска и от Селенгинска до Нерчинска и Албазина. Книга Дюгальда, заглавие которой дано выше, вышла также в немецком переводе: „Ausführliche Beschreibung d. Chinesischen Reichs und d. Grossen Tartarey. Aus dem Französischen mit Vorrede von Mosheim", Rostock, 1747—1749, 4 Bde (известие Жербильона о Сибири помещено здесь в т. IV, стр. 53 и сл.); существует также и старый русский перевод: „Описание... Китайской Империи и Татарии Китайской; соч. Г. Дюгальда. Перевел с французского Игнатий Гейльс, 2 ч.ч. (СПб. 1774—1777), но вышли только два тома из четырех (В. С. Сопиков-Рогожин. Опыт русской библиографии, ч. IV, № 7544), а интересующие нас известия о Сибири помещены в четвертом томе французского подлинника.

Однако, из IV тома книги Дюгальда русский перевод под заглавием „О великой Татарии" напечатан уже в „Месяцесловах" на 1744, 1745, 1746 и 1747 гг. (перепечатано в „Собрании сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы", ч. I, СПб., 1785, стр. 227—301); Д. В. Путята, Китай, СПб., 1895 (Приложение I: „Извлечение из дневника патера Жербильона", стр. 1—31) привел из того же источника большую выдержку из дневника Жербильона, сопровождавшего имп. Кан-Си в монгольском походе 1696 г. (см. о том же Е. Тимковский. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 г. СПб., 1824, ч. I, стр. 187); кроме того, в „Землеведении Азии" К. Риттера, т. II, СПб., 1859, стр. 241—255, приведены были отрывки из дневников Жербильона во время поездок: 1) Между озерами Буиром и Далай-Ноором к месту собрания халхасских ханов на Улан-Булахе (1698); 2) На нижний Керулэн, 3) от Керулэна до Нерчинска; 4) Вдоль верхнего Керулэна. Сведения о Жербильоне, помещенные у В. П. Саввина (Взаимоотношения царской России и СССР с Китаем. М. 1930, стр. 28—29), мало достоверны; спутник Жербильона португалец Перейра дважды назван здесь французом Нерейром (стр. 28 и 150); ошибочно известие, что Жербильон „за время своего пребывания в Китае написал обширный китайско-русский словарь, который во время анти-миссионерского движения в Китае он вынужден был оставить первой русской духовной миссии". Судя по тому, что в тексте помещаемых ниже в переводе известия Жербильона упоминаются 1688 и 1689 гг., оно не могло быть написано раньше, но данные, здесь приведенные, относятся к более раннему времени. Возможно, что они были пополнены Жербильоном во время его позднейших поездок по Китаю и Монголии; таким образом, точная дата известия не поддается определению, и его нужно считать относящимся к самому концу XVII века. О путешествиях Жербильона см. также у Astley, A New General Collection of Voyages (London, 1745—1747), vol. IV, p. 701—716.

Остается сказать о четвертой народности той части Татарии, которая находится под владычеством москвитян.

Эта часть—наиболее обширная, ибо она простирается с запада на восток от Московии до Восточного моря (mer orientale) и с севера на юг от Ледовитого моря (mer glaciale) до 50-го градуса северной широты в западной части и до 55-го градуса в самой восточной части; но о ней можно только сказать, что это—обширная пустыня; за исключением нескольких местностей Сибири, достаточно населенных, все остальные почти совершенно лишены обитателей.

Я объехал лишь часть границ этих обширных стран: то, что я дальше буду излагать, я узнал от нескольких москвитян и нескольких татар, которые [там] жили и совершали различные путешествия; в особенности от одного москвитянина, который поселился в

Пекине и был там младшим мандарином. Москвитянин этот был захвачен в плен манчжурами при взятии Яксы и, не имея средств к существованию в своем отечестве, охотно принял сделанное ему предложение остаться в Пекине. Он объехал лучшую часть этих обширных областей и, помимо того, что он проделал два или три раза путешествие из Тобольска (место его рождения) в Москву, он ездил из Тобольска на Селенгу, оттуда в Нипчу, где прожил год, из Нерчинска в Яксу (Jacsa), где он провел восемь лет, занимаясь то охотой, то сбором дани, которую [тамошние] племена платят ежегодно царю и которая состоит из прекрасных и дорогих мехов, составляющих главный предмет торговли москвитян.

Вот суть того, что он мне рассказал; рассказ его мне был подтвержден свидетельствами нескольких других столь же осведомленных лиц.

1. Эта народность (nation) отстоит от Москвы не дальше чем на 300 лье. Когда земля покрыта снегом, дорога легко совершается на санях в 20 дней; но летом она почти недоступна для проезда из-за грязи, вод и болот, поэтому торговля—очень значительная—всегда производится зимой.

2. Тобольск или, как говорят москвитяне, Тобольской—большой и весьма торговый город: это—столица Сибири и главное средоточие всех меховых товаров. Окрестные сельские местности производят разнообразные зерновые продукты, овощи и плоды. Управление ведется четырьмя московскими чиновниками, каждый из которых имеет свой круг ведения и власть (son département et sa jurisdiction réglée): они сменяются каждые три года; все, чем москвитяне владеют в Татарии за реками Иртышем (Jrtis) и Обью (Obi), подведомственно Тобольску. В этом городе находится сильный гарнизон из москвитян и состоящих на жалованьи у царя сибиряков.

Город Тобольск—величиной примерно с Орлеан. Он расположен на высокой горе, у подножия которой течет большая река Иртыш и маленькая—Тобол, от которой город получил свое имя и которая в этом месте впадает в Иртыш. Считают около ста лье от Тобольска до места впадения Иртыша в Обь; но нет и половины этого расстояния, если итти напрямик. Иртыш делает много поворотов и изгибов, и нужно пятнадцать или двадцать дней, чтобы пройти эти сто лье, поднимаясь по реке.

В окрестностях Тобольска и между реками Иртышем и Обью живут сибиряки, большей частью магометане. Тех, которые живут между Обью и Енисеем (Genissée), москвитяне называют остяками и тунгусами (Ostiak et Tongoussy). Остяки живут поблизости к Оби и по небольшей реке Кети, а тунгусы—в окрестностях Енисея.

3. Нужно много меньше времени на переезд из Селенги (Selingha) в Тобольск, чем из Тобольска в Селенгу или Селенгинск (Selingué ou Selingha). Селенга собственно река, на которой москвитяне поставили острожек (bourgade) в стране халхасцев (Kalkas), в расстоянии

около 250 лье на север от Китая, и дали этому острожку имя реки. Здесь должны были происходить в 1688 году мирные переговоры между уполномоченными китайского императора и московского царя.

Озеро, называемое Байкал (Paycal), отстоит на юг от этого места на четыре небольших дневных перехода. Это самое большое озеро Татарии и одно из самых больших в мире. Затрачивают три дня пути на то, чтобы из Селенгинска достичь Байкала, куда впадает река [Селенга]. Проезжают через маленький острожек по имени Удинск (Oudë), который расположен также на реке, в одном дне пути от озера. Затем в один день переправляются через озеро, так как в этом месте оно не особенно широко. Затем входят в другую реку, называемую Ангара, вытекающую из озера, и имеющую очень быстрое течение к северу.

Примерно в 10-ти лье от озера, вниз по реке, встречают другой острожек, который зовется Иркутское (Jrkoutskije), по имени небольшой реки, впадающей в этом месте в Ангару. Оттуда в десять или двенадцать дней достигают Енисейска (Genissea); это—село, выстроенное москвитянами на реке того же имени. Продолжают спускаться по Ангаре, течение которой, как я уже сказал, чрезвычайно быстрое и где множество скал, между которыми однако же барки могут пройти, коль скоро ими управляют местные жители. На расстоянии около полу-лье к югу от города Енисейска река Ангара впадает в Енисей: в этом месте он имеет не менее лье в ширину.

По прибытии в город, покидают эту большую реку которая продолжает свой путь к северу, пока не вливается в Ледовитое море. Далее переходят через горы, и делают семь или восемь лье сухопутьем, после чего вновь садятся на суда на маленькой реке Кети (Kiete), которая доступна переходу в брод и течет довольно спокойно, так что барки средней величины могут подниматься и спускаться по этой реке с почти одинаковой легкостью. Они идут на веслах довольно быстро и употребляют только около десяти дней на переход до города или острога, называемого Кетский (Kietskoie) по имени реки.

От этого острожка до впадения Кети в Обь только один день пути; затем спускаются по Оби до места слияния с ней Иртыша и употребляют на это обычно пятнадцать или двадцать дней, затем поднимаются по реке Иртышу до Тобольска.

Это путешествие можно проделать без особых затруднений лишь летом, потому что дорога сухим путем полна гор и лесов и почти необитаема. Жилые места встречаются почти исключительно на берегах рек. От Кетского вниз по Оби после семи или восьми дней плавания встречают город Нарым (Navim) и, проплыв еще столько же дней—город Сургут (Fourgoutte).

4. Озеро Байкал имеет почти 100 льё в длину с юго-запада на северо-восток, но в ширину оно едва ли имеет и десять лье;

оно имеет большую глубину и очень обильно рыбой; горы окружают его почти со всех сторон, земли к югу от этих гор хороши и годны для обработки. Поэтому они и возделываются в нескольких местах москвитянами. Туземцы (les gens du pays) не знают, что такое земледелие. Пшеница и овес растут здесь очень хорошо. Народы, живущие в окрестностях этого озера, москвитяне называют тунгусами (Tongousse), а татары—орочонами. Орочоны селятся преимущественно на реках, текущих к востоку.

Есть здесь еще и другие народы, которых монголы зовут братты (Brattes); это монголы халхасцы (Kalkas); они обитают к северу от реки Селенги. Кроме сибирцев, к югу, между Иртышем и Обью, находятся другие народы, которые называются вогулами (Vouhoulles). Они живут около реки Сосьвы (Sociva), впадающей в реку Тобол (Tobolk), приблизительно в восьми днях пути выше города того же имени. Ближе к истокам Сосьвы москвитяне построили маленький острожек по имени Пелым (Pialing, Пялен), в двадцати дня пути от Тобольска, чтобы править оттуда вогулами и заставлять их платить дань мехами.

Берега реки Лены, которая находится значительно к востоку от реки Енисея, населены другим народом, который москвитяне называют якутами (Jako); они там также построили город или острог, который назван Якутское (Jacouskoie) по имени этих племен и оттуда правят ими. Охота и рыбная ловля составляют все их занятия. Язык этой народности отличен от языка племен, живущих около Енисея, Оби и Иртыша.

От Селенги можно добраться в двадцать дней сухим путем до Нерчинска (Niptchou) по очень открытой местности. В ней живут халхасцы (Kalkas) в местах, годных для пастьбы скота, и большая часть этих халхасцев подчинилась москвитянам. Но так как они были склонны к возмущениям и даже грабили караваны москвитян, то эти последние истребили их почти целиком.

В лесистых местах живут племена, которых москвитяне называют тунгусами и манчжуры—орочонами. Орочоны, о которых я уже упоминал, занимаются постоянно охотой и рыболовством. Они охотятся на соболей, горностаев, черных лисиц и на лосей: мясом этих животных питаются. Живущие около реки Аргуни (Ergon) платят также дань москвитянам. Они строят себе хижины, которые покрывают кожами лосей и северных оленей, называемых манчжурами „орон". Эта река Аргунь, которая нерчинским договором была определена в качестве границы с этой стороны между Китайской и Московской империями, вытекает из озера Далай (Dalai) и вливается в Сахалин-ула (Saghalin-ula), пройдя около ста лье; она повсюду судоходна и в нескольких местах переходима в брод. От устья этой реки вверх до Нерчинска (Niptchou) только восемь или десять дней пути; оттуда до Албазина (Yacsa) два или три дня вниз по реке. Москвитяне зовут острог Nipchou — Нерчин-

ской (Nerzinskoi), он сильно вырос со времени мирного договора, который там был заключен в 1689 году и, благодаря тому, что множество москвитян поселилось там, после оставления Албазина (Jacsa), и вследствие того, что оттуда отправляются идущие в Пекин караваны москвитян.

Вся страна к северу от Шилки до Ледовитого моря между меридианом Пекина и Восточным морем—совершенно необитаемая пустыня. Москвитяне сказали нам, что прошли всю эту страну не найдя жителей, кроме одного места на берегах реки, называемой Удь, где поселились несколько охотников и где они оставили колонию около ста человек, чтобы воспользоваться выгодами, какие предоставляет охота этих племен (peuples): там находят прекраснейшие меха. Москвитяне добавили, что они объехали берега Ледовитого и Восточного морей и всюду находили море, кроме одного места к северо-востоку, где находится горная цепь, вдающаяся очень далеко в море. Они не смогли дойти до конца этих гор, казавшихся недоступными. Если наш материк соприкасается с материком Америки, то это возможно только в этом месте, но соприкасаются они или нет, несомненно во всяком случае, что они не могут отстоять сколько-нибудь далеко друг от друга; если верно, что наш материк тянется в этом направлении на шесть или семьсот лье от пекинского меридиана, как уверяют ездившие по этим странам люди и как подтверждают две карты, показанные нам московскими уполномоченными; если, наконец, принять во внимание, сколько градусов понадобится для такого протяжения страны на параллелях между 70-м и 80-м градусом широты—широты угла Татарии—то нетрудно будет отсюда заключить о значительности расстояния между двумя материками с этой стороны.

Как бы то ни было, несомненно, что эта Восточная Татария является почти сплошь обширной пустыней и что северная часть ее, находящаяся под властью москвитян, далеко не так населена, как Канада. Поэтому москвитяне не извлекают оттуда доходов, кроме мехов и зубов какой-то рыбы, которые красивее, белее и дороже слоновой кости. Они ведут ими большую торговлю в Пекине, но не найдется, пожалуй, людей, кроме москвитян, бедных, привычных к холоду и усталости, которые могли бы выносить столько трудностей для получения такой малой выгоды.

ПРИМЕЧАНИЯ

О четвертой народности]. Жербильон имеет в виду монголов.

Захвачен в плен манчжурами при взятии Яксы]. В китайских источниках так назывался Албазин (N. Witsen. Noord en Oost Tartarye, Amst. 1705. p. 64; Müller. Von der Stadt Albasin und denen darüber bereigten Russ. und Chinesisch. Streitigkeiten—„Samml. Russ. Gesch." I, 1732, S. 315. Du Halde. Description

de la Chine, t. IV, p. 19, 103, 232. „Собр. Сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы", ч. I, СПб. 1785, стр. 244—245). На месте Албазина расположен был некогда один из трех городков даурского князя Лавкая. Во время походов казаков на Амур, под начальством Хабарова, в 1651 г. городок Якса был взят русскими после битвы и переименован в Албазин; тогда же здесь заложен был русский острог. В 1658 г. китайцы его разорили, но в 1666 г. он был выстроен вновь. В 1670 г. Никифор Черниговский, с маленькою толпою бродяг бежавший из Киренска к Амуру, нашел этот город почти в развалинах. Черниговский, несмотря на то, что шайка его была весьма малочисленна, вновь укрепил его. С этого времени Албазин сделался почти единственным владением русских на Амуре и начал все более и более приобретать значения. Однако, когда китайцы заложили город Айгун на среднем Амуре (называемый также Айхун, Сахалин-улахото и Хэй-лун-цзян: сл. А. Кириллов. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, Благовещенск. 1894, стр. 4), они начали серьезно заботиться о выселении русских из Албазина. Московское правительство, в свою очередь, сознавая значение Албазина и малочисленность его гарнизона, послало указ в Сибирь о наборе „новоприборного поселка" под начальством Афанасия фон Бейтона. В 1685 г. китайцы сделали новое нападение на Албазин; так как воевода Толбузин, несмотря на храбрую защиту, принужден был сдаться, то часть захваченных при этом казаков уведена была в Пекин (сл. Иванов. Краткая история Амурского казачьего войска. Благовещенск. 1912, стр. 27—29). После разорения китайцы ушли далее вниз по Амуру; этим воспользовались русские и вскоре же, под предводительством Толбузина, вернулись назад и начали постройку разрушенного укрепления. В июле 1686 г. китайцы опять явились сюда с большою силою, но взять его не могли, несмотря на упорную осаду; из 900 русских в осажденном городе осталось не более 150 против 8.000 неприятеля; Толбузина, убитого ядром, заменил Бейтон. Китайцы, зимовавшие под Албазином, поставили осаду этого города только в 1687 году, по случаю начавшихся между Россией и Китаем переговоров, имевших целью определение границ обоих государств (сл. выше: Авриль, стр. 89). После мирного договора, заключенного в Нерчинске 27-го августа 1689 г., Бейтон был вынужден оставить Албазин и город был окончательно разорен китайцами (сл. А. Кириллов. Географическо-статистический словарь, стр. 528 s. v. „Якса"; С. В. Бахрушин. Казаки на Амуре, Лгр. 1925). Р. Маак, посетивший этот край в 50-х гг. XIX в., свидетельствует: „Теперь, как и тогда, место, где находился город, у манчжуров известно под именем Якса, а у манегров также под названием Оро" (Путешествие на Амур, СПб. 1859, стр. 65—66). При каком взятии китайцами Албазина захвачен был тот „московит", с которым беседовал Жербильон, решить трудно; нужно думать, однако, что это было задолго до 1686 года, так как за такой короткий промежуток времени (рассказ Жербильона относится к 1689 г.) он едва ли успел бы приобрести в Пекине почетное звание мандарина. И. И. Серебренников (Албазинцы. Пекин, 1922, стр. 7—9) отмечает, что уже за несколько лет до того, как при сдаче Албазина (в 1685 г.) 25 русских уведены были в глубь Китая, в Пекине „были уже русские. Это были пленники, взятые китайцами то тут, то там небольшими партиями при вооруженных столкновениях по Амуру. В исторических актах, относящихся к русскому Приамурью, запечатлен случай пленения казаков летом 1683 г. недалеко от устья р. Зеи. Начальник отряда был Григорий Мыльник, два пленных казака из его отряда привезли в Албазин грамоту богдыхана; они же сообщили, что Григ. Мыльник, попав в плен, не растерялся и решил строить в Китае заводы и мыло варить (А. П. Васильев, Забайкальские казаки. Историч. очерк, т. I, Чита. 1916, стр. 169). По этому примеру можно думать, что русских в Пекине в 1686 г. скопилось несколько десятков человек. По некоторым источникам, число их превышало даже сто человек".

в Нипчу]. Здесь имеется в виду г. Нерчинск, который китайцы и теперь еще называют „Нюйчи"; ниже Жербильон сам говорит, что „москвитяне зовут острог Niptchou—Nerzinskoi"; Нипчу назывался еще также Нибджао

(„Историческое и географическое описание России, извлеченное из китайской географии"—„Московск. Телеграф". 1825, III, февраль, стр. 220—221). Избрант Идес пишет по-голландски: Niechen и Niuchen. „Не образовалось ли и русское название Нерча, Нерчинск и Нерчинский Завод вследствие искажения слова Нюйчи?"—спрашивает Л. Шренк (Об инородцах Амурского края, т. I, СПб., 1883, стр. 172 прим.). Ценные материалы по ранней историй Селенгинска и Нерчинска опубликованы в издании: „Сибирские города. Материалы для истории XVII и XVIII ст." М. 1886.

остяки живут... по небольшой реке Кети]. Река Кеть (по остяцки—Пуни) правый приток Оби. При болотистом ее устье в 1596 г. заложен был город Нарым, упомянутый Жербильоном ниже.

по имени Удинск]. Имеется в виду нынешний Улан-Удэ (Верхнеудинск), в документах XVII в. называвшийся просто Удинское (А. Ионин. Новые данные к истории Восточной Сибири XVII в. Ирк. 1895, стр. 73). Впоследствии переименован в Верхнеудинск, в отличие от другого Удинска, названного Нижним.

города или острога, называемого Кетский]. В нач. XVII в. на берегу р. Кети для защиты ее от „инородцев", заложены были остроги Кетский и Маковский. Кеть служила водным путем, по которому перевозились товары с р. Енисея на Обь.

город Сургут]. В подлиннике Fourgoutte, что несомненно опечатка, как и Navim вм. Narim.

москвитяне называют тунгусами, а татары орочонами]. Ниже Жербильон пишет: „В лесистых местах живут племена, которых московиты называют тунгусами, а манчжуры — орочонами" и это указание правильнее, так как слово „орочон" действительно манчжурского происхождения, и его производят обычно от слова оро или орон, что значит олень, притом преимущественно домашний. „Георги утверждает, что слово тунгус неизвестно как самим тунгусам, так и соседним монголам, и что они сами себя называют бойе (быйя), то есть человек, замечает Р. Маак, прибавляя, однако, тут-же: это мнение Георги может быть и справедливо относительно забайкальских тунгусов, которых почти все русские называют орочонами" (Путешествие на Амур, СПб., 1859, стр. 45). Орлов свидетельствует, что „названия тунгусы и орочоны означают одних и тех же бродячих инородцев, с тою разницей, что на пространстве от Баргузина к востоку до р. Витима и вообще по всему левому берегу этой реки, ровно как и по бассейну рек В. Ангары и Кичеры, их называют тунгусами, а бродящих за Витимом и по р. Олекме, Тунгиру, Нюкже, Олодою и по берегам Амура—орончонами" (Вестник ИРГО 1857, VI, стр. 193). Р. Маак (op. cit, стр. 46) затрудняется с достоверностью определить происхождение слова „орочон" и признать его равнозначащим русскому выражению „владетель оленей", как это делает Риттер (Землеведение Азии. т. IV, стр. 444), на том основании, что „большая часть тунгусов, владеющих оленями, не называется орочонами", но, впрочем, думает, что это название „происходит из Китая, где народ этот еще с давних времен известен под именем орунчан и элун-чунь". Точную справку о слове орочон делает Л. Шренк („Об инородцах Амурского края", т. I. СПб. 1883, стр. 136—137, 186—187): „Означая не более как оленный народ, название это могло относиться к весьма различным тунгусским племенам. С каких пор употреблялось оно у манчжуров или их предков, этого мы не знаем, однако, то обстоятельство, что оно осталось за ольчами нижнего Амура, давно уже расставшимися со своими оленями, равно как и за ороками Сахалина, указывает на его глубокую давность. Это манчжурское название стало известно для оленных тунгусов со времен древних иезуитов-миссионеров. У русских, напротив, название „орочоны" употребляется лишь с недавних пор и, разумеется, как чужеземное слово, не имеет того общирного применения, как у манчжуров... Русские в настоящее время разумеют под орочонами оленных тунгусов, кочующих по Амуру и его притокам, вверх от

манегирцев и, кроме того, в Становом хребте, по верхним притокам Олекмы и в Хингане, по некоторым притокам реки Нонни". Ср. Schrenk, Reisen und Forschungen im Amur-Lande. I. S. 167; Труды Православных Миссий Иркутской Епархии. Ирк., 1886, IV, стр. 456—461; С. Патканов. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. ч. 1, СПб. 1906, стр. 2—3. Собр. сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. ч. I, СПб. 1785, стр. 249.

другие народы, которых монголы зовут братты]. Очевидно браты, братские, как называли бурят, однако, не монголы, а русские. Сл. выше Авриль, стр. 88.

Московитяне называют якутами]. Именем Яко (Uako), как пишет Жербильон якутов называют тунгусы (П. И. Третьяков. Туруханский край, СПб. 1871, стр. 162). В 1620 г. в Тобольске уже получились от мангазейцев известия о проживающем на берегах Лены неизвестном доселе народе „якольцах" или „якутах" (В. Л. Приклонский. Летопись Якутского края, Красноярск, стр. 1—5); „название это,—замечает И. И. Майнов („Якутия" Сб. статей под ред. П. В. Виттенбурга, Лгр. 1927, стр. 323),—несомненно образовалось из тунгусских „яха" или „яко" (множ. „якут"), что является искажением собственного якутского наименования людей всей народности—саха" (множ. „сахалар").

В ней живут халхасцы]. В конце XVII в., не будучи в силах противостоять набегам ойратов (джунгар), монголы-халхасцы, теснимые войсками Галдана, бежали в юго-восточную Монголию и там должны были принять китайское подданство (1688); часть из них ушла на север в русские пределы, где сделалась известной под именем селенгинских бурят. А. Позднеев. Монголия и монголы. СПб. 1896, т. I. стр. 432; его же: Монгольская летопись „Эрденийн эрихэ" с пояснениями, заключающими в себе историю Халхи с 1636 по 1736 г. СПб., 1883. А. П. Свечников. Русские в Монголии. Труды Троицкосавско-Кяхтинского Отд. Приамурского Отд. Р. Г. О., т. X, вып. 1—2 (1909), стр. 84—85.

Река Аргунь]. Сл. выше Г. фон Горн, стр. 78.

впадается в Сахалин-ула]. В Шилку. „Сахалин-ула"—манчжурское название, означающее: „черная река" (Иакинф. Статистическое описание китайской империи, СПб. 1842, ч. II, стр. 5; Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. СПб., 1883, стр. 149). Этим названием обыкновенно манчжуры обозначали верхний Амур. „Сахалин-ула,—замечает Р. Маак,—почти вдвое длиннее Сунгари и... составляет верхнее течение Амура, а Сунгари есть только приток этой реки. Тем не менее манчжуры принимают Сунгари за начальное течение Амура, а Сахалин-ула считают притоком Амура" (Путешествие на Амур, СПб., 1859, стр. 138). Город Айгун на Амуре называется по манчжурски Сахалин-ула-хотон (Müller. Samml. Russ. Gesch. Bd. II, 377, 381, ср. Васильев. Описание Манчжурии. Зап. Р. Г. О., кн. XII, 1857, стр. 29; А. Кириллов. Географ.-статистич. словарь Амурской и Приморской областей, Благовещенск, 1894, стр. 48, 4 и др.). Однако, Жербильон именем Сахалин-ула называет не верхний Амур, а реку Шилку, на что, обратил внимание и Шренк (op. cit., стр. 190).

кроме одного места на берегах реки, называемой Удь]. Удский острог.

если наш материк соприкасается с материком Америки]. Плавания русских мореходов (например, С. Дежнева) давно уже установили, что этого соприкосновения нет, но о них Жербильон, конечно, не мог знать. Сл. выше: Авриль, стр. 92—93.

Зубов какой-то рыбы]. Вероятно, моржовая кость.

XLV. ГЕОРГ АДАМ ШЛЕЙСИНГ | GEORG ADAM SCHLEISSING

(1690)

Многочисленные книжки о России Георга Адама Шлейсинга (Schleissing, также Schleising) сравнительно мало известны в специальной литературе, а сведения о нем также очень скудны. Из старых авторов о Шлейсинге кратко упоминает А. Селлий в своей „Литературной записке" (Schediasma literarium de scriptoribus qui historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt. Revaliae, 1736, p. 33), которому известно лишь одно его сочинение, затем историограф Г. Ф. Миллер (Sammlung Russ. Gesch. VI, S. 31); Аделунг (Krit.-lit. Übersicht II, 382—383), с чужих слов, называет лишь две книги Шлейсинга, одну — в двух изданиях с неполными и переиначенными заглавиями, замечая об авторе: „Шлейссинг, повидимому, сам был в России и даже Сибири; но в том, что он говорит, много неверностей, особенно касательно Сибири. Нам, к сожалению, не удалось собрать никаких дальнейших о нем сведений". Попытку восполнить этот пробел в исторической литературе, касающейся сказаний иностранцев о России, представляет статья М. Корфа: „Библиографические отрывки. Некоторые немецкие сочинения о России в к. XVII и нач. XVIII в." („Отеч. Зап.", 854, т. 9, отд. II, стр. 139—148). Здесь собраны наиболее полные данные как о сочинениях Шлейсинга, так и об авторе их. Пользуясь старыми био-библиографическими пособиями (напр., книгой Griphius. Apparatus, sive dissert. isagogica de scriptoribus etc., Lips. 1710), использовав отдельные намеки его современников (так, напр., некий Wendel-Peter Alexowitz warhafftes Bildniss etc. Dresden, 1698, S. 21 — говорит, что он узнал многое о России из рассказов Шлейсинга, который, якобы, „состоял долгое время в службе царя и, следовательно, должен быть почтен за самовидца"), наконец, внимательно прочтя его сочинения, в которых нашлось немало автобиографических указаний, М. Корф в указанной статье своей смог изложить биографию Шлейсинга; в ней оказалось довольно много темных мест, но тем не менее, и собранных данных достаточно для того, чтобы мы могли составить себе достаточно отчетливое представление об этом заурядном журналисте своей эпохи. По словам Корфа, Шлейсинг

родился в Дрездене или Мейссене ок. 1660 года и в юности выслушал курс юридических наук в университете, вероятно Иенском. „Из устаревшего студента он сделался тем, что называли тогда странствующим школьником, чем-то вроде искателя приключений, без других рессурсов, кроме своего звания „литерата", кочующего из одного города в другой и живущего изо дня в день. Схватив некоторые сведения из книги Олеария, новейшего тогда путешественника по этому малоизвестному краю, он вздумал пуститься на север и через Норвегию, Швецию и Финляндию добрался до Нарвы. Этот путь он совершил, как должно думать, с несколькими купцами и в Нарве ингерманландский (шведский) губернатор бар. Шперлинг снабдил его, по рекомендации одного богатого тамошнего торговца, паспортом для проезда в Московию. Выехав из Нарвы, с длинною рапирою у бока, 20-го марта 1684 г., Шлейсинг 25-го прибыл в Новгород, откуда переезд его до Москвы, на долгих (mit einem „reichwosneck"), протянулся со 2-го апреля до 22-го. Сделав, вследствие того, пару деревянных рапир, Шлейсинг дал молодым людям несколько уроков, и дело им так полюбилось, что они стали уговаривать его пробыть у них несколько месяцев с хорошим жалованьем, но, „имев надобность торопиться" (зачем торопиться и вообще с какой целью он ехал в Москву, Шлейсинг нигде не объясняет), он отказался от предложения. Москва, когда он туда приехал, была еще наполнена живым отголоском смут, волновавших ее после кончины царя Федора Алексеевича. Эти события внушили „странствовавшему школьнику" мысль первого его сочинения «Anatomia Russiae deformatae». Его пребывание в России не могло, впрочем, продолжаться долее трех лет, потому что в 1688 г. Шлейсинг не только опять находился в Германии, но и книга его была уже издана. Он, по всей вероятности, не бывал далее Москвы, хотя, если верить его собственным словам, ездил „ради военных дел" и в Сибирь (Weiln nun sothanes Stewerlam en Militair Affaires gar genau in Augenschein zu nehmen... gute Gelegenheit gehabt). „Ему не посчастливилось в России; по крайней мере, он не вышел в люди и не нажился"... (Корф, op. cit., 140—141). Перед нами, таким образом, типичный авантюрист, притом неудачник, старавшийся извлечь максимальную выгоду из писаний брошюрок о России после того, как самое путешествие его в эту страну не принесло никакого облегчения его материальному положению. Последующие годы Шлейсинга прошли в скитаньях по Германии и в переизданиях, с легкими вариациями, но с новыми замысловатыми заглавиями, все той же книги о России, которая написана была на основе собранных им в Москве данных. „Успех, который имела выпущенная им по возвращении в Германию (безыменно) Anatomia Russiae deformatae — говорит про Шлейсинга Корф в той же статье, — дал ему мысль промышлять своею поездкою в бо́льших размерах и он принялся издавать, назвавшись уже по имени, целый ряд книжонок, в которых, под различными хитро-придуманными новыми заглавиями, повто-

рялось в существе все одно и тоже. Грифий очень хорошо знал нашего молодца в это время в Бреславле: Шлейсинг был в крайней скудости и печатал свои вечные вариации на одну и ту же песню, с тою лишь целью, чтоб выпрашивать себе что-нибудь у тех, кому их посвящал или кому подносил экземпляры. Между тем, в предисловии к каждой мнимо-новой его книжке мы встречаем стереотипное уверение, будто бы прежнее издание, быв напечатано только в сотне экземпляров, давно исчезло из книжной торговли. Разные прибавки и вставки, которые автор включал постепенно в каждое издание, не более заслуживают веры, чем титул бывшего штабс-капитана (Capitaine-Lieutenant) царской службы, которым он стал величать себя с четвертой своей книжки" (Корф, стр. 141—142). Из всех сочинений Шлейсинга нас наиболее может интересовать то, которое имеет заглавие: „Новооткрытая Сибирь в ее современном состоянии, с ее городами и местечками" (Neu-entdecktes Sybirien, oder Siewerien, wie es anitzo mit allen Städten und Flecken angebauet ist, etc. Jena, 1690). В этой книге, довольно запутанно и со многими ошибками, рассказывается о Сибири вообще, о происхождении самого слова, о путешествии из Тобольска к кара-китаям, о находящихся в Сибири озерах и реках, городах и острогах, о самоедах или диких людях, о богатствах, климате и производительных силах страны и т. д. Полагая, что Шлейсинг сам не ездил в Сибирь, Корф думает, что эта книга „составлена из рассказов купцов, с которыми он познакомился в Москве". Вопрос этот решить трудно: искажения собственных имен и русских слов, встречающиеся в книге, а также наличие в ней ряда погрешностей и даже грубых ошибок (таково, напр., смешение Волги с Волховом) еще не могут служить доказательством того, что Шлейсинг сам не был в Сибири; вспомним аналогичные искажения в сочинении Альбрехта Доббина (см.), прожившего в Сибири около семнадцати лет: ошибки в словопроизводстве, в объяснении русских слов и понятий были неизбежны в устах всякого иностранца XVII века; что же касается неточности географических данных, то они могли объясняться несовершенством русских карт того времени и плохою изученностью края вообще. У нас есть все основания предполагать, что значение этого сочинения Шлейсинга Корф не оценил, говоря, что оно представляет известный интерес лишь для определения точки, с которой иностранцы смотрели на Россию,— как не оценил он и приложенной к последующим изданиям карты. Издававшийся в Германии Тенцелем журнал „Monatliche Unterhaltungen" 1690, S. 379, ff. поместил рецензию на эту книгу, в которой анонимный рецензент, не сомневаясь в действительности поездки Шлейсинга в Сибирь, высказал ряд возражений против, действительно, очень неудачных этимологических толкований автором слов: Сибирь и самоеды. Шлейсинг ответил на эту рецензию вторым изданием книги, в предисловии к которой отвечал своему критику с запальчивостью и раздражением, указывая

между прочим, что первое издание имело большой успех и совершенно разошлось. В рукописном собрании гос. библиотеки им. В. И. Ленина в Москве (б. Румянцевск. музей) хранится рукопись: Schleussing. Neu-entdecktes Sibirien (по составленному А. Востоковым Catalogue Systematique du Musée Roumiantzow. Manuscrits en langues étrangères № 63 p. 69), которую Аделунг (II, 383) принял за оригинал этого сочинения; по словам Корфа это лишь список, снятый с печатного экземпляра первого издания 1690 года. Во втором издании, вышедшем два года спустя, заглавие книги несколько дополнено и распространено: „Новооткрытая Сибирь, в которой ловят соболей, в современном состоянии ее городов и населения с приложением специальной карты этой страны" и т. д. (Neu-entdecktes Sieweria, worinnen die Zobeln gefangen werden, wie es anjetzo angebauet und bewohnet. ist nebst desselbigen Landes abgefasseter Charta etc. Dantzig, 1692). Текст этой книги повторяет текст первого издания, с опущением рассказа о событиях, случившихся во время пребывания Шлейсинга в Москве, и с прибавлением новой главы о русских женщинах и обрядах русской свадьбы, заимствованной, в свою очередь, из первого сочинения Шлейсинга. Новостью является приложенная к ней карта Сибири. По поводу этой карты Корф говорит: „Упомянутой в заглавии карты Сибири нет в нашем экземпляре, но ее не было равномерно и в миллеровском того же издания (Samml. Russ, Gesch. VI. S. 31), из чего, при личности автора, рождался бы повод заключать, что она была только на заглавном листе. Миллер прибавляет, что если эта карта действительно существовала, то в ней, верно, было очень мало правды, потому что текст книги изобилует множеством грубых ошибок. Мы, однако ж, находим карту и, точно, переполненную нелепостей, при следующих двух оставшихся неизвестными Миллеру сочинениях или, лучше сказать, изданиях все того же сочинения" (Корф, стр. 145—146). Однако, в библиотеке Киевского Университета (ныне Всенародной Библиотеки Украины) нашелся экземпляр книги 1693 г. именно с картой, которая, оказывается, была повторена в последующих изданиях. Специально исследовавший эту карту В. А. Кордт пришел к совершенно противоположным заключениям. Шлейсинг объясняет, что карта была составлена „на русский лад, по указу царей, при содействии опытных немецких офицеров" и что он добыл подлинник в Москве и переделал его, насколько было возможно, на немецкий лад (Neu-entdecktes Sieweria, S. 5). Г. Миллер слова „по указу царей" неверно относил к Иоанну и Петру Алексеевичам. Г. Н. Спасский (Список с чертежа Сибирские земли. М. 1849, стр. XIII), не видав книги Шлейсинга, ничего не мог сказать об этой карте и заметил только, сославшись на Миллера: „была карта России и Сибири, сочиненная по указу царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича какими-то иностранными офицерами; но ни Миллер, ни Шлейсинг (?) ее не видали; существует ли она где, неизвестно". Корф отзывался о карте, что она „преисполнена нелепиц"; знал ее и

Норденшильд, но не придал ей никакого значения. А каковы эти „нелепицы" можно судить хотя бы по тому, что, не поняв своего оригинала, Шлейсинг обратил в реку Уральский хребет. В. А. Кордт говорит: „эта карта, которая осталась незамеченной даже Норденшильдом, имеет для нас громадный исторический интерес, так как она является точной копией с карты Сибири П. И. Годунова" — этого первого опыта картографически воспроизвести всю Сибирь, сделанного в 1667 году в Тобольске „стольником и воеводой Петром Ивановичем Годуновым с товарищи", которому мы обязаны составлением и других весьма важных в историческом и географическом отношениях трудов (ср. С. Долгов. Ведомость о Китайской земле. „Памятники древней письменности", вып. CXXXIII, СПб., 1899, стр. 15). По словам Семена Ремезова, чертеж 1667 г. был даже напечатан: „в лето 176 повелено Тобольску, по грамоте великого государя, всю сибирскую землю описати, грани земель и жилищ, межи, реки и урочища, и всему учинити чертеж. И се первое чертежное описание Сибири от древних жителей и сему чертеж учиниша и печати предаша" (Чертежная книга Сибири, составленная Тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году, СПб. 1882, прилож. стр. 4). Автор предисловия к „Чертежной книге", А. Тимофеев, замечает по этому поводу: „ныне, однако, неизвестно ни одного оттиска этой печатной карты, равно как не уцелели и рукописные чертежи, которые могли ей служить оригиналом". Это замечание ныне должно быть исправлено. Норденшильд в Государственном Архиве в Стокгольме в 1887 г. нашел две копии с утраченного оригинала чертежа П. И. Годунова, которые попали в Швецию через посредство Класа Прютца, находившегося в свите шведского посла в Москве Фритца Кронемана 1668 г., и скопировавшего „ландкарту Сибири и пограничных с нею стран" „8-го января 1669 г. в Москве настолько хорошо, насколько это было возможно сделать с плохо сохранившегося оригинала, данного мне лишь на несколько часов кн. Иваном Алексеевичем Воротынским, с тем, чтобы я ее только посмотрел, но отнюдь не вычерчивал", другая копия с карты Годунова, найденная Норденшильдом, нашлась в бумагах самого Кронемана и согласуется со снимком Прютца (см. Норденшильд. Первая оригинальная карта северной Азии — „Записки Военно-Топографического отдела Главного Штаба, ч. XLIV, стр. I—II). В дополнение к находкам Норденшильда В. А. Кордт сообщил, что в Стокгольме хранится и третий снимок с карты Годунова, сделанный шведом Эриком Пальмквистом в 1674 г. (Материалы для истории русской картографии, II серия, вып. I, стр. 24—25) и разъяснил, что копией с того же чертежа является карта Шлейсинга (op. cit., стр. 25—26; карта воспроизведена здесь же на таблице № XXV; ср. В. Кордт. Чужеземні подорожні по східній Европі до 1700 р. Київ, 1926, стр. 150—151). Опубликованное А. Титовым „описание" чертежа Годунова, взятое из рукописи Румянц. музея

(Сибирь в XVII веке. М. 1890), и нахождение Н. Оглоблиным в делах Сибирского приказа „Росписи против чертежу 176 года", оказавшейся более исправным списком, чем рукопись, напечатанная Титовым (Н. Оглоблин. Источники „Чертежной книги Сибири" Семена Ремезова. СПб. 1891; ср. Е. Замысловский. Чертежи Сибирских земель XVI—XVII вв. „Журн. Мин. Нар. Пр." 1891, № 11, стр. 34), при наличии четырех иностранных копий чертежа, сделанных в XVII веке, дают теперь возможность составить довольно отчетливое представление об оригинале, русскую копию которого в 1914 г. опубликовал Л. С. Багров.

В вопросе о том, какое место среди иностранных копий занимает та, которая сделана Шлейсингом, однако нет полной ясности. По словам В. Кордта „невыясненным остается только вопрос, была-ли она скопирована с рукописного или с печатного подлинника. Карта Шлейсинга отличается от копий Прютца, Кронемана и Пальмквиста только тем, что надпись на последних трех находится в левом нижнем углу, у Шлейсинга же в—правом верхнем углу. Шлейсинг озаглавил свою карту Siwerische Landcharda и отметил ее 1690 годом" (Кордт, Материалы, стр. 26). Возвращаясь к тому же вопросу, Н. Д. Чечулин (Новые труды по древней русской картографии, Ж. М. Н. Пр. 1906, № 9, стр. 214-215) пишет: „мы бы склонялись к предположению печатного оригинала; во-первых, если бы Шлейсинг издавал по рукописи, он бы, вероятно, имел понятие, как нелегко было добывать эти рукописные чертежи и подчеркнул бы свою заслугу, а, во-вторых, на карте Шлейсинга есть наименования, не находящиеся, по крайней мере, на копии Кронемана, напр., „Simnoi Bojas" и „Wobschti fl". Последнее название стоит у реки, заменившей Уральский хребет и, повидимому, имеет что-то общее с именем „Общий Сырт", на копии Кронемана не находящимся". Происхождение карты Шлейсинга, несмотря на неясность вопроса от кого и при каких обстоятельствах он получил ее, заставляет более внимательно, чем это сделал М. Корф, отнестись и к тексту его книги о Сибири. Нет ничего невероятного и в том, что он мог побывать и в Сибири, так как сведения его, в общем, довольно разнообразны и достаточно обширны. Впрочем, конечно, они могли быть собраны и в Москве; мог же, напр., Николай Витсен, не ездя на восток далее Москвы, собрать исключительные по своему значению исторические, этнографические и географические материалы о Сибири... В 1693 году Шлейсинг в Циттау выпустил новую книгу о России, с длинным и кудрявым заглавием (Derer beyden Czaaren in Reussland Iwan und Peter Alexewitz, nebst dero Schwester der Princessin Sophia, bisshero Dreifach, geführter Regiments-Stab, und was darauf erfolget ist, etc. Zittau. 1693). По разъяснениям Корфа, эта книга, несмотря на свое совершенно новое заглавие, есть ничто иное, как видоизменение прежних. В конце книги приложена, с отдельною нумерацией (стр. 1—99), также книга о Сибири; особый заглавный лист приложения повторяет за-

главие изд. 1692 г. (Neu-entdecktes Sieweria, worinnen die Zobeln gefangen werden etc. Gedruckt in Zittau bey Mich. Hartmann, 1693). Особенностью издания являются картинки, весьма посредственные по выполнению и принадлежащие некоему С. Otthofer'y. Наконец, в 1694 году Шлейсинг выпустил еще одну книгу, в тексте и заглавии которой, кроме незначительных изменений стилистического порядка, оказалась на этот раз история и имя кн. В. В. Голицына (Deren beyden Czaarer in Reussland, Iwan und Peter Alexewitz, als Herren gebrüdern... auch anderen curieusen Sachen, nunmehro aber ins Elend nach Siewerien ewig verbannten Knees Vassili Vassilowitz Galyczens etc. 1694, s. l.), приложение к этой книге о Сибири не имеет на этот раз отдельной нумерации, сокращено до 30 страниц и имеет совершенно новое заглавие: „Sieweria mit der abgefasseten Land-Charta so wohl biss an die chinesische Mauer und gantzen Asiatischen Tartarey, als auch, Samojedia, Nova Zembla, und das Mare Vaigats, nebst andern Kupfer-Stücken und einem Volkommenen gründlichen Bericht des rebellischen gewesenen Generalissimi Galiczen, wie derselbige ewig nach Siewerien condemniret worden, wobey auch derer beyden Länder Toom und Tingus, so auf Befehl deren Czaaren Sudoost-wärts 200 Meilen hinter Sieweria auffgesuchet worden, und annoch beständig unter Czaarischen Bothmässigkeit Stehen" 1694. Библиографический перечень изданий Шлейсинга, сделавшихся весьма редкими, дают, кроме указанной статьи Корфа, Catalogue de la section des Russica, t. II p. 268, № 536—542, а также книга Baddeley: Russia, Mongolia, China. London 1919, vol. I. p. CXLIII-CXLVI; здесь дан также интересный анализ карты Сибири Шлейсинга и представлен анализ некоторых его известий о Сибири; об одной из ранних книг Шлейсинга см. еще Н. Устрялов, История Петра Великого, т. I, стр. LXI. Нижеследующие переводы сделаны из книги „Neuentdecktes Sieweria" издания 1692 года по экземпляру б. Киевского университета (шифр: Cr 7235). Перевод на русский язык всей книги в целом показался бы слишком громоздким в настоящем издании, да едва ли и мог-бы считаться необходимым, т. к. в ней есть много материала, не относящегося к Сибири; так, в гл. VIII-й рассказывается о патриархе Никоне и о возникновении русского раскола, о православных религиозных обрядах, о празднике нового года; глава IX трактует о русской масляницe; гл. X—о русских женщинах и обрядах русской свадьбы; в гл. XI говорится о находящихся в России иностранцах: офицерах, купцах, ремесленниках; здесь же приведены, между прочим, русские цены на предметы первой необходимости. В первых главах также находится не мало материала, явно случайно попавшего в книгу: так, в гл. IV, после забавного рассуждения о том, что означает частица „вич" (das Wörtlein „Wiz") в собственных именах (Michalowiz, Alexewiz) и после странного объяснения, что русское Алексей (Alexé) соответствует западному Alexander (?) (andere wollen Alexius, ist aber faut... S 17), Шлейсинг ни с того, ни с сего переходит к описанию московского бунта 1682 г. (S. 19—20), после которого следует описание Астрахани (S. 24—28) и т. д. С другой

стороны, целый ряд данных, приводимых Шлейсингом, основан на печатных книгах и не имеют интереса новизны; особенно много материала дали ему Герберштейн и Олеарий, которые цитируются несколько раз, но в действительности использованы гораздо чаще. Шлейсинг ссылается также на Одерборна и даже Марко Поло; собственные же наблюдения и соображения Шлейсинга не всегда заслуживают внимания. Не имеет ценности его книга и с литературной стороны, отличаясь неудачной планировкой материала, постоянными отступлениями, не идущими к делу; она, кроме того, написана весьма тяжелым языком XVII века, воцарившимся в немецкой литературе после тридцатилетней войны, с чрезвычайным обилием варваризмов, особенно в глагольных формах речи (continuiren, reponssiren, travagliren и т. д.), неудачными синтаксическими конструкциями, и обнаруживает весьма посредственные литературные способности автора. Ниже мы приводим отрывки из глав V, VI и VII, как наиболее интересные по своему материалу образцы всего сочинения, которое, несмотря на все свои недостатки, все же заслуживает внимания и специального изучения.

О путешествии из города Тобольска в Катайск или Кара-Катай и дальше в китайское царство

(Глава III)

Из сибирского главного города Тобольска русские купцы продолжают путь на Катайск или в Черную Татарию и так далее до китайского царства, причем расстояние до Катайска определяют в 100, а до Китая в 250 немецких миль от Тобольска.

Кто захочет проехать этими местами, тот должен запастись не только хорошими спутниками, но также ружьями и провиантом как от бродячих татар, так и вследствие того, что нужно проезжать огромные дикие местности; можно было бы прямо подохнуть, если не иметь ничего с собой. От Тобольска проезжают сперва городок, называемый Или (Ili) на реке Скайабовой (Skajabowey), лежащий от Тобольска на расстоянии, приблизительно, около двух миль. Оттуда едут опять один день до маленького селения Гнисистло (Gnisistlo) на реке Кровавая (Krababoja). Затем едут несколько дней исключительно по ненаселенной местности до городка Зимовщик (Simostchik), лежащего на большом озере.

В этом озере водится исключительно прекрасная жирная рыба, которую можно сравнить со здешними (Bressen), и притом в таком количестве, что за одну копейку (это соответствует голландскому стюйверу) можно купить полную большую посудину, долбленную из дерева, и этого количества хватит на то, чтобы 9—10 человек могли объедаться этим в течение целого дня.

Дальше приезжают в городок Нешищи (Neschitschi), а затем в местечко, называемое Кайле (Kaile), также лежащее на озере, при-

чем эта местность представляется очень приятной, и так как она находится всего в двух днях пути от китайской области, то имеет умеренный климат и плодородна. Цари, вследствие нападений татар, велели построить здесь сильное укрепление и снабдить его хорошим гарнизоном из стрельцов.

Что касается Китайска или Кара-Катая, или по-немецки Черной Татарии, то она ранее входила в состав Китая. Однако, после того, как татары в 1644 г. играли в Китае первую скрипку, разрушили большой кусок китайской стены, заняли столицу Пекин и подчинили своей власти почти всю империю, эта область Китайск до сих пор платит дань татарским ханам, а ее жители принуждены были не только оставить китайскую веру и принять вместо нее татарскую и изучить их язык, но и одеть татарское платье и стричь волосы и бороду по татарскому образцу и обычаю. Вообще же эти китаи, несмотря на бедную внешность, являются очень искусными и трудолюбивыми во всевозможных ремеслах, делают прекраснейшие шелковые ткани и дамасты со всевозможными красивыми цветами и фигурами, а также тканную золотом и серебром „китайку" (kathaike), как ее называют, которую купцы хорошо знают; локоть ее в самой стране продается по цене от 8 до 10 имперских талеров. Эта китайка или китайские прекрасные материи продаются в Москву благородным купцам, но довольно редко переходят в другие страны, т. к. не оплачиваются как следует и т. к. не все являются купцами.

Из Китайска русские купцы продолжают свой путь далее с многочисленными караванами (caravanna) (т. е. в сопровождении многих людей), т. к. они должны проезжать через многие дикие и разбойничьи местности до китайского царства и столицы Пекина, через китайскую стену, построенную в 215 году до Р. Х. китайским императором, называемым одними Ксиум (Xium), другими Тринзум (Trinzoum), против вторжения татар, и простирающуюся от леатунского моря до реки Кроккума (Krokkum) на расстояние 300 немецких миль.

Недалеко от этой стены лежит вся огромная азиатская Татария, разделяемая на отдельные орды, т. е. народы или области, подобно тому как Германия или какое-либо другое государство подразделяются на определенные провинции: точно также и Татария. Первая от этой китайской стены орда называется die Schagredkenische Tartarei, вторая die Kithaiskische, третья Miglalizische, четвертая Bdjanzische, 5. Ablazevische, 6. Kalmuckische, 7. Sscherliskovische, 8. Башкирская (Baschkirische), 9. Нагайская (Nagagische), 10. Черкасская (Circassische), 11. Черемисская (Ceremissische), 12. Большая Крымская Татария (Crimmische), граничащая с рекой Волгой и причиняющая царю часто величайший вред, во главе которой стоит „cham", как некоторые его называют, или хан, что равнозначуще королю, причем крымский хан называется великим ханом, т. к. он в подчинении у себя имеет многих мелких ханов.

О важнейших и прочих маленьких реках и стоячих озерах, а также о построенных на них городах и местечках во всей Сибири

(Глава V)

Следует прежде всего знать, что ни одна река, не только в Сибири, но также и в России, не берет свое начало в горах, но в болотах и стоячих озерах. Знаменитейшая река всей Сибири — это Обь (Obyus), которая течет вовсе не из стоячего озера, находящегося в Китае, по совершенно ошибочному мнению некоторых географов, и не из татарской страны, называемой Тюменью, а из большого стоячего озера в Калмыцкой Татарии, пробегает всю Сибирь и, неподалеку от города Тобольска, соединяется с рекой Тоболом (Tobolie), которая также вытекает из больших болот Кузковской Татарии (der Kuzkowischen Tartarey). Обе эти реки, слившись вместе, текут через всю Сибирь к северу и, наконец, совместным натиском (summo impetu) ввергаются в пролив Вайгач (Fretum Vaigats).

Что же касается этого пролива Вайгач, то это, собственно, не Ледовитое море, как некоторые думают, но только залив Гиперборейского моря (Sinus Maris Hyperborei) и так как с этим заливом граничат самоеды, то они на своем простодушном языке называют его лужей (Pfütze), проистекающей из Ледовитого моря. Эти самоеды рассказывают также, что в определенное время он судоходен; по крайней мере, по моему мнению и мнению верных людей, о котором я узнал там в стране, если бы затратить [известные] издержки, то можно было бы найти и отыскать более близкий морской путь в Восточную Индию, чем тот, который уже давно надеются найти голландцы. Я оставляю этот вопрос для любопытствующих и более опытных в таких делах людей; русским же, которые все равно не умеют наладить судоходства, и которые разве только могут плавать по рекам или изредка делать несколько миль по морю, вообще невозможно вбить эту идею в их глупые головы; нужно вообще удивляться, что они, имея такую прекрасную возможность морских путешествий, не производят их, охотнее предоставляя это иностранным и чужим народам. Обращаясь же опять к упомянутым обоим рекам Оби и Тоболу, следует знать, что они принимают в себя много других маленьких рек, как, напр., Ietschon, Rosochin, Nejeth, Iumei, Tura, Sojeba, Tabda; все они берут начало в стоячих озерах и болотах, которыми изобилует Сибирь, а также реку Skajabowej, которая вытекает из Bdjanzischen Tartarey. От этого происходит то, что около устья, при впадении в пролив Вайгач, они очень полноводны и, увлекая за собой толстый лед, производят такой шум и невероятный треск, что не слышно своих собственных слов.

На этой знаменитой Оби расположены следующие города: 1. Главный город Тобольск, 2. Городок Makrobskoi, 3. Kunskoi и 4. Bund-

sobbi. На берегах Тобола, за исключением Тобольска, нет ничего, кроме одной только пустоши; однако, на реках Nejeth, Tura и Sojeba расположены следующие городки: Miter, Bokrosnoj, Wergotsustchs, Belir, Latschta.

На реке Skajabowei расположены следующие городки: 1. Kanizko, 2. Somskoi, 3. Sakoifskoi, 4. Kemskoi и, наконец, 5. Ili. Здесь следует отметить, что возле последнего городка начинается ужасно гористая и большая пустынная местность (Wüldnüss) Symmoi Böjas, т. е. Зимний Пояс, а не Земной Пояс, как некоторые пишут еще и сейчас. Я бы очень хотел знать, почему он должен называться Земной Пояс; те, кто так называли его, конечно, не знали, что эти чудовищные горы названы так от русского слова Sumnoi, что значит холодный (или зима) и Bojas—Пояс, во-первых, потому, что здесь всегда очень холодно и на них лежит нетающий снег и, во-вторых, потому, что эти горы лежат замкнувшись, подобно цепи или поясу, как это видно и на карте.

Этот Зимний Пояс древние называли Рифейскими горами; эти горы имеют необыкновенную вышину, так что никто не может на них подняться; при этом, как рассказывают самоеды, живущие возле самых гор, здесь водятся только духи и белые медведи; этих медведей ловят самоеды и шкуры их продают в Архангельск. На этих горах находится большое черное озеро, которое самоеды называют Тази (Tasi), т. е. Чортово озеро, т. к. в нем водятся и ловятся только большие черные рыбы, которых ни один человек не может употреблять в пищу по причине их страшного зловония. Существование этого озера Тази кажется мне заслуживающим такого же вероятия, как черный пруд на горах Плокских (Plocks-Berge), неподалеку от Брауншвейга, в котором также, говорят, виднеются черные рыбы.

Передаю то, что слышал.

На реке Кровавой (Krababoja), которая берет свое начало в Сибири в одном стоячем озере, пробегает всю Сибирь и Самоедию и вливается также в Вайгач, расположены следующие городки: 1. Oselinskoi, 2. Simostchik, 3. Oslimetkoi, 4. Konoja, 5. Gnisestlo, 6. Ninatschinja и 7. Tschuogamskoi.

На большой реке Wobsthi, которая вытекает из болота, находящегося в Tscherlukowische Tartarey, протекает через всю Сибирь и русскую местность Двину и также впадает в пролив Вайгач, в настоящее время, вследствие неплодородия этой местности, нет ничего, кроме непрерывной пустыни, и она известна только как путь сообщения и перевозки. На реке Стлене (Лене? Stlena), которая также вытекает из Сибирского болота, расположены два городка: Kaile Lapkloi.

Есть [здесь] еще две реки: Колыма (Kelim) и Оленск (Oleneeki), но так как там еще ничего не выстроено, о них нечего сообщить достопримечательного.

Таковы, следовательно, известнейшие из рек и выстроенные на них города и острожки, которые я нашел там во время своего там пребывания (so ich zu meiner Zeit darinnen angefunden). Те же, кто не живут в городах, но имеют пребывание на берегах рек и в лесах, представляют собою бедных охотников и рыбаков, которые круглый год не видят хлеба и принуждены из-за ужасных медведей обносить свои жилища высоким длинным частоколом из бревен, заостренных вверху, чтобы по ночам и они и их скот могли быть в безопасности. Их пищу составляют рыба и дичь; меховой товар они выделывают сами, и такие товары отправляют в Архангельск на ярмарку.

Иной, вероятно, мог бы сказать: что заставляет этих людей в такой бедности проводить жизнь в этих пустынных местностях и не могли ли бы они лучше жить в других лучших краях? И далее: только воля человека является его раем; поэтому и эти люди живут так, и следовательно и у них также—привычка вторая натура.

Я знал в Швеции лапландцев, народ, который также живет в очень холодной и суровой стране, и который, несмотря на это, предпочитает жить в нужде на своей родине, чем жить роскошно, но в чужих странах.

О плодородности и климатических условиях Сибири, а также об образе жизни, способах торговли и нравах ее жителей

(Глава VI)

Так как в Сибири, или стране крайнего севера, климат суров и мало тепла, всякий здравомыслящий человек легко может заключить отсюда, что в ней не может произрастать никакое из редких и благородных древесных и садовых плодов, что же касается любимых хлебных злаков, то они всходят здесь тонкими и редкими колосьями, так что если вообще иные пашни дают сам-15, сам-20 урожая, то сибирцы благодарят бога, если они могут собрать сам-4 или сам-5, причем хлеб должен быть посеян и собран в течение восьми летних недель; относительно же озимых посевов они не знают ничего. Помимо этого, ленивые обитатели этой страны не принадлежат к числу энергичных людей, которые приходят на помощь природе своим искусством и трудом, как это делают, напр., шведы, лифляндцы и другие северные народы, которые хорошо умеют пользоваться погодой, и так как их пахоты не приносят столь обильной жатвы, как в других более благодатных странах, обычно вырубают большие леса, жгут деревья и таким образом превращают почву в более плодородную, что они называют у себя Rading, так что таким образом множество полей заменяет их недостаток, и они могут ежегодно отправлять [от себя] несколько тысяч кораблей [груженных зерном]. Подобное же делают они с

огородными растениями, причем для тех из них, которые природа, благодаря продолжительной зиме и суровому климату не может родить так, как в теплых странах, они заменяют тепло трудом и искусством, так что в своих садах они могут показывать и предлагать путешественникам благороднейшие плоды и цветы. Но так как всемогущий создатель не оставил своею благодатью даже самых худших стран, то и эту холодную и суровую Сибирь он все-таки наделил многими вещами, которых не имеют другие страны. Так что хотя здесь и не произрастают никакие фрукты, виноград и тому подобные плоды, но здесь зато есть так много м е д у, что я должен признаться, что ни в какой другой стране света (а я, говоря без всякого хвастовства, пошатался по всему свету) я не видел столько меда, собираемого пчелами в громадных диких лесах без всякого за ними ухода или наблюдения, как именно в этой холодной стране, так что там часто находят даже целые деревья, наполненные медом.

Не буду входить в пространное обсуждение причины того, отчего это возможно в столь холодной стране и предоставляю это на обсуждение физиков и естествоиспытателей; я остаюсь, однако, при том мнении, что в летнее время, когда в Сибири, как и в других северных странах, очень жарко, и эта жара стоит в течение целых восьми недель, здесь выростают самые крепкие цветы и травы (которые наверно известны опытным ботаникам), а также приятный липовый цвет, которым полна вся страна, и тогда эти чудесные создания, маленькие трудолюбивые медовые птички (Honigv Vöglein) в это самое время должны заботливо обслуживать себя и часто вносить к себе запасы, чтобы иметь возможность существовать в течение долгой зимы.

В Сибири находится так много меду, что деревьев с сотами даже не ищут; зато огромные медведи прекрасно их находят. Из этого меда сибиряки варят хорошего качества напиток—мед, который далеко вывозится. Среди других прекрасных трав здесь находится горичавка (Entzian), который растет лучше чем в какой-бы то ни было другой стране. Однако, жители не настолько любознательны, чтобы научиться и уметь собирать такие травы: к тому же они не имеют в Сибири также и опытных врачей, как и в столичном городе Москве (Mosco) (о чем на своем месте будет сообщено), а лечатся вместо этого сами чесноком и водкой. Некоторые (если они не знают своей болезни) делают при помощи острого ножа отверстие в руке или ноге и капают затем с зажженной лучины смолу такой горячей, что начинает нарывать и напухать, что они затем по своему опять умеют изгнать и таким образом лечат пациента. Но подобное лечение годится лишь для русских и сибиряков, ни для кого другого!

Что касается скота, дичи, птиц и рыбы, то в них страна не только не терпит недостатка, но даже имеет избыток. Во время

летнего времени радуются люди и животные, так как на это время приходится сенокос, посев и жатва и они должны много работать. В продолжение лета солнце в Сибири также не заходит и, как в других северных странах, поскольку оно не бросает лучей, выглядит, как круглый огненный шар, так что при нем можно писать, читать и т. п. Когда же солнцестояние проходит, то дни быстро уменьшаются, и зимой их день длится едва три часа. Также летом, как бы жарко ни было, здесь никогда нет грома, в то время как зимой, во время самого сильного холода, чаще всего происходят гром и молния.

Что касается жителей Сибири, то это почти исключительно русские, за исключением немецких офицеров, стоящих на границах со своей стражей (Milice), затем немного армян и татар, исповедующих греческую религию и подчиненных русским законам, как я уже выше упоминал. Они торгуют различными соболями и мехами, юфтью, поташем, слюдой, бобровой струей, воском, вяленой рыбой и т. п., меняют их на другие товары или продают также за наличные деньги.

Поскольку Сибирь сурова и холодна, то и жители ее люди суровые, грубые и неуклюжие по сравнению с другими народами, и я поэтому согласен со Стефаном Гваццио, который в своем небольшом трактате „De civile Conneversatione" делает большое различие между народами и, между прочим, высказывается следующим образом: »чем милостивее и прекраснее небо, тем более вежливые и приятные люди под ним находятся; чем более сурова и дика страна, тем некультурнее и грубее люди, живущие в ней".

Это кажется весьма правдоподобным, и было-бы делом, если бы путем хорошего воспитания, образования и путешествий эта грубая натура могла-бы измениться. Чего однако в этой варварской стране не найти, т. к. она всем этим пренебрегает, и достойные хвали философские науки считает колдовством. Как хотя-бы в 1682 г., когда в Москве разразилось большое и грозное восстание, знаменитый шведский математик Фойгт (Voigt) в своем календаре как раз в неделю, когда это восстание началось, поместил следующие слова: „Москва также не избежит своего несчастия!" Они покойника Фойгта объявили бесовским знамением и колдуном, который умеет вызывать тайно сокрытое и будущее, также и календарь его, который они перед тем из года в год переводили и печатали в своей типографии и на своем языке, сожгли и под страхом телесного наказания и казни запретили опять его издавать.

Поэтому и в Сибири все пороки безнаказанны, кроме убийства, которое у русских без различия личности убийцы также карается смертью. Кроме же этого всякий может совершить, что ему заблагорассудится, если у него только есть, чем заплатить. Ибо в России все зиждется на подкупках и подачках, так что можно было бы сказать: »кто побогаче, тот и сильнее", ибо у них воевода, посаженный над

Сибирью и правящий всем, может изрядно стричь своих овец (я едва не сказал баранов) и наполнять этим свой кошелек, ибо действительно только это он и делает,—а каков пастух, таково и стадо.

ПРИМЕЧАНИЯ

Городок, называемый Или] Географические названия в сочинении Шлейсинга настолько искажены, что догадаться об их значении иногда прямо невозможно. Поэтому в большинстве случаев мы оставляем их непереведенными. Река Кровавая отмечена на Годуновской карте (см. ниже).

можно сравнить со здешними Brussen] Вероятно Brassen—лещи.

после того, как татары в 1644 г. играли в Китае первую скрипку] в 1644 г., как указано было выше (Г. Ф. Горн, стр.), в Пекине воцарилась Дайцинская (манчжурская) династия; вероятно это событие Шлейсинг и имеет в виду.

китайку] об этой материи и вообще о русско-китайской торговле см. выше: Кильбургер.

через китайскую стену, построенную в 215 г.] Так назыв. „Великая каменная стена" возведена была по повелению императора Цзинской династии Ши-чуанти (Ши-куань) в 214 г. до нашей эры с целью оградить провинции внутреннего Китая от вторжения в его пределы монгольских орд. При этом императоре она была выстроена лишь до поворота р. Хуань-хе на юг (т. е. оканчивалась у Линь Тхао, нынешнего Лан-чжоу-фу) и только впоследствии была продолжена на запад и охватила всю провинцию Гань-су (Хэ-си).

первая от этой китайской стены орда называется] Все эти искаженные названия отмечены и на карте Шлейсинга, скопированной, как указано во введении к настоящему тексту, с чертежа Сибири П. И. Годунова. Ablazevische Tartaren б. м. Аблаевы улусы (улусы Аблая-тайши), отмеченные на этой карте; название Scherliskovische б. м. находит свой источник в названии Урлюковы Годуновской карты; название Miglalizische вероятно мугалы; на той же русской карте отмечены нагаи, башкирцы и черемисы (см. воспроизведение этой карты у Л. С. Багрова. Карты Азиатской России, Пг. 1914, стр. 11). Названий: Shagredkenische и Bdjanzische Tartarei объяснить я не умею.

они принимают в себя много других маленьких рек] Все приведенные ниже названия притоков Оби и Тобола объясняются из Годуновской карты Сибири, причем Шлейсинг зачастую неверно прочел их обозначения и в искаженном виде воспроизвел на своей карте. Telochon это р. Теча, Rosochin—р. Росохи, Tumei—конечно Тюмень; Туру, Сосву и Тавду легко узнать в названиях Turu, Sojeba и Tabda

на этой знаменитой Оби расположены следующие города] городок Makrowskoi—вероятно Маковский острог, hunskoi—Кетский острог. На Годуновском чертеже Тобольск расположен на р. Оби.

Wergotsustchs] вероятно, Верхотурье. Bokrosnoi—не Покровск ли Годуновской карты?

Hanizko] Вероятно Соликамск. На копии Годуновской карты К. И. Прютца (воспроизведена у А. Титова, Сибирь в XVIII веке, М. 1890 сл. В. А. Кордт. Материалы для истории русской картографии. Вторая серия, вып. 1., Киев 1906, табл. XXII)—Kanitz. Подробное сличение всех копий Годуновской карты (как русской так и иностранных) вероятно позволило бы расшифровать значительную часть названий Шлейсинга.

Зимний пояс, а не земной пояс] Одна из многих, ни на чем не основанных догадок Шлейсинга. Русское название Урала было именно Земной, а не зимний пояс, что удостоверено и рядом иностранных свидетельств о происхождении этого названия (см. т. I. Герберштейн).

на реке Кровавой] На Годуновской карте и на копии ее К. Прютца на реке Кровавой не отмечено ни одного селения. Шлейсинг, вероятно, путает ее с Енисеем; возможно, что под Guisestlo разумеется в таком случае Енисейск.

на большей реке Wobsthi] Что за река имеется здесь в виду, не умею сказать; вероятно, она же на копии Прютца названа Moloch, однако почему она протекает „русскую местность Двину"—непонятно. Н. Чечулин высказал мнение (см. выше, введение к настоящему тексту), что это имя находится в связи с названием „Общий сырт".

на реке Стлене] Два городка Kaile и Lapkloi являются, вероятно, просто недоразумением. На всех копиях Годуновской карты верховья Лены отмечены довольно близко от Амура, на котором у Прютца стоит Lapkoor (написанное не совсем ясно). Это очевидно Лапка русской копии, то есть Лапкаев городок или Албазин. Выше у Прютца отмечен Kailar (на русской копии Кизлар). т. е. Хайлар.

которое я нашел во время своего там'пребывания] Как показывают произведенные выше сопоставления, почти все названия взяты с Годуновской карты, прочитанной, однако, очень небрежно и неверно.

математик Фохт] Календари „Ягана Гендрика Фохта" (J. H. Voigt), „королевского Свейского математика" действительно пользовались большим распространением в Московской Руси в конце XVII века. П. Пекарский (Наука и литература в России при Петре Великом, СПб. 1862, т. 1, стр. 285—289) подробно описывает ряд этих календарей в русских списках конца XVII века и попутно приводит свидетельство Г. Корба (1699), что календари Фохта были подвергнуты в Москве запрещению; в одном из предсказаний Фохта „Москва не избежит определенного ей несчастья", Корб видит намек на случившиеся потом стрелецкие смуты. Взял ли Корб это известие из книги Шлейсинга? В книге А. И. Соболевского—Переводная литература Московской Руси, СПб., 1903, стр. 89, 135. 136 перечислены русские рукописные переводы календарей Фохта в списках 1684—1696 годов. Более поздние русские списки календарей Фохта и издания их описаны также в книге: Библиотека Московской Синодальной Типографии, ч. I, отд. 5. Календари и святцы. Описал Алексей Покровский. М. 1911, стр. XV и сл. Об Иоганне Генрихе Фохте см. Jöcher, Allg. Gelehrten Lexiceon, t. IV (Leipz. 1751). col. 1696.

XVI. ДЕ-ЛА-НЕВИЛЛЬ | DE LA NEUVILLE

(1691)

Де-ла-Невилль — дипломатический агент французского правительства, посетивший Москву во второй половине 1689 г. Вопрос о личности де-ла-Невилля и о целях его приезда в Московию в свое время вызвал споры. Дело в том, что об изданной им в 1698 году французской книге о России, возникло предположение, будто она принадлежит в действительности не Невиллю, а библиографу Адриену Байэ (Baillet), происходившему из городка Neuville, и что таким образом имя Невилля—только литературный псевдоним. Мнение это основывалось, между прочим, на том, что голландский переводчик этой книги перевел также и имя автора, сделав из Neuevill'e Nieuwstad'a. А. И. Браудо, посвятивший этому вопросу специальную статью, доказал, что авторство и личность де-ла-Невилля не могут возбуждать никаких сомнений, т. к. имя его упоминается во французской дипломатической переписке, и т. к. о нем, как о живом и известном им лице говорят в своих письмах Н. Витсен и Лейбниц (А. Браудо, „Russica" в „Сборнике статей в честь Д. Ф. Кобеко", СПб. 1913, стр. 247—250). Пользуясь данными, какие Невилль сообщает о себе самом в своей книге, а также справками, приведенными у А. Браудо, историю его приезда в Московию можно представить в следующим виде. Когда в 1689 г. французское правительство пожелало склонить Польшу к нападению на владения Бранденбургского курфюрста, то оно отправило в Варшаву де-ла-Невилля вместе с некиим Дютейлем с поручениями и в помощь чрезвычайному французскому посланнику в Польше—маркизу де-Бетюню. Последний нашел нужным отправить Невилля из Варшавы в Москву, чтобы тот, под видом польского посланника, мог разузнать, в чем будут состоять переговоры находившихся в Москве послов шведского и бранденбургского. Эта опасная миссия выполнена была Невиллем не очень удачно; аудиенции у царя, которой он добивался в течение пяти месяцев, Невилль так и не получил; благодаря проискам других иноземных дипломатов, его действия в интересах французского правительства были, в общем,

скоро раскрыты; положение его несколько раз становилось довольно опасным и вынуждало на продолжительное бездействие. Невилль использовал его для изучения современного состояния России и по возвращении на родину написал книгу, в которую занес все, что случилось ему видеть и слышать в Москве, под заглавием: „Новое и любопытное известие о Московии" (Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, contenant l' état présent de cet Empire, les Expeditions des Moscovites en Crimée en 1689. Les causes de derniers Revolutions. Leurs Moeurs et leur Religion. Le récit d'un voyage de Spatarus par terre, a la Chine, Paris, 1698). Проведя в Москве, в общем, около полугода и встречаясь со многими выдающимися деятелями того времени, напр., с кн. В. В. Голицыным, Андреем Артамоновичем Матвеевым, Е. И. Украинцевым и др., Невилль успел заметить и расспросить многое и оказался свидетелем важных исторических событий: стрелецкого бунта, падения В. В. Голицына и т. д. Поэтому книга его является „одним из интереснейших источников для истории тех смут, которые переживало русское государство в 80-е гг. XVII века и для характеристики этой эпохи русской истории вообще". (См. А. Браудо, Записки де-ла-Невилля о Московии. „Русск. Старина". 1891, № 9, стр. 420; на важность и достоверность сообщаемых Невиллем известий указывали еще Н. Устрялов в „Истории Петра Великого", т. I, стр. LXII и т. II, стр. 322 и в особенности М. П. Погодин, посвятивший книге Невилля специальную разведку в работе: „Семнадцать первых лет в жизни Петра", прилож., стр. 72—92, подробный обзор литературы о Невилле см. у Н. Чарыкова. Посольство в Рим Павла Менезия, СПб. 1906, стр. 497—694). Последняя глава книги Невилля представляет запись его бесед с Николаем Спафари или Спафарием Милеску, служившим в Москве переводчиком в Посольском приказе, который за несколько лет перед тем (а не месяцев, как говорит Невилль) совершил путешествие в Китай через Сибирь. В письме к Людовику XIV, предпосланному к книге, Невилль рассказывает, что когда, находясь под подозрением, он „вынужден был для безопасности сидеть дома, затворив двери и никуда не выходя", его „единственным развлечением" являлись разговоры со Спафарием, который назначен был к нему в качестве пристава. Содержанием их бесед были путевые впечатления по дороге Спафария в Китай и характеристика русско-китайской торговли, которая крайне интересовала тогда всех иностранцев. „Сведения, полученные мною от него, весьма любопытны,—пишет Невилль королю,—и могут быть весьма полезны вашему величеству, указывая на возможность организовать сухопутную торговлю с Китаем; поэтому я тщательно заметил подробности всего, что я от него слышал". В тексте книги Невилль замечает, что он хотел узнать от Спафария „все подробности, а также имена рек, гор и областей, через которые он проезжал", но нашел его „очень осторожным в этом отношении и

очень молчаливым" и правильно объясняет это боязнью Спафария, как бы его не обвинили в раскрытии государственных тайн: безуспешные хлопоты Авриля (см.) убеждают в том, что Невилль не ошибался на этот счет. Тем не менее, сведения, которые Невилль получил от Спафария, в общем, довольно интересны и заслуживают внимания. Н. В. Чарыков (Посольство П. Менезия, СПб. 1906, стр. 507) полагает, что в особую последнюю главу разговоры со Спафарием были сгруппированы в январе или феврале 1691 г. „когда Невилль находился вблизи Парижа или уже туда приехал"; это вполне возможно, но ничуть не уменьшает их интереса и достоверности, хотя несомненно, что кое-в чем (напр., при описании ловли соболей) Невилль или не понял Спафария или извратил его рассказы. В целом эта глава имеет несомненный интерес, так как она дополняет „Путешествие" Спафария, которым не без труда смог воспользоваться и Ф. Авриль. Во Франции тогда укоренялась своеобразная мода на „китайщину" (chinoiserie), оказавшая сильное влияние на искусство того времени (Bélévitch—Stankevitch. Le goût chinois en France au temps de Louis XIV, Paris, 1910); после русских посольств во Францию 1685 и 1687 гг., привезших в подарок Людовику XIV прекрасные китайские ковры и материи, злободневным стал вопрос с возможности торговли с Китаем непосредственно через Россию и Сибирь, а не при помощи дорого стоющего экспорта на кораблях Индийской компании. Поэтому сведения, добытые Невиллем у Спафария, действительно должны были вызвать к себе интерес, несмотря на то, что по этому вопросу уже ранее появилась книга Авриля. В связи с этим интересно отметить, что авторитет Спафария, как путешественника и синолога стоял здесь очень высоко. В Париж попала даже рукописная копия „Описания китайского государства" Спафария, списанная Спарвенфельдом в немецкой слободе под Москвой в 1685 году (P. Martinoff. Les manuscrits slaves de la Bibliothéque Impériale de Paris, Paris, 1858, p. 105—106), несмотря на то, что она, как доказал Бэдлей, является ничем иным, как только переводом сочинения Мартини, во Франции хорошо известного (F. Baddeley Russia, Mongolia, China. Lond. 1919, vol. II, p. 208—212).

Книга Невилля издана была несколько раз; вслед за парижским изданием 1698 года последовали—английский перевод (La Haye, 1699) и два голландских (Utrecht, 1699 и 1707), которые несколько отличаются от подлинника (ср. А. Браудо, Сборник в честь Д. Ф. Кобеко, стр. 247—250 и „Русск. Стар.", 1891, № 9, 419—420). Первый русский перевод сочинения Невилля сделал Н. А. Полевой. „Русский Вестник", 1841, № 9 и 10, однако, он отличается большими неточностями и, кроме того, сделан не с французского, а с английского текста. Новый и вполне точный перевод дал А. Браудо в „Русской Старине", 1891, т. LXXI и LXXII откуда мы и заимствуем последнюю главу (стр. 274—281), приводя ее в сокращении и с комментарием, в указанном издании отсутствующим.

Изложение рассказов Спафария о путешествии в Китай и торговле с этою страною

Меховая торговля уже очень давно возникла в Московии, но она приняла теперь совершенно иной характер. В старину соболи в Московии были очень мало известны и московитяне пользовались только дешевыми мехами, исключая горностаевых, на которые они выменивали то, что им было надобно. Дед нынешних царей, Василий Васильевич, прозванный Грозным, ...покоривши царство Казанское и Астраханское, открыл часть той обширной страны, которую называют Сибирью, что на славянском языке значит тюрьма, так как этот жестокий по природе властитель посылал в эту область, тогда не имевшую еще никакого названия, всех, кто лишался его милости; этим-то сосланным московитяне и обязаны открытием дороги в Китай и множества куниц, которых они нашли на этих обширных пространствах, покрытых непроходимыми и неизвестными доселе лесами, которые, вероятно, простираются до самого Ледовитого моря. Охотники проникли в эти леса, подвигаясь постепенно вперед за ловлею разных зверей, как-то: черных лисиц, рысей и других диких животных, которыми изобилуют упомянутые необитаемые никем леса и шкуры которых так дорого ценятся.

Добыча соболей производится преступниками, ссылаемыми в Сибирь, подобно тому, как во Франции ссылаются на галеры, и солдатами, которых посылают туда полками, под начальством полковника, оставляя их там обыкновенно на семь лет. И те и другие обязаны приносить еженедельно известное количество шкурок; причем они должны наблюдать, чтобы на них не было дырочек и чтобы они не были замараны кровью, от чего, как говорят, эти шкурки, в особенности же собольи, портятся; поэтому за каждую продырявленную шкурку охотника наказывают палочными ударами; чтобы избежать их, они не стреляют иначе, как только одною пулею в голову зверька, к чему они почти все приучены, так как московитяне вообще незнакомы с употреблением мелкой дроби. Так как охота эта требует, таким образом, большого терпения и усердия, то офицерам разрешено для того, чтобы заинтересовать солдат, распределять между ними все те шкурки, которые они добудут сверх того числа, которое они должны еженедельно представлять в казну. Излишек этот бывает очень значителен, так что полковник в семь лет наживает тысяч до четырех экю, а подчиненные ему офицеры по соразмерности; заработок же солдат составляет не более шести или семи сот экю. Нужно иметь, таким образом, добрых друзей, чтобы быть туда посланным, так как каждый дворянин получает в Московии жалования не более 1.000 экю, половина которых выплачивается притом же соболями, которые при этом оцениваются обыкновенно выше настоящей их цены. Полковник получает четыреста экю, а другие офицеры по соразмерности.

Голицын хотел было установить, для пользы царя и офицеров, уплату всех государственных расходов сполна деньгами, для чего он и намеревался посылать все меха, в которых не имеется надобности, через надежных людей, в иностранные земли, чтобы продать их там или же обменять на нужные товары, которые были бы затем продаваемы в пользу царя. То, что он сделал для утверждения сухопутной торговли с Китаем через Сибирь и Татарию, заслуживает особого описания.

Спафарий, родом валах, был изгнан из своей родины после того, как ему отрезан был кончик носа за то, что он открыл султану тайный договор между волохским господарем, его родственником, и королем польским, после чего господарь был низложен и принужден бежать в Польшу, где и получает при дворе короля определенную пенсию. Спафарий удалился сначала к бранденбургскому курфюрсту, где был принят очень хорошо, так как он очень образован и хорошо знает греческий, латинский и итальянский языки. Но король польский уведомил курфюрста о вероломстве Спафария и последний тотчас же должен был оставить его двор. Не зная куда ему обратиться, он отправился в Московию. Голицын принял его очень хорошо, дал ему содержание, а через несколько времени потом отправил его от имени царя в Китай с поручением исследовать возможность учреждения сухопутной торговли между этим государством и Московиею. Два года провел Спафарий в путешествии; причем ему пришлось бороться с величайшими трудностями, но, будучи очень способен и умен, он собрал во время этого путешествия множество сведений о положении местностей, которые он проезжал, и по возвращении обнадежил Голицына, что во второе его путешествие можно будет устроить такой путь, который даст возможность ездить по этой стране также удобно, как по всякой другой. На основании этих уверений, Голицын начал выбирать наиболее удобный и кратчайший путь для перевозки товаров; найдя его, он стал изыскивать средства для учреждения там постоянного сообщения и решил построить от Москвы до Тобольска, главного города Сибири, несколько деревянных домов на каждой десятой миле; в домах этих должны были быть поселены крестьяне, которым предоставлены были бы доходы с известного количества земель с тем, чтобы каждый дом содержал по три лошади, которых на первый раз он должен был им сам выдать с правом взимать с проезжающих в Сибирь и обратно по собственной надобности по 3 коп. с лошади за каждые 10 верст, равные двум немецким милям. По всей сибирской дороге, так как и по всей Московии, поставили столбы для указания пути и числа верст. В тех местах, где снег так глубок, что лошади не могут итти, также построили дома, в которых поселили осужденных на вечное изгнание, снабдив их деньгами, припасами и заведя у них больших собак, которые должны были вместо лошадей тащить сани по снегу. В Тобольске же,

городе, расположенном на реке Иртыше, который неправильно называют Обью, в которую он только впадает, Голицын велел выстроить большие магазины и в них иметь запасы, а также барки, караваны, которые могли по реке подыматься до Кизильбаша (Kesilbas)— озера, находящегося у подошвы гор Прагогских (Pragog), где также были устроены необходимые для продолжения путешествия удобства.

Спафарий уверял меня, что он совершил свое последнее путешествие через Сибирь в пять месяцев, и так легко и удобно, как в нашей Европе. Я хотел узнать от него все подробности, а также имена рек, гор и областей, через которые он проезжал, но я нашел его очень осторожным в этом отношении и очень молчаливым. Я понял хорошо, что если он не удовлетворил моему любопытству, то только из боязни, что если это узнается, его обвинят в том, что он открыл что-либо, что они желают держать в тайне от всех других народов, и угождение, которое он оказал мне, объяснив мне то, о чем я его спрашивал, будет награждено палочными ударами, от которых не избавляют в Московии никого, начиная с последнего крестьянина до бояр. Из слов его я, однако, понял, что он собирается в следующем своем путешествии найти путь более короткий и удобный. Голландцы, всегда завистливые к другим народам, что доказали они всеми учреждениями своими на востоке, стараясь захватить в свои руки всемирную торговлю и исключить из нее все другие народы, убедили московитян, после падения Голицына, запретить всем иностранным купцам проезд через русские владения. Они опасались, что если эта дорога будет узнана лучше и по ней откроется легкий проезд, то французы непременно постараются завладеть ею, станут перевозить лучшие предметы торговли, которые охотно покупают китайцы и татары, отдавая за них свои лучшие и ценные товары, а это со временем может нанести значительный вред голландской торговле через мыс Доброй Надежды, Батавию, Малакку и другие места на востоке, которые голландцы отняли у португальцев и англичан. Они предвидели, что удобство и безопасность сообщения по сухому пути, раз навсегда уже установленному, заставят всех иностранных купцов предпочесть именно его, чем видеть себя подверженными ежедневно бурям, неудобствам, болезням и всякого рода случайностям морского пути, не говоря уже о годах, которые нужно употребить на такое путешествие. Таким образом, благодаря иностранцам могла бы со временем развиться по этому пути обширная торговля. Московитян голландцам опасаться было нечего, ибо, как это им хорошо известно, они слишком мало имеют ума, чтобы добиться чего-либо значительного. Кроме того, они слишком бедны, чтобы покупать драгоценные товары этих стран, а потому они ничего и не будут в состоянии вывозить оттуда, кроме небольшого количества шелку, чаю, деревянных изделий и разных безделок. Таким образом, голландцы

могут быть уверены, что московитяне ни теперь, ни в будущем не в состоянии будут соперничать с ними в торговле. Король польский, спустя несколько лет, жаловался через своего посланника на это запрещение, так как оно совершенно противоречит трактату 1686 года, в котором прямо сказано, что подданные короля польского могут ездить по этому пути туда и обратно. Но в ответ на это он получил только то, что так приказали цари. Подобный же ответ дан был и шведскому королю, посланник которого Фабриций, для поддержания мира, заключил в 1686 году с ними трактат по поводу торговли с Персией. Московитяне полагают, что они делают уже очень многое, разрешая польским послам ездить через их владения в Персию и доставляя им экипажи на всем протяжении до Астрахани.

Польский король включил вышеозначенную статью в трактат 1686 года по просьбе иезуитов, которые надеялись пробраться этим путем в Китай. Но Голицын, несмотря на все свое могущество, не мог, однако же, доставить разрешение позволения тем иезуитам, которых граф Сири, посланник польский в Персии, привез с собою в Москву в 1688 г. с просьбой короля об облегчении им пути в Китай; дело в том, что голландский посланник в Москве, действуя в духе своей нации, немедленно дал под рукою знать московитянам, что в числе 12-ти польских иезуитов находятся о. Авриль и Бовилье, французы, которых христианнейший король посылает будто бы разведать о пути в Китай. После этого эти варвары объявили польскому посланнику, что он может взять с собою в Персию подданных польского короля, но что касается до французов, король которых оскорбил царского посла, то им не будет никакой милости, кроме той, что они могут ехать обратно дорогою, которою приехали в Москву. По возвращении их в Польшу, король польский препроводил их в Царьград. Но можно надеяться, что по заключении мира, который принесет королю Франции столько-же, а может быть и еще более славы, нежели заключенные раньше, ему легко будет принудить московитян разрешить его подданным учредить торговый путь с Китаем.

ПРИМЕЧАНИЯ

Василий Васильевич, прозванный Грозным] Иностранцы часто путали имя и отчество Ивана Грозного, называя его просто „Basilowitz". Пропускаем несколько подробностей, почему царь заслужил прозванье Грозного, ничем несвязанных с содержанием главы.

Сибирью, что на славянском языке значит тюрьма] Фантастическая догадка самого Невилля. Н. Д. Сергеевский (Наказание в русском праве XVII века, СПб. 1888 г., стр. 250) по поводу указанного места замечает: „Сибирь населена была в значительной степени преступниками и даже можно сказать почти исклю-

чительно ссыльными и опальными. Не даром иностранцы думали, что даже само слово „Сибирь" означает на русском языке место заключения преступников". О толкованиях имени „Сибирь" см. выше: т. I, стр. 54—56.

дорого ценятся] Пропускаем несколько страниц, посвященных истории возникновения иностранной торговли в Московском государстве.

добыча соболей производится преступниками] Сл. выше: Кильбургер и Авриль. Спафарий о соболях писал следующее: „А соболь зверок зело преливный и многоплодный (по-латыне и по-гречески именуются соболи зибелине) и нигде на свете не родится опричь в северной стране в Сибири, а в Сибири родятся добрые наипаче при море и где холоднее места, а где места теплые, и степные тут худые соболи родятся. А родятся они вдруг по 5 и 6, зверок радостный и красив, а красота его придет вместе со снегом и опять со снегом сойдет, и тот есть зверок, что у греков у старых и у латинов имянуется златая кожа, и для той кожи греки Аргонавте ходили по Черному морю, и после того вверх по рекам сыскали ту кожу, как историки пишут. И столь многоплодный есть тот зверок, что будто неистощаемы источник. И для того написали здесь про соболей, потому что лутче всех по Лене здесь родятся" (Ю. В. Арсеньев. Путешествие.... Н. Спафария, СПб. 1882, стр. 134).

Голицын хотел было установить...] О князе Вас. Вас. Голицыне, фактическом управителе Московского Государства в к. 80-х гг., как указано во введении к настоящему тексту, много говорится в книге Невилля; на известиях этих и основываются, главным образом, биографы Голицына, напр., М. Погодин, А. Брикнер. Невилль пишет про Голицына, что его намерением было „поставить Московию на одну ступень с другими государствами", и что он даже хотел начать с освобождения крестьян. В книге Невилля приведены разнообразные данные, характеризующие реформаторские замыслы Голицына, которым, однако, не суждено было сбыться: Невилль был свидетелем падения Голицына. Из книги Невилля и из других источников, например, писем Л. Рингубера мы знаем, что „Голицын, многосторонне образованный и склонный к западноевропейским приемам общежития, вообще производил на иностранцев очень благоприятное впечатление" (А. Брикнер, Рингубер, Ж. М. Н. Пр. 1884, № 2, стр. 420).

Спафарий] В биографии Спафария, излагаемой Невиллем, есть некоторые неточности. Спафарий был родом из Молдавии и прибыл в Россию, вероятно, в нач. 1672 г. Настоящее его имя было Николай Милеску, а прозвище Спафарий, обратившееся на Руси в его фамилию, могло произойти от должности спатара или спафара, которую он занимал в своем отечестве. Спафарий был молдавский боярин и родственник Александра Дуки. Принадлежа к турецкой партии молдавских бояр, он дал знать Порте о тайном союзе Александра Дуки с польским королем Михаилом Вишневецким; за это господарь подверг его позорному наказанию (отрезал ему нос) и изгнал его, как изменника, из отечества. Спафарий отправился к Бранденбургскому курфюрсту Фридриху Вильгельму, но влияние польского короля не позволило ему здесь остаться, и он отправился в Россию. В Москве, как человек умный и ученый, владевший молдавским, греческим, латинским и итальянским языками, он нашел себе покровителя в лице кн. В. В. Голицына и при его посредстве получил место переводчика греческого языка при Посольском приказе. Заявив себя хорошим переводчиком, Спафарий написал и перевел ряд сочинений: „Арифмологион", „Хрисмологион", „Мусы или о седми свободных художествах", „О сивиллах" и т. д. (см. П. А. Сырку. Николай Спафарий до приезда в Россию. „Записки Вост. Отд. Р. Арх. Общ". СПб. 1888, т. III, вып. 1—2, стр. 183—196; И. Н. Михайловский. Очерк жизни и службы Николая Спафария в России.—„Записки Историко-Филологического Общества при институте Безбородко в Нежине" и отд. Киев, 1895, стр. 1—40; Ю. В. Арсеньев. Николай

Спафари и его время „Русск. Архив". 1895, № 7, стр. 349—360; его же. Новые данные о службе Н. Спафария в России (1671—1708). „Чтения и Общ. Ист. Древн." 1900, кн. IV; подробнее литература указана в статье А. И. Яцимирского, приложенной к книге: Н. Г. Спафарий. Описание первыя части вселенныя именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городы и провинции (Казань, 1910). Догадываются, что Спафарий еще до приезда в Россию был знаком с литературой о Китае (его „Арифмология"—дидактическая энциклопедия, напоминает китайский трактат Сан-цзе-кинг) или знал о нем кое-что и интересовался им, и что это знакомство не осталось без влияния на его назначение в посольство, отправленное в 1675 году в Китай. Самый замысел этого посольства стоит, быть может, в связи с переговорами Л. Рингубера, который, отправлен был в Москву в начале 1674 г. с поручениями от саксонского герцога Эрнста. По поручению последнего, Рингубер, как видно из его донесения герцогу, в беседе с царем (7-го июля 1674 года) обратил его внимание на возможность успешного развития торговых сношений России с Китаем. „Нет сомнения, пишет биограф этого саксонского дипломата,—что Рингубер во время своего пребывания в Саксонии в 1673 г. имел случай беседовать или с самим герцогом или с его сановниками о Китае и Абиссинии и о значении этих государств для России. Рингубер сам начал серьезно мечтать о средствах сближения России с Китаем и с Абиссинией, ему самому захотелось совершить путешествие в ту и другую страну. Поэтому он в своих беседах с царем Алексеем Михайловичем обращал особенное внимание на эти обширные проекты... Рингубер объяснял Матвееву, каким образом московское правительство могло бы воспользоваться удобным географическим положением царства для развития торговли с азиатскими державами, с Китаем, с Ост-Индией и т. д. По его мнению, торговля могла бы доставить России гораздо больше выгоды, нежели открытие рудников, на которое истрачены без пользы большие средства"... (А. Брикнер. Лаврентий Рингубер, Ж. М. Н. Пр. 1884, № 2, стр. 404; ср. письмо самого Рингубера 29 авг. 1674 г.: „к этому прибавил я некоторые предложения... об открытии северо-восточного прохода в Хину и Ост-Индию, так как владения его царского величества распространяются до Китая, Китай же граничит с Хиной, затем об исследовании рек этих мест" и т. д. Relation du voyage en Russie fait en 1684 par Laurent Rinhuber, Berlin 1883, p. 81—82; сл. ниже формулировку тех же „Propositiones", представленных А. Матвееву, p. 91, 132, 140). Все эти предложения несомненно заинтересовали русское правительство; во всяком случае, С. М. Протопопов, летом 1674 г. отправившийся в Саксонию послом вместе с Л. Рингубером, получил, между прочим, инструкцию „вести переговоры о средствах развития торговых сношений между московским государством и Китаем" и действительно старался „ознакомиться с соображениями саксонских чиновников относительно Китая", вывезя оттуда даже некоторые рукописные материалы о Китае, например, „латинскую тетрадь, в которой предлагалось царю снарядить экспедицию для северо-восточного прохода" (P. Pierling. Saxe et Moscou. Un medecin diplomate Laurent Rinhuber de Reinfer, Paris 1893, p. 43—44).

Все это заставляет предполагать, что разговоры, которые Рингубер вел в Москве, не остались без влияния на отправку посольства Спафария: слишком сходствуют предложения Рингубера с теми инструкциями, которые были даны Спафарию. Недаром в бумагах Рингубера осталась довольно любопытная заметка о посольстве Спафария, в которой он пишет, что непременно сам принял бы участие в этом путешествии, если бы в это время не находился в Вене (Cл. P. Pierling, op. cit. p. 45; Ж. М. Н. Пр. 1884, № 2, стр. 406—410). Спафарию предписано было собрать подробные сведения о путях сообщения между Сибирью и Китаем: „от государевы отчины от Сибири на которое земли и улусы или кочевья ходить податнее... и сухим путем или водяным или горами, и сколько от которого и до которого города или улуса верст или милей или днищ". Как известно, он удачно справился со своей задачей, привезя с собой журнал своего путешествия (Ю. В. Арсеньев. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Ник. Спафария в 1675 г. СПб., 1882. К. В. Ба-

зилевич. В гостях у богдыхана. Лгр. 1925), а также ряд материалов о Китае: так в Москве им были поданы еще „Описание Китайского государства" (1677); „Описание Амура", составленное по пути в Китай; т. наз. „Татарская книжица", в которой он описал покорение Китая богдойцами и обычаи как их самих, так и других родственных им народностей; первая часть „Татарской книжицы" есть ничто иное, как перевод сочинения Мартини „De bello Tartarico Historia" (Colonial, 1645); во второй части Спафарий говорит о богдойцах, гиляках, мунгалах, калмыках. Более чем вероятно, что часть обширных сведений, заключающихся во всех этих трудах Спафария, заимствована из неизвестных нам двух книг о Китае Юрия Крижанича (С. А. Белокуров. Юрий Крижанич в России. М. 1906, стр. 142—146). Спафарий встретился с Крижаничем в Тобольске, где пробыл с марта по май 1675 г. Крижанич оказал ему ряд важных услуг: во-первых, перевел ему „одну голандским языком напечатану книгу, об посольству како суть холандци перед 8 летми в Китаю пословали" (Белокуров предполагает, что это было описание посольства голландцев в Китай Петера-ван-Горна в 1666—68 гг.), а во-вторых, дал ему „переписать свою книгу, которую издавна о китайских делах из всяких повестей собирал, а наипаче от себя по философии придумал, а в ней об заводу много корыстного с китайским кралевством торга, и как можно чрез таков торг и чрез изрядные промыслы государевой казне значну прибыль учинить". Крижанич упоминает также, что Спафарий усиленно просил его написать ему особо все, касавшееся сибирских путей и Китая, которое „в двух рукописях и увез с собою". „И он из того,—прибавляет Крижанич,—знает все, еже ему надобно, како дабы се тамо родил" (Белокуров, op. cit, стр. 145). О Спафарие см. еще „Журнал китайский, веденный в Пекине по случаю прибытия Спафария, переведенный с Манчжурского"—„Сибирск. Вестник" 1823 г., ч. III. А. Иванов-ский. Посольство Спафари (манчжурский текст). Зап. Вост. Отд. Р. Арх. Общ., т. II; Б. Г. Курц. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII ст. Харьков, 1929, стр. 41—47. Таким образом, собеседник Невилля мог ему сообщить действительно не мало интересного о Китае и Сибири.

Голицын... стал изыскивать средства для учреждений там постоянного сообщения] „Рассказ, очевидно, передан Невиллем весьма неточно, — замечает И. Я. Гурлянд (Ямская гоньба в московском государстве до к. XVII в. Ярославль. 1900, стр. 204—205): ямская гоньба учреждена была в Сибири чуть ли не за сто лет до Голицына, и инициатива Спафария, как следует думать, сводилась лишь к каким-то реформам. Весьма возможно также, что именно с этого времени в особо глухих местах были привлечены к ямской гоньбе ссыльные; ссыльных селили в особых домиках, имевших значение промежуточных ямов"...

В Тобольске... расположенном на Иртыше, который неправильно называют Обью] Невилль неточно передает слова Спафария. В тексте „журнала" его путешествия говорится: „река Тобол течет с рекою Иртышем подле самого города Тобольска, потому что город Тобольск построен на самом берегу Иртыша на высоком месте"... „А река Иртыш... течет до Белогорской горы, и там падет Иртыш в Обь реку, и больши того не именуется Иртыш, только Обь река" (изд. Ю. В. Арсеньева, стр. 40 и 46).

Подыматься до Кизильбаша] Здесь имеется в виду озеро Зайсан, которое, как видно из данных Спафария, было посещаемо русскими уже во 2-ой половине XVII века. Спафарий пишет, что еще до него в „давных годех близь озера Кизыльбаша или Ясана плыли [служилые люди] из Тобольска и сыскали слюду", а также, что „от Тобольска до самой вершины Иртышской мочно легкими судами плыть". О самом озере Зайсане он сообщает, что „сквозь то озеро прошла река Иртыш и не мешается с озером и опять за озеро течет своим течением. А в том озере вода пресная, зеленая, и рыбы много и зверей. И в нем есть зверь некоторой незнаемый, которой ловит лебедей и гусей и иные птицы, будто

крокодил и можно бы и крокодилом быти, только никто не ведает; а калмыцким языком именуют то озеро Кизылбаш". (Путешествие. изд. Ю. В. Арсеньева, стр. 42, 182). Более точные данные об озере Зайсан находятся в „Описании Сибирского Царства" (1683): „А от Ямышева озера вверх по Иртыше реке Черных Калмык до улусов Бошохты хана Заисанкул урочище великому озеру; ширина тому озеру Зайсанкулю 7 поприщ; а посреде того озера бежит Иртыш река; ходу стругами 2 месяца, а сухим путем степью, лошадьми 2 недели кочевным ходом" (А. Титов. Сибирь в XVII веке. М. 1890, стр. 76—77).

гор Прагогских] Озеро Зайсан лежит у подножья Алтая.

XLVII. ЭВЕРТ (ЭБЕРХАРД) ИСБРАНТ ИДЕС | EVEPT ISBRAND IDES

(1692—1695)

Эверт Исбрант Идес (в России его называли: Елизарий Елизариев сын Избрант) р. около 1660 г. в г. Глюкштадте в Голштинии и по происхождению был или немец (так полагает В. А. Кордт в „Материалах для истории русской картографии", серия II, вып. I, Киев 1905, стр. 27) или голландец (такое предположение высказано В. А. Кордтом в его книге „Чужоземні подорожні", Киев, 1926, стр. 145), но датский подданный (в одной русской подрядной записи о нем говорится: „Се аз иноземец датской земли". Елагин. История русского флота, СПб. 1864, прилож. I, стр. 241). Он происходил из купеческой семьи и с 1677 года занимался коммерческими делами в России. Из того факта, что Витсен называет его своим другом и, следовательно, был лично знаком с ним, обычно заключают, что Идес жил некоторое время в Нидерландах (Cebhard, Het leven v. N. Witsen II, 322). Когда русское правительство, не получая отзыва из Китая о Нерчинском договоре, решило отправить туда нарочного, то исполнить это поручение вызвался Идес и в начале 1692 г. он был отправлен через Сибирь в Пекин. Поездку эту Исбрант надеялся использовать и в своих личных целях. „Родом есть земли датские", писал он сам, прося государя, чтобы ему „позволено было ехать через Сибирь в китайское царство" и „побыть в том государстве для продажи своих и покупки тамошних товаров" (см. G. Cahen, Histoire des relations de le Russie avec la Chine sous Pierre le Grand, Paris, 1912, p. XXVI: челобитная; инструкции Исбранту напечатаны здесь же, p. XXVIII). Из Москвы он выехал весною 1692 года (Бантыш-Каменский. Собрание дел между российским и китайским государствами, Казань, 1882, стр. 66; И. Тыжнов. Заметки в городских летописях в Сибири, СПб. 1898, стр. 145; сл. рекомендательное письмо Патрика Гордона об Исбранте к иезуитам в Китае из Москвы от 10 марта 1692 г.,— напеч. в книге Tagebuch des Genarals Patrick Gordon, hrsg. v Posselt, Bd. III, 1851, S. 313—314; другие материалы об Исбранте помещены здесь же, Bd. II, S. 327, 336, 369, 379, 506, 511); вернулся же в Россию в феврале 1695 года. Миссию его следует признать неудав-

шейся; в своих переговорах с китайским правительством он почти ничего не достиг; поэтому вывод В. Андриевича (Краткий очерк истории Забайкалья, Пгр. 1887, стр. 58), что в результате поездки Исбранта Манчжурия открылась для русской торговли следует признать столь же неправильным, как и мнение Х. Трусевича (Посольские и торговые сношения с Китаем. М. 1882, стр. 33—34), что он успел договориться в Китае относительно русских казенных караванов. (См. по этому поводу Б. Г Курц. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII ст. Харьков-Киев, 1929, стр. 54—58). Собственные же коммерческие дела Исбрант, повидимому, устроил, как это можно догадаться из писем живших в Москве иезуитов („Письма и донесения иезуитов о России к. XVII и нач. XVIII в." СПб. 1904, стр. 11, 37—38). Зато поездка Исбранта оказалась важной в другом отношении. Во время своего путешествия Исбрант вел дневник, который был издан меньше, чем через год по его возвращении в Москву, сначала в Германии, потом в Голландии. Этот дневник является очень важным источником для этнографии и географии Сибири.

Уже в 1696 году Chr. Menzel в свою книгу Kurtze Chinesische Chronologie... nebst 1. Anhang einer Moskowitischen Reisebeschreibung zu Lande nach China in 1693—1695 v. d. Abges. Isbrand Ides, Berlin, 1696 поместил извлечение из дневника Исбранта „о том, как московский посланник Исбрант предпринял сухопутное путешествие в Китай и какие он при этом встретил народы и племена". (Relation wie der Moskowitische Envoyé Mr. Isbrand seinen Weg zu Lande nach China genommen und was er von Nation--Völker angetroffen u. s. w). Рукопись дневника была получена Менцелем от бранденбургского посланника в Москве Iohannes'a Royer'a который, в свою очередь, получил его непосредственно от Исбранта. В следующем 1897 году отрывок из его путевых записок напечатал Г. Г. Лейбниц в „Novissima Sinica historiam nostri temporis illustratura", и оно было переиздано в 1699 году. Впоследствии сам Исбрант послал свои записки Н. Витсену, который отредактировал их и приготовил к печати. В письме к Х. Кюперу от 24 сент. 1709 г. Витсен вспоминал: „Описание путешествия Исбранта в той форме, как оно издано, было редактировано мною по бумагам, которые он мне прислал и которые были написаны весьма запутано (confus) на его гамбургском или нижнесаксонском наречии" („op sijn Hamburghs of Nedersax" См. Gebhard. Het Levin v. N. Witsen II, 332). Однако, еще до выхода в свет того. этого издания, один из спутников Исбранта по путешествию, немец Адам Бранд издал в Гамбурге описание их совместного пути, которое тотчас же было переведено на английский, а в 1699 — на голландский языки. (Adam Brand, Beschreibung der Chinesischen Reise welche vermittelst Einer Zaris. Gesandschaft durch Dero Ambassadeur, Herrn Isbrand; Anno 1693, 1694 von Moskau, über gross Ustiga, Siberien Dauren und durch die Mongolischen Tartarey verrichtet worden, Hamb. 1699). Библиографию этого сочинения см. R. Minzloff, Pierre le Grand dans

la littérature étrangère St. Petersburg. 1872, p. 168—171; В. И. Межов, Сибирская библиография т. II, № 12456—12460; G. Cahen, Histoire des relations de la Russie avec la Chine etc. Paris 1912 p. CLI—CLII. H. Cordier, Bibliotheca Sinica, 2 ed. Paris, 1908, t. III, col. 2092, t. IV, col. 2466—2470. P. и O. v. Möllendorf, Manual of Chinese bibliography, Shangai 1876, p. 229 № 3056 указывают еще неизвестное другим библиографам франкфуртское издание этого сочинения 1697 года. (Сочинение Адама Бранда значительно уступает дневнику самого Исбранта; собственно описание Сибири в нем отсутствует, так как в основном оно посвящено, главным образом, Китаю, о России же говорится лишь в самом начале книги. Ср. Е. И. Козубский. Заметки о некоторых иностранных писателях о России в XVII в., Ж. М. Н. Пр. 1876, № 5, стр. 26—27—28).

Таким образом, о путешествии Исбранта в Европе знали уже задолго до появления в печати его подлинной рукописи. Наконец, она была напечатана по настояниям Витсена, как указано было выше, самолично ее отредактировавшего. Заглавие первого издания, напечатанного в Амстердаме в 1704 году, было: „Driejahrige Reize naar China, te Lande gedaen door den Moscovitischen Abgesant E. Isbrants Ides" 4°; в нем помещены 29 гравированных листов, иллюстрирующих текст; издатель (Fr. Halma) приложил к нему также собственное предисловие, в котором рекомендует издаваемую им рукопись и письмо Идеса к Витсену от 25 мая 1696 г. Книга эта привлекла к себе большой интерес и переиздавалась много раз на разных языках: в 1706 г. в Лондоне вышел английский перевод, в 1707 году во Франкфурте — немецкий, в 1710 г. в в Амстердаме появилось новое голландское издание, а в 1716 — новое английское, в 1718 и 1727 г.— французские переводы. Отдельные ее части перепечатывались также в различных журналах и исторических сборниках (см., напр., С. В. Рождественский. Известия о России в историческом сборнике Theatrum Europeum Ж. М. Н. Пр. № 5, стр. 57—77); в 1800 г. в Праге вышел чешский перевод: Библиографию книги Исбранта см., кроме указанных выше библиографических пособий, также в следующих трудах I. Bermann, Literatur der älteren Reisebeschreibungen, II, 446; G. Henning, Die „Reiseberichte über Siberien von Herberstein bis Ides". „Mitteilungen des Vereins f. Erdkunde zu Leipzig" 1905, S. 315—316; K. G. v. Baer, Peters des Grossen Verdienste um die Erweiterung der Geogr. Kentnisse Petersb. 1872, S. 17—18.

Путешествие Исбранта использовано многими писателями XVIII века; много обязан ему Н. Витсен. (G. Henning, Die Reiseberichte, S. 315—316 пытается определить размер вклада Исбранта во 2 издание книги Витсена); ряд данных из него взят (без указания на источник) в книгу „Der allerneueste Staat von Sibirien, Nürnberg 1720, 2 изд. 1725; путевой дневник Исбранта был одним из главных источников для второй части „Робинзона Крузо" Д. Дефо (1719), где последний описывает путешествие Робинзона из Китая через Сибирь в Архангельск (см. мою статью „Сибирь" в романе Д. Дефо. Ирк. 1928). В XVIII веке сделан был и первый

русский перевод путевого дневника Исбранта (в Новиковской „Древней Российской Вивлиофике", т. VIII и IX), которым доныне обычно пользуются русские исследователи. Однако, он совершенно неудовлетворителен, т. к. не только значительно сокращает голландский подлинник, но и систематически искажает его. Повидимому, включение этого перевода в „Вифлиофику" сделано не без участия историка Миллера (см. И. Гурлянд. К вопросу об участии Г. Ф. Миллера в „Древней Р. Вивлиофике" Новикова, Чтения Общ. Ист. Др. 1899, III, стр. 20—24 и его же „Ямская гоньба в московском государстве". Ярославль, 1900, стр. 325—329). В русской литературе имеется еще описание путешествия Исбранта в полубеллетристической форме, сделанное К. В. Базилевичем „В гостях у Богдыхана". Путешествие русских в Китай в XVII веке. Лгр. 1927, стр. 169—213, интересное однако, тем, что автор использовал для своей книги также архивные материалы, напр., статейный список посольства Исбранта (из. б. Арх. Мин. Ин. Дел, книги китайск. двора № 15). Издание нового перевода сочинения Исбранта, сделанного по голландскому подлиннику, с учетом отличий этого текста от предшествовавших ему немецких публикаций Менцеля и Лейбница, является совершенно необходимым. Недавние статьи В. П. Шляпина „Удора" („Богатства севера", 1920, № 6, стр. 13—14) и „К истории заселения нашего края" (Известия Северо-Двинского общества изучения местного края, 1928, V, стр. 34—35 Чӧж-мӧр, Избраннедес о зырянах (сгренах) — „Коми-му" 1928, № 1, стр. 36—39), также посвященные анализу некоторых известий Исбранта о коми-зарянском крае показали, как много интересного из этого полузабытого источника может еще извлечь историк и этнограф. Сочинение Исбранта слишком велико для того, чтобы полный перевод его мог быть включен в настоящую книгу. Поэтому ниже приводятся лишь несколько отрывков, могущих служить образцами текста, но отнюдь не заменяющих целое. При проезде через Сибирь Исбрант проявил любознательность и пытливость: он сообщает много любопытных наблюдений, сделанных им на месте во время пути. Возможно допустить со стороны Идеса и некоторую литературную и особенно картографическую подготовку, которую он предпринял, отправляясь в путешествие; так, например, он пользовался картой Витсена и отмечал на ней замеченные им неточности и погрешности ее (на основании собранных им таким путем материалов карта была исправлена и в уменьшенном виде приложена к описанию путешествия Идеса; переиздана она была в 1727 году в виде приложения к французскому переводу (см. В. А. Кордт. Материалы для истории русской картографии, серия II, выпуск 1, стр. 27—28; воспроизведение ее здесь же, табл. XXVI). Однако, с другой стороны, ценность сообщаемых Исбрантом сведений именно в их непосредственной свежести, т. к. они не повторяют прежних данных, но основаны на личных наблюдениях.

Биография Исбранта после возвращения из Китая в Москву недостаточно ясна. Когда после покорения Азова в 1697 г. было приступлено к сооружению флота „кумпанствами" и постройка коммерческих судов производилась подрядом, Исбрант исполнял в казанском кумпанстве заказы по постройке судов и доставке припасов, как видно из его рядных записей 1697, 1698 и 1700 гг. (Н. Устрялов. История Петра В., т. II, стр. 308—309; Приложение XV, стр. 4—8; Елагин. История русск. флота, СПб., 1864, стр. 61—62 и прилож. I, стр. 241—243, 306—309; Дополн. к Акт. Историч. XII, стр. 90—91). Год его смерти в точности неизвестен, но в 1709 г. его уже не было в живых (ср. письмо Витсена Кюперу от 24 сент. 1709 г. у Gebhard'a op. cit., II., 322). Биографию Исбранта, написанную Ратцелем см. также в „Allgemeine Deutsche Biographie" Bd. XIII, S. 747—749.

Приводимые ниже отрывки взяты из „Driejarige Reize naar China" 1704, 40—45, 131—133.

[БУРЯТЫ]

Этот край, вплоть до самого Байкальского озера орошаемый Ангарой, населен язычниками, называемыми бурятами (Buratti). В этой местности, на холмах и в долинах живет много бурят, которые весьма богаты рогатым скотом, длинношерстыми быками и коровами. Все они имеют весьма низкие жилища, сколоченные из дерева и покрытые дерном. Вверху, на крыше находится дымовое отверстие; огонь разводят они посередине жилища. Они не знают ничего о хлебопашестве или огородничестве. Их дома, объединенные в деревни, расположены обыкновенно около рек. Буряты не меняют своего местожительства подобно тунгусам или другим народам. Вблизи от их домов стоят воткнутыми в землю стрелы, жерди и копья, к которым прикреплено несколько козлов и овец. Весною и осенью объединяются они толпами до ста человек и отправляются верхами на охоту на оленей, диких коз и овец; эта охота называется ablavo. Когда они приезжают в то место, где они выслеживают дичь, разъезжаются они врозь по окрестности, чтобы удобнее настигнуть зверя и окружить его кольцом. Если они могут достать до него своими стрелами, то каждый стреляет из своего лука, так что редкий зверь остается в живых, потому что каждый стрелок один за другим может сделать тридцать выстрелов. По окончании охоты каждый охотник выдергивает свои стрелы [из убитого зверя]. Случается при этом, что в суматохе попадают в лошадей и некоторых из них убивают. С убитой дичины снимается шкура, мясо отделяется от костей и затем высушивается на солнце. Когда запас [мяса] кончен, они вновь отправляются на охоту. Там находится множество дичи, и я сам издалека на расстоянии четверти мили видел несколько тысяч диких овец, которые как снегом покрывали гористые склоны. Здесь поблизости

водится мало пушных зверей, кроме отдельных медведей и волков. Когда у них [бурят] хотят купить быка, которые здесь чрезвычайно велики, или верблюда, необходимого для путешествия в Китай, они отдают их не за деньги, но за соболя с темным волосом, за оловянные или медные кружки, красные гамбургские шерстяные платки, за мех выдры, персидский некрученый шелк разных цветов, а также за слитки золота и серебра, и за эти товары, стоимостью от 4 до 5 рублей, можно купить доброго быка, годного на убой, весом от 800 до 1000 немецких фунтов, а верблюда за 10—12 рублей; рубль же равняется у нас двум талерам.

Как мужчины, так и женщины высоки ростом, крепкого телосложения и по своему довольно красивы, лицом своим напоминая несколько китайских татар. Зимою и те и другие носят длинные халаты (Röcke) из овечьего меха и подпоясываются широким поясом, отделанным железом. Они имеют род шапок, которые они называют malachaven и которые зимою можно опустить на уши. Летом носят они одежду из скверного красного сукна. Впрочем и лицом и всей своей фигурой походят они на чертенят, потому что моются только при своем появлении на свет и никогда не обстригают себе ногтей ни на руках, ни на ногах. Девушки заплетают свои волосы во много косичек, которые стоят и торчат на голове во все стороны, так что своим видом напоминают они Зависть, как ее обычно изображают. Замужние женщины носят одну косу, свисающую сзади головы и украшенную оловянными фигурами.

Когда кто-нибудь из них умирает, то они погребают его в красиво-разукрашенных одеждах с луком и стрелами. Их богослужение состоит единственно в том, что они несколько раз в году, с преклонением головы воздают некоторые почести дохлым козлам и овцам, которые прикреплены перед их жилищами. То же самое делают они, обращаясь к солнцу и луне, склоняясь на колени с протянутыми руками и не произнося при этом ни слова. О другом богослужении не знают они ничего, да и не хотят знать; несмотря на это, они имеют своих священников, которых они убивают, когда им это заблагорассудится и хоронят, кладя около них деньги и платья, полагая, что они нужны для того, чтобы покойник о них молился и для того, чтобы он имел деньги на питание и платья, дабы в них одеваться.

Когда кто-либо из них должен принести клятву, то они отправляются на озеро Байкал, близ которого находится гора, почитаемая ими священной, и до которой два дня пути. На этой горе приносят они свою клятву, кто же присягнет ложно, тот, по их мнению, не сойдет живым вниз. На ней приносят они также в жертву убойный скот.

[Я отправился из Балаганска (Bulagansky)]... После нескольких дней пути среди бурят приехал я в город Иркутской (Jekutskoi), рас-

положенный на реке Ангаре, которая вытекает из озера Байкала в шести милях от города и течет с юга на север. Этот город построен недавно и снабжен мощной крепостью и большими слободами. Хлеб, соль, мясо и рыба здесь очень дешевы, ржи больше всего, и столь много, что за семь стюйверов можно купить ее сто немецких фунтов. Тому причиной плодородие этой земли. От Иркутска до Верхоленска (Wergolensko) родится много разнообразных хлебных злаков (de graanen); там находится много русских дворов, которые наживают богатство земледелием и которые кроме этого ничем более не промышляют. Выше Иркутска, неподалеку от города, к западу, находится пещера, которая некогда извергала пламя; но из нее в настоящее время выходит лишь небольшой дым. Местные жители рассказывали мне, что в ней в течение многих лет держался огонь, и что погас он лишь недавно. Так как почти каждую осень в этих краях случаются землетрясения, хотя и без больших разрушений, я полагаю, что эта пламенеющая пещера благодаря ему закрылась, ибо она представляет собою ничто иное, как большую трещину в плотном грунте, в коем некогда, повидимому, залегали некоторые легко воспламеняющиеся жилы, ныне выгоревшие. Тем не менее даже теперь, если глубоко воткнешь в это отверстие палку и станешь шевелить ею пепел, оттуда исходит еще некоторый жар. Неподалеку от этого места я видел большой монастырь, у подножия которого в реку Ангару впадает река Иркут; по имени ее назван город. В этом монастыре жил некий тайша или монгольский князек, подданный его царского величества, который принял греческую веру; в том же монастыре жила сестра этого князька; она была монгольской монахиней, и, как мне показалось, недалека от принятия христианства по примеру своего брата, так как когда кто-либо говорил с ней о вере, она обыкновенно отвечала: „христианской бог сильной, и нашего бога из неба выгнал; однако же наш бог паки в небо вознесен будет, токмо же христианской бог и в другой раз его выгонит оттудова".

Когда она входила в комнату, где находились люди, она никогда не кланялась, не потому, чтобы это был монгольский обычай, но потому просто, что таково было правило ее ордена; в руках держала она четки, перебирая их. В том же монастыре жил еще лама или монгольский священник, который также обычно держал в руках длинные четки и, непрестанно перебирая их своими пальцами, делал различные гримасы, бормоча себе что-то под нос. От долгой привычки перебирать четки он стер себе большой палец до сустава, но не чувствовал при этом никакой боли.

Отдохнув некоторое время в Иркутске, 4-го марта я выехал в путь, а 10-го марта приехал на берег озера Байкала, которое мы нашли уже покрытым крепким льдом. Переехав через него, мы счастливо достигли деревни Кабаньей (Kabania). Озеро Байкал имеет в ширину около шести немецких миль, а в длину—сорок. Тол-

щина льда на нем была около шести футов. Опасно ехать по нему во время непогоды, потому что ветер сносит весь снег, и лед тогда становится таким скользким, что лошади непрестанно падают, если подковы их не снабжены весьма острыми шипами. На этом озере встречаются полыньи, которые никогда не замерзают: они часто являются гибельными для путников во время сильных ветров, т. к. когда лошади падают, то их собственная тяжесть, вместе с силой ветра, увлекают их по льду, а с ними и сани, так что их невозможно удержать, и если по несчастью случится в это время поскользнуться близ отверстия, то они прямо туда низвергаются и безвозвратно погибают. Иногда же сильный ветер раскалывает лед с шумом, подобным грому; через несколько часов однако трещины снова замерзают. Когда же необходимо провести по льду этого озера верблюдов, то на ноги им одеваю нечто вроде сапогов; на подошвах их приделаны железные шипы, оторые их и удерживают. Быков подковывают так же как и лошадей, потому что в противном случае они не смогли бы ходить по льду. Вода в этом озере пресная, но такая же чистая и зеленая, как и в океане; в нем водится много морских собак [тюленей], которые вылазят в отверстия во льду и на некоторое время показываются над водой. Они все черные и без шерсти, как те, которые водятся в Белом море. В озере также много рыбы, осетров, щук, которых там ловят, причем некоторые бывают так велики, что каждая рыба имеет весом до 200 немецких фунтов.

Единственная река, которая вытекает из Байкала—это Ангара: она течет на северо-запад; впадает же в него река Селенга-(Silinga), текущая с юга и являющаяся единственной большой рекой, которая берет начало в земле монгольской; все прочие же являются маленькими ручейками, притом очень каменистыми. В упомянутом небольшом море находятся также острова; на них и по берегам озера живутбуряты, монголы и онкоты (onkotes); в окружающих горах и лесах ловят красивых черных соболей; здесь же водится лучший сибирский кабардинер (Kaberdiner). Я забыл упомянуть, что когда я хотел спускаться на озеро у монастыря св. Николая, который расположен недалеко от того места, где вытекает река Ангара, местные жители пришли нарочно увещевать меня, чтобы я не называл Байкал озером, пока буду по нем ехать, но всегда называл бы его Далай, что значит море, так как, по их словам, все путешественники, которые не слушались их совета, подвергались многим опасностям от буйного ветра, который подымался как раз в момент их проезда через него. Я начал смеяться этому нелепому утверждению и решил испытать, оставит ли море безнаказанным это мое оскорбление. Я поручил себя воле божией и поехал. Когда я был на самой средине переезда, я велел подать себе рюмку водки и, выпив за здоровье всех европейских христиан, призвал его в свидетели, называя его озером (osera), что озна-

чает стоячую воду, но ветры не только не прогневались на меня, но даже успокоились, и оскорбленное мною море покорно снесло меня на своей спине вплоть до острожца Кабанского, первого места в даурской провинции, причем день был тихий и совсем ясный. Не нужно ли сожалеть о невежестве народа, который находится в таком суеверии, вместо того, чтобы поручать себя богу, который все создал и всем обладает, кому и море и ветры послушны?

[КАМЧАТКА, РЕКА ЛЕНА И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ]

Ледяной мыс (Jskaap) представляет собой полосу земли, которая вдается в море, где ее перерезают несколько рукавов, образующих заливы и острова. Несколько выше море имеет вход, через который проходят рыбаки. Города Анадырск (Anadieskoi) и Собачье (Sabalska) населены чукчами (Xuxl) и коряками (Koeliki), которых мы только что описывали. Река Салазия (Salazia) очень рыбная, в ней ловят главным образом сельдей, осетров, стерлядь (Sterbetli) и нельму (Nebna). Вдоль этой реки, по мере удаления от моря, встречаются различные землянки, обитаемые казаками, которых его царское величество содержит там для сбора ясака с туземцев. Ловят там также соболей и рысь в таком изобилии, что это маленькое пространство земли поставляет его царскому величеству соболей больше, чем всякая другая область Сибири. Климат Ледяного Мыса или, как называют его русские, Святого Носа (Swetoinos op't Moscovisch), что значит Святого Мыса, необычайно холодный. Морозы там так сильны, что некоторые участки моря покрываются льдом, куски которого, гонимые ветром, нагромождаются друг на друга, образуя в короткие промежутки времени высокие горы, кои держатся из года в год. Случается иной раз, что эти ледяные нагромождения и даже поверхность моря по два и по три года не оттаивают, как было, напр., во время морозов 1694 г., продлившихся без перерывов до 1697 г. От Ледяного Мыса перехожу к большой реке Лене, которая течет на юго-запад из озера Байкала, отделяющего, как сказано выше, Сибирь от Даурии. На этой реке расположен город Якутск—главный город Северной области Сибири. Обитатели его приезжают в теплое время года на Святой Мыс, в Сабачин, в Анадырск и в залив Камчатский, чтобы охотиться там на нарвалов, у которых они берут зубы, а также на китов, из которых приготовляют масло. Употребляемые ими лодки сделаны из кожи и рассекают воду с большой быстротой. Народы, живущие в окрестностях этого города и на берегах реки Амги (Amga) называются якутами. Они носят одежду, составленную из кусков меха различного цвета, образующих странную смесь. На швах и вокруг всей одежды господствует обшивка из шерсти белого оленя, шириной в руку; одежда открыта с обоих боков и сделана вроде как бы по немецкой моде.

Народы эти носят длинные волосы, свисающие до плеч. Обычай носить рубашку им незнаком. Они убеждены в существовании некоего бога в небе, которому считают себя обязанными своим имуществом, женами и детьми. У них в году всего лишь один праздник, они празднуют его весной с большой торжественностью. Церемония состоит в том, что они разжигают большой костер и поддерживает его во все время, пока длится праздник; они воздерживаются в это время от питья, но употребляют свой кумыс или арак (kunis of Arak) на изготовление возлияний, которые они, один за другим, приходят выливать в огонь с восточной стороны. Этот кумыс представляет собой водку из молока, которую они обычно употребляют. Когда кто-нибудь из них умирает, ближайший из его родственников принужден быть погребенным совершенно живым рядом с умершим,—прискорбный обычай, происходящий, возможно, из той области Индии, где жена обязана итти на костер и смешать свой прах с пеплом супруга, дабы иметь возможность на том свете возобновить их обоюдное наслаждение. Язык якутов очень близок к языку магометанских татар, живущих в окрестностях Тобольска и происходящих от бухар; может быть, именно в подражание этим татарам каждому якуту разрешается иметь столько жен, сколько он может прокормить. Эти народы путешествуют и перевозят свои товары на санях, которые тащат олени, бегущие очень быстро. Они обычно отважны, смелы, искусны и, повидимому, любят правду. Когда его царское величество посылает в Якутск снисходительного воеводу, не умеющего их сдерживать, они иногда грабят один другого и делают друг другу все зло, какое только могут, но когда офицер со строгостью применяет свою власть, они живут в мире, и не слышно, чтобы говорили о каком-нибудь насилии среди них; они, напротив того, хвалят строгость воеводы и желают, чтобы он долго ими управлял. Они имеют обыкновение говорить, что предками их были монголы и что они населяли некогда часть страны калмыков, откуда русские их выселили, чтобы переселить в эти свои земли. Они добавляют, что гораздо охотнее предпочли-бы жить на своей родине, чем в крайне холодной стране, где они вынуждены проводить три четверти года в подземных пещерах. Они сильно подвержены болезни скорбуту, но владеют секретом излечиваться от него в короткий срок, кушая в сыром виде какую-то рыбу и натираясь родом смолы, называемой деготь (Deugti).

Кроме якутов на берегах реки Лены находим еще идолопоклонников, которые зовутся юкагирами. Все, что мне известно особенного об этих народах, это то, что они срезают мясо с костей своих мертвецов, высушивают их скелеты и, украсив их несколькими рядами стеклянных бус, вывешивают их вблизи своих жилищ и воздают им божеские почести. На берега Лены (Lima—stroom) каждый год приезжают искать зубы и кости мамонта. Эта река, протекая через горы, о которых я говорил в своем повествовании, принимает

в себя потоки, которые оттуда льются во время таяния снегов весной и которые увлекают обыкновенно большие глыбы мерзлой земли; река перекатывает и летом они видны на ее побережьи. В этих то глыбах земли и находят зубы, а иногда и целые скелеты чудовищных животных.

Важнейшие реки, вливающиеся в эту реку, суть: Витим (Witim). Олекма (Olekina) и Майя (Maja), которые текут все три на юг. Берега их так богаты черным соболем и некоторыми другими сортами прекрасного меха, что зимой там можно купить множество (koopen) шкур за три-четыре рубля.

Окрестности реки Майи, города Верхоленска (Wergolenkolso-sic!). где река Лена (Lima) берет свое начало и страна, орошаемая маленькой рекой Киренгой изобилуют зерном. Вся Якутская провинция ежегодно им питается и даже весьма дешево, т. к. сто фунтов ржаной муки стоят там не более 10—12 стюйверов; скот и мясо покупаются там в умеренном количестве; т. к. деньги редки в этой отдаленной провинции, цена его там необычайна.

Морское побережье от устья реки Лены до устья реки Енисея (Ienisea) непроходимо; ни один путешественник до сих пор не обошел его ни водой, ни сушей. Некоторые дошли, правда, до реки Тарсиды (Tarsida), но холод и лед помешали им перейти ее. Народы, обнаруженные между реками Енисеем и Тарсидой—идолопоклонники, это частью самоеды, частью тунгусы и живут они, как и те народы, о которых я говорил выше.

ПРИМЕЧАНИЯ

Называемыми бурятами] Сведения о бурятской народности сравнительно поздно проникли в западно-европейскую литературу. Правда, по мнению Хэннинга уже голландец Иссак Масса в своем описании Сибири (1612) приводит несколько сведений о бурятах, хотя и не называя их по имени; если предположение Хэннинга правильно, то краткое сообщение Массы является первым известием о бурятах в западно-европейской литературе, к тому же современным первым русским известием о бурятах, т. к. знакомство русских с этой народностью относится к первой четверти XVII столетия. (Сл. G. Henning. Die Reisebe-richte über Siberien von Herberstein bis Ides—„Mitteilungen des Vereins für Erdkunde zu Leipzig". 1905, S. 359). Я усумнился в правильности предположения Хэннинга (см. т. I, стр. 266), чем заслужил упрек со стороны Е. Г. Кагарова („Советский север", 1934, № 5, стр. 106), справедливо заметившего, что против допущения немецкого ученого я не привел никаких доказательств. Отмечу поэтому, что Фраза Исаака Массы о предполагаемых бурятах представляется мне прежде всего слишком туманной и содержит слишком немного конкретных указаний; по словам тунгусов, это были „понятливые люди, хорошо сложенные, с маленькими глазами, плоскими лицами и коричневой кожей красно-бурого оттенка"; вопрос о том, в какой области тунгусы встретили этих людей также недостаточно ясен; река „Писида". т. е. Пясина, упоминаемая в тексте, свидетельствует скорее против допущения Хэннинга. т. к. местожительство бурятов было южнее этой реки;

одним из оснований его догадки было также упоминание у Массы „слов ом ом", которые якобы эти люди часто повторяли. Хэннинг толкует их, как искаженное „лам"—Байкал; об ошибочности такого толкования см. т. I, стр. 265, где приведены и другие соображения о загадочном тексте. Более определенные данные о бурятах дают европейские источники конца XVII и нач. XVIII в. Так, французский иезуит Жербильон (см. о нем выше), описавший Забайкалье, приводит несколько любопытных сведений о народах, живущих вокруг озера, в том числе и о „браттах" (Brattes); о бурятах („Bratski") упоминает также другой иезуит Ф. Авриль (см. выше). Несколько сведений о бурятах, называемых „Bratski Mugalen" и „Brati" находятся также в первом издании книги Витсена „Noord en Oost Tartarien" 1692 года, и они повторены с легкими изменениями во втором издании этого труда (1705). Я имею в виду в изд. 1692 г. II, 433 (1705, II, 658 и сл.) и особенно статью: „Bericht noopende Tartarische Volken etc. beschreven door zecker. Heer van aenzien en geleertheit, welke alle hier in vermelte Landen in eigene perzoon heeft besichtigt" (1692, II, 542, 1705, II, 884). Возможно что своими сведениями о бурятах Витсен обязан именно Исбранту Идесу, известие которого, приведенное выше, является одной из первых более или менее обстоятельных характеристик бурятской народности этнографического порядка.

В Нюренберге в 1720 году появилась книга под кудрявым заголовком: „Наиновейшее государство Сибирь, большая и ранее мало известная московитская провинция в Азии и т. д." (Der allerneuste Staat von Siberien, eines grossen und zuvor wenig bekannten Moscowitischen Provinz in Asien etc. Nürnberg 1720; 2 изд.—1725 г. тождественно с первым). Заключительная часть этой книги „Historische Nachricht von den merkwürdigen Begebencheiten der gefangenen Schweden in Sibirien" (S. 185—246) может дать повод к заключению, что в составлении всей книги принимали участие пленные шведы, собравшие, как известно, в своих дневниках и сочинениях весьма интересный историко-этнографический материал о Сибири; тем не менее ценность остальных частей книги далеко не оправдывает возлагаемых на нее надежд. Этнографическая часть ее представляет собою компиляцию, главным источником которой были книги Витсена и известия Исбранта Идеса. В частности 20 глава (S. 175—179), специально посвященная бурятам („Von denen Buratten"), оказывается простым переводом соответственного места из описания путешествия Исбранта, хотя на него не сделано ни одной ссылки и имя его также не названо. Анонимный автор допустил лишь легкие переделки текста, но не исключил из него почти ни одной подробности. Рассказ Исбранта ведется от первого лица,—здесь от третьего; аноним последовательно исключил все, относящееся к самому путешествию Исбранта, но не нарушил принятого у него порядка описания бурят, прибавив лишь округляющие его отдельные фразы. Наибольшая вставка сделана в самом начале главы; она гласит: „Буряты, находящиеся в подданстве русского царя, некогда имели свои жилища в области реки Селенги, но так как благодаря подстрекательству китайцев многие из них передались монголам, то остальные, чтобы избежать соблазна, перебрались оттуда на Байкальское озеро и р. Ангару, в окрестностях которых и живут по горам, платя его царскому величеству большую дань, состоящую из соболей и других драгоценных мехов, и будучи очень богаты молочным скотом и косматыми быками". Далее аноним буквально воспроизводит Исбранта, его характеристику бурятского жилища и т. д.

Эта охота называется: ablavo], т. е. „облава" Сл. древнейшие известия о зэгэтэ-аба, как эта групповая охота называется у бурят в статье М. Н. Хангалова „Зэгэтэ-аба, облава на зверей у древних бурят". Изв. ВСОРГО, 1888, т. XIX, № 3 и М. Н. Богданов. Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск, 1926, ст. 11 и сл.

Здесь поблизости] от Балаганска.

которое они называют malachaven] ср. у Витсена (Noord en Oost Tartarien 1705, II, 660: „malachey"; имеется в виду бурятское: малахай, малагай.

на этой горе приносят они свою клятву] Имеется в виду или Тункинская гора или гора на острове Ольхоне. Об этой горе см. между прочим в очень интересном, хотя и мало известном описании бурят Ренье, швейцарца родом, жившего в Иркутске при детях губ. фон-Бриля (между 1767—1794), напечатанном в книге „Beiträge zur Erweiterung der Geschichtskunde, hrsg. von Johann Georg Meusel 1780, I, S. 119—180.

Выше Иркутска... находится пещера]. В. С. Манассеин „Землетрясения в Восточной Сибири в XVII и нач. XVIII в." Ирк. 1925 (отт. из книги. „Очерки по землеведению и экономике Вост. Сибири", вып II, изд. ВСОРГО, стр. 91—98) пишет: „со слов Исбранта об этой пещере или трещине в земле около Иркутска упоминают положительно, кажется, все авторы, писавшие в конце XVII и XVIII ст. об Иркутске. Говорит об ней Витсен, который полагает, что это был горящий уголь—kolk. Очень интересовался ею и Гмелин в бытность свою в Иркутске. Упоминает об этой горящей трещине в своем сочинении и Страленберг и др." В. С. Манассеин, пользовавшийся сочинением Исбранта по переводу в „Древней Российской Вивлиофике", замечает между прочим: „В переводе сказано, что пещера находилась „к западу", но это несомненно ошибка переводчика". Это указание совершенно справедливо, т. к. в подлиннике, действительно, сказано „к востоку", а не „к западу": „Tegen over de Stad, aan de Oostzyde, is en brandende Spelonk, die vor eenige jaaren redelyk sterk gebrand heeft"...

Онкоты] об этом народе см. И. Сельский в Зап. Сибирск. Отд. РГО 1858, кн. V. стр. 118.

сибирский кабардинер] кабарга.

Далай, это значит море] См. т. I, стр. 265.

Ледяной мыс... Святой нос] См. K. V. Baer, Peter der Grossen verdienste um die Erweiterung d. geogr. Kenntnisse, St. Petersb. 1872. S. 238—239.

Сельдей, осетров. стерлядь и нельму] В подлиннике „Haring, Steur Sferbeth en Nebna" последний термин условно перевожу „нельма"...

до реки Тарсиды] Очевидно, р. Пясина, см. т. I. стр. 217.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5—10

Тексты и комментарии

XXXIV. С. Коллинз (1667) . 11—20
XXXV. Я. Рейтенфельс (1672) 21—26
XXXVI. А. Доббин (1672) . 27—38
XXXVII. И. Арн Бранд (1673) 39 –42
XXXVIII. Эрик Пальмквист 43—47
XXXIX. Кильбургер (1674) . 48—58
XL. Н. Витсен (1675) 59—68
XLI. Бальтазар Койэт (1675) 69—74
XLII. Гильдебрант фон Горн (1684) 75—80
XLIII. Ф. Авриль (1687) 81—101
XLIV. Жербильон (1689) . 102—111
XLV. Г. А. Шлейсинг (1690) . 112—127
XLVI. Де ла Невилль (1691) . 128—138
XLVII. Исбрант Идес (1692) 139—151

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей.

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
125	2 сверху	должим	должны
125	16 снизу	хвали	хвалы
128	13 снизу	следующим	следующем
130	21 сверху	с возможности	о возможности
140	8 снизу	в свет того этого издания	в свет этого издания
146	14 сверху	одеваю	одевают
146	15 сверху	оторые	которые
146	16 снизу	живутбуряты	живут буряты